

Т Р У Д Ы
ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО
ВОЛЬНАГО ОБЩЕСТВА
Л Ю Б И Т Е Л Е Й
РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

~~~~~  
*Miser sum miseris succurrere disco.*

~~~~~  
1819 годъ.

—————
ЧАСТЬ VI.

—————
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ МЕДИЦИНСКОЙ ТИПОГРАФИИ.
1819 ГОДА.

Sm 9783/6

1819, кн. 4-6

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по оппечашаніи, до выпуска изъ
Типографіи представлены были въ Цензурный
Комитетъ одинъ экземпляръ сей книги для
Цензурнаго Комитета, другой для Департамен-
та Министерства Народнаго Просвѣщенія, два
экземпляра для Императорской Публичной
Библіотеки и одинъ для Императорской
Академіи Наукъ. Санктшербургъ, Апрѣля 14
дня 1819 года.

Цензоръ Ст. Сов. и Кав. Гр. Яценковъ.

53405

П Р О З А.

ЗИНОВІЙ БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ,

или

ОСВОБОЖДЕННАЯ МАЛОРОССІЯ.

(Книга II.)

Новость предмешовъ, непрерывное движеніе и швердая рѣшимость достигнуть цѣли своей, облегчающъ разлуку съ мѣстами родины. Быстро идетъ Зиновій по берегу Днѣпра, какъ будто преслѣдуя бѣгущія къ морю волны его. Красоты природы сильно дѣйствуютъ на сердце еще неистомленное лѣтами жизни, но полное воспорговъ и любви къ изящному. Быспрошечный Днѣпръ съ легкою, свѣзлаю водою, часпо и

Ч. VI. Кн. IV.

1

почти всеминутно, изменяешь поверхность свою предъ очами спранника. Малѣйшая опмѣна Неба изображаешь въ чистомъ зеркалѣ водъ его. Займется ли утренняя заря и розовой пожаръ Воспока отражается огнистымъ румянцемъ въ синевѣ рѣки; выступитъ ли солнце и лучи его, подобно золотымъ спрѣламъ, вонзаются въ голубое лоно водъ. Смѣшеніе свѣта и влаги образуетъ свѣшлыя радуги надъ поверхностію рѣки. Но не всегда глядишь въ нее Небо веселымъ лицомъ: находятъ черныя тучи и мрачный сумракъ ложится на воды.

Благотворная рѣка сія невольно волнуется нашествіемъ бурь, спранспвующихъ въ пущыняхъ воздушныхъ: „такъ, — думалъ юный пушникъ, — не рѣдко и добродѣшнейшій человекъ изменяется и спраждаетъ ошь чуждыхъ спрасшей! Такъ и мирное благоденствіе цѣлыхъ народовъ помрачается суешностію власщителей ихъ“!... При семъ размышленіи Зиновій вздохнулъ изъ глубины сердца; онъ вспомнилъ объ участи своего опечесива. Талисманъ, возложенный на грудь юноши машерью друга его, не могъ долѣ предохранить сердце ошь грусти,

и сія грусть и жаркія слезы, капившіяся изъ глазъ—дань нѣжному родителю, оставленной родинѣ! — Но Зиновій, издавна шрудившіяся въ приобретеніи полной надъ самимъ собою власти, старался и теперь направлять по собственному произволу теченіе своихъ мыслей. Удаляя все непріятное, онъ занималъ умъ свой размышленіями важными. Изъ преданій историковъ и рассказовъ отца своего, составилъ онъ себѣ доспамяточное понятіе о тѣхъ странахъ, къ которымъ направлялъ путь свой. Ему извѣстно было, сколь часто Крымъ, — край прелѣспнѣйшій на лицъ земномъ — видѣлъ измѣненіе владычества надъ собою. — Задолго еще до великой эпохи Рожденія Христова, Греки водворили въ немъ многіе рои своихъ сообщественниковъ. Древніе Тавры, жили на каменистыхъ скалахъ, долго удерживали свободу и права въ горныхъ гнездахъ своихъ. Генуэзцы сбивали Грековъ, и на развалинахъ проспыхъ селеній воздвигали цвѣшущіе города. — Но не надолго! Во времена великаго преселенія народовъ, спада кочующихъ ополченій: Скифы, Гошѣы, Вандалы, Козары и наконецъ Турки, одни послѣ другихъ,

*

наводняли сонмищами своими весь Крымъ, разбивали шапры на опроверженныхъ ими городахъ и спалкивая другъ друга съ лица сего полуострова въ шумящія волны морей, орошали кровію своею поля и долины. Наконецъ мѣчи Ташарскіе одолѣли оружіе всѣхъ племенъ. Побѣжденные рассыпались и покорились; а попомки грознаго Чингиса ушвердили незыблемо владычество свое надъ Тавро - Скифскою спраною. — Углубляясь въ сія мечшанія о древности и съ живѣйшимъ любопытствомъ созерцая въ шуманной ошдаленности прошедшаго каршину великихъ событій, Зиновій непримѣнно достигалъ предѣловъ Крыма. Одѣшная сребристымъ пухомъ ковыли обширныя степи предъ нимъ разспилаются, спепи, въ кошорыхъ очамъ спранника, въ печеніе многихъ дней пуши, не предспавляешся ничего, кромѣ земли и Неба. Соляныя озера, какъ чистые кристаллы, свѣшяшся въ сихъ необозримыхъ пусшыняхъ. Безчисленныя спада овецъ и верблюдовъ испещряютъ единообразіе полей. — Госсприимство, первая добродѣтель Ташарскихъ Ауловъ, съ привѣпливою улыбкою вспрѣшила Зиновія у самага Перекопа,

и съ нѣжною заботливостію провождала пушника въ области своего владычества. Тѣни древесныя, хижины поселянъ и шалаши посырей, все считалось тамъ временною собственностію странника, --- гостя, посылаемаго самимъ Небомъ, по мнѣнію Ташарь. — Но оставимъ на минушу Зиновія наслаждаться пріятностію гостепріимства и посмотришь, что происходитъ далѣе, въ среднѣхъ *Ески-Крыла*. Новый Султанъ Турецкій вознамѣрился ознаменовашь вступленіе свое на Престолю Оптомановъ поработченіемъ цвѣщущаго полуострова, кошорый шолько по единству вѣры былъ въ нѣкошорой дошоль зависимости опъ Поршы. Великій флотъ приготовлялся перевести изъ Анашоліи многія шолпы Янычарь, Спаговъ и Арабовъ, долженшвовавшихъ наложить цѣпи рабства на свободный Крымъ. Скорыя вѣсти увѣдомили Крымцевъ о покушеніи ихъ враговъ. Ханъ Крымскій, спарець, почтенный лѣшами и знамѣнишый подвигами выступилъ въ поле съ юнымъ сыномъ своимъ. Не могли знашь навѣрное, въ какомъ имянно мѣстѣ прішпанушь Турки къ берегу, и пошому должно было прии-

мать мѣры къ оборонѣ въ различныхъ мѣ-
сцахъ одинаково. —

Все было въ шревогѣ и волненіи; ибо вся-
кой дорожилъ свободою болѣе жизни. Всѣ
просили о защитѣ себя Небо, вождей сво-
ихъ, и даже самую бездушную природу. —
„Свирѣпѣйте воды шихія! проснитесь въ-
шры горные! Бушуйте пучины глубокихъ
водъ! кашитесь волны на волны! смущай-
те моря бури неушѣщимыя! да погло-
шаютъ кипящія бездны гордыя шпрои ко-
раблей, несущихъ намъ цѣли и рабство!“
Такъ восклицали жители приморскіе, по-
шомки древнихъ Грековъ. „Дикія горы! взне-
сите крѣпцы свои до небесъ, постройтесь
лѣсами дремучими, породите свирѣпыхъ звѣ-
рей: да не дерзнутъ прешупитъ васъ зло-
дѣи вольности опечества нашего!“ „Сей былъ
голосъ горныхъ Тавровъ. „Воскресните огни
подземные! проснитесь горы, дышавшія
пламенемъ! испрогнитесь изъ недюшей ада
вихри огненные! раскалите землю, воспла-
мените моря и подыавшаяся пылающею стѣ-
ною опъ глубокихъ долинъ до высокаго не-
ба, спасите, защитите насъ опъ грядущихъ
къ намъ ширановъ.“ Такъ зывали племена при-

норскихъ Генуэзцевъ къ попухшимъ грома-
 дамъ пеща древнихъ вулкановъ. — „Свяшій
 Пророкъ! мы не спремимся къ слѣпому без-
 началю, къ дерзкой необузданной вольно-
 сти: мы желаемъ только защищать оте-
 чество, права, упроченныя намъ спольши-
 ми и цѣлосць законовъ для насъ благодѣ-
 шельныхъ.“ Слова сія были въ успахъ всѣхъ
 спарцевъ Тапарскихъ.— „Свобода или смерть“,
 восклицали пыдкіе юноши, оспря заржа-
 вленное оружіе на приморскихъ скалахъ. Мо-
 ря, пусшыни, доды звучали кликомъ сво-
 боды, и любовь къ отечеству одѣла весь по-
 луостровъ, какъ горная горлица гнѣздо свое
 злашными крылами, смѣло вопрошала: „Кшо
 дерзнешъ обидѣшь чадъ моихъ?“— Въ шакомъ-
 то величественномъ видѣ долженъ былъ Зи-
 новій узрѣшь древній Крымъ. — Но лупь
 степной запруднищеленъ: надлежало иди
 по шропамъ, опшвердѣвшимъ подѣ спопами
 пупниковъ и раскаляемымъ солнечными лу-
 чами. Юноша уже нѣсколько дней прохо-
 дилъ сею степною дорогою. Вездѣ слышалъ
 онъ о вооруженіи Крымцевъ только повер-
 хностно: никшо не могъ удовлетворить лю-
 бознѣшству его общояшедно; наконецъ

счастливы́й случай представился. Послѣ продолжительнаго знойнаго дня наступалъ прохладный вечеръ: края чистаго неба со всѣхъ сторонъ представлялись въ соединеніи съ гладію полей, и западающее солнце, казалось уходящимъ *подъ землю*. Одна половина его уже сокрылась; другая догорала еще въ видѣ большаго огненнаго полукруга на самомъ краю обзора и послѣдніе лучи его длиннымъ проляженіемъ, какъ будто расшираясь по землѣ, тускло освѣщали съдое пространство степей. Въ это время Зиновій увидѣлъ недалеко отъ дороги сельской домикъ, тѣнистую рощу и шарца, созерцающаго захожденіе *степнаго солнца*. Надежда на гостепріимство назначила ему мѣсто сіе для ночлега, привѣтливостью встрѣтила у порога хижины.

Два прекрасныхъ опрока по повелѣнію пресшарѣлаго родителея нагрѣли воды, разпустили въ ней мыла изъ душистыхъ, цѣлительныхъ травъ и умыли упружденныя ноги Зиновія. Нѣсколько кистей винограда, арбузы алые какъ заря, сочныя дыни, различныхъ родовъ сливы, черешня и густое млеко, присоединяющее къ опишанному вку-

су благоуханіе зелій, пипающихъ спада на пажисяхъ Крымскихъ — все сіе немедленно госпю предсавлено. —

Мы еще не сказали, что Зиновій разумѣлъ хорошо Ташарской языкъ; отецъ и спарой Ташаринъ, служившій нѣкогда въ домъ ихъ, дошавили ему случай выучиться оному. Благо-разумный юноша любилъ бѣсѣду спарцевъ. Зиновій съ удовольствіемъ слушалъ хозяина своего, который съ особеннымъ восхищеніемъ описывалъ пріятности паспущеской жизни. „Жизнь рыболововъ и охотниковъ, говорилъ онъ, мрудна и заботлива: первые осуждаютъ себя на вѣчное започеніе въ дикихъ скалахъ при шумныхъ порогахъ или на берегахъ нашихъ морей; другіе, скипаясь по лѣсамъ, проводятъ вѣкъ свой въ непрерывной спражѣ за дикими звѣрями и въ опасной войнѣ съ оными. Правда, что по расчетамъ корысти всѣ выгоды на ихъ споронѣ: ибо шѣ и другіе выручаютъ много серебра за свои добычи; но пріятности поспоянной жизни, но безмятежность мирныхъ дней, но совершенное невѣдѣніе заразительныхъ наслажденій роскоши, и на конецъ, ни чѣмъ ненарушаемая независимость

опшъ самаго разсвѣта и до сумерковъ жизни, принадлежишь конечно однимъ шолько паспырямъ. Ибо кто будешъ завидовашъ паспырю, не имѣющему ни злаша, ни сокровищей? Чья рука вооружишся на опняшіе просныхъ даровъ природы, кошорыя онъ съ шаковою же какъ и она щедростію предлагаешъ каждому? Но если ополчашся злодѣи на свободу нашу; шогда и мирные паспыри спановяшся спрашными воинами, шогда посохи превращающся въ копья; виѣшо свирѣлей блестятъ мечи, и цѣною лучшихъ овецъ покупаешся оружіе у нашихъ горныхъ сосѣдей.“ Далѣ, вопрошаемый Зиновіемъ, рассказывалъ спарець обстоятельно о вооруженіи народа, показалъ *Фирманъ Ханской*, кошорымъ призывались *вольные люди* изъ всѣхъ племенъ на защиту опечесшва, и продолжалъ: „я оппустилъ прехъ сыновъ моихъ и, если врагъ усилишся, пойду съ сими двумя опроками пролишь послѣдніе опшпакки хладѣющей крови и положишь шѣло свое въ одну могилу съ штысячами брашій. Нѣпгъ!“ продолжалъ онъ съ жаромъ — „не попущу, чшобъ дерзкій побѣдншель вломнлся въ пошашенную дверь моего гарема;

чтобы ножи Турецкіе почли кровь моихъ снадь, и кони ихъ шоппали пажити долинъ моихъ; лучше спокрашно приму смерть!" — Спарецъ умолкъ; а Зиновій разсуждалъ, съ какимъ пламеннымъ рвеніемъ защищаешь народъ отечество свое въ то время, когда безпрепятственно пользуется своею природною свободою, подъ покровительствомъ законовъ, неизмѣнныхъ въ смыслъ и могущесивъ своемъ, и совершенною безопасностію—оградю правъ и выгодъ общесивенныхъ. Но сколь, на прошивъ слабымъ и малодушнымъ дѣлаетъ его лишеніе наслѣдственнаго преимущесива Гражданина и родоваго права чловѣка! . . . Ополченія рабовъ, влекомыя корыстію, необходимостію или грозою на пролишіе крови въ чуждой споронѣ, могутъ ли пропивущащъ людямъ вольнымъ, обороняющимъ вѣру, законы и всѣ частныя выгоды, нераздѣльныя съ выгодами общесива, кошорого они члены? — Безсмертія и похвалъ достойны шѣ прависели народовъ, думалъ Зиновій, кошорые, признавъ надъ собою шоржесиво владычесива законовъ, не спремашся ошдѣлать собсивенныхъ выгодъ ошѣ выгодъ общихъ, кошорые

богаты богатствомъ народа, не побѣдимы его мужествомъ и счастливы счастьемъ онаго! Такъ рассуждалъ юный Хмельницкій: тайное предчувствіе говорило ему, что нѣкогда и самъ онъ можешь содѣлаться успроиселемъ судьбы народа. — Крапка бываетъ ночь пушника, старающаго желаніемъ достигнуть цѣли своей. —

Еще не разсѣялись утренняя сумерки румянымъ блескомъ зари, а Зиновій готовился уже въ пушь. Блѣяніе ягнятъ, заключенныхъ въ зеленой оградѣ, и машерей ихъ, прибѣжавшихъ съ полей съ полными млека сосцами, пробудили юношу. Куда шакъ рано? сказалъ спарець. Спѣшу принести о шебѣ вѣспѣ сыновьямъ швоимъ, отвѣчалъ Зиновій.

И тогда шолько узналъ хозяинъ о намѣреніи своего гостя: ибо по обычаю шѣхъ странъ при угощеніи пушника возпрѣщено любопытствовать о имени его и цѣли странствія. — Спарець обнялъ юношу и поручилъ повпорить за себя сынамъ своимъ, что смерть ихъ почтешъ благословеніемъ Пророка, если они умрутъ свободными, исполнивъ великій долгъ свой; но умрешъ самъ оны горешши, если увидишь

ихъ рабами и опечесиво покореннымъ. — Они разспались. Скоро миноваль Зиновій спешную, и вошелъ въ камениспую полосу Крыма. Высокія скалы, покршыя кушарниками, развалины древнихъ городовъ, цѣпи холмовъ и быспрыя рѣчки сосшавляли въ глазахъ его каршину совсѣмъ прошивуположнующую нагошѣ спешей. Лѣса синѣлись въ ошдаленности. Въ сей часпи полуоспрова воздухъ былъ прохладнѣе; долины свѣжѣе; большіе шабуны лошадей, нешерпѣвшихъ неволи, паслись на берегахъ прошочковъ, наполняя окрешности ржаніемъ. Нешерпѣніе убиспрыало шаги Зиновія: ему казалось, что Турки доспигнули береговъ, что храбрые Ташары уже пожали лавры побѣды, и все сіе совершилось безъ него! Онъ рѣшился продолжашъ пупъ свой и по ночамъ. Но холодные ночи Крымскіе не могли оспудить пламеннаго воображенія юноши. — Скалы, холмы и лѣса превращались въ мечпаніяхъ его въ ополченія, а долины въ поля бишвъ.

Мысленно двигаль Зиновій великими рашями, указываль имъ шайные пущи, навондиль ихъ какъ воды на спраны враждебныя; сидую рѣчей своихъ воспламеняль въ сера-

цахъ угасающее мужество и быстро опровергалъ всѣ оплошны враговъ. Такимъ образомъ въ юномъ Хмельницкомъ не привычно созрѣвалъ герой и великій полководецъ того времени. Наконецъ въ одно утро, съ вышины крушой горы увидѣлъ Зиновій море. Оно пемнѣло въ опдаленности. Радостно взыграли сердце юноши. „Тамъ, думалъ онъ, встрѣчу я враговъ свободы, тамъ буду сражаться и можетъ быть обрешу лавры и славу!“ Зиновій направилъ путь свой къ древнему Кезлову. Часныя встрѣчи съ вооруженными шолпами и всюду разсѣянные шаптры различныхъ воинственныхъ племенъ предвѣщали скорое достиженіе цѣли.

„Кто ты? отколь? куда идешь?“ сими вопросами встрѣтили Хмельницкаго спорожевые опряды молодыхъ Ташаръ. „Я Малороссіянинъ: оставилъ опечесство свое, убишое неволею; ищу спраны, незнающей рабства. . . . Молва указала мнѣ на Крышь — и Крышь сдѣлался цѣлю моего спранства!“

Воины, ласково приняли юношу и проводили сквозъ пысячи вооруженныхъ къ великолѣпному намешу Ханскому. — Кто пы юноша? вопрошалъ его Ханъ. „Вольный гра-

жданинъ порабощенной Малороссіи.“— Куда идешь?— „Въ Крымъ.“ Чѣмъ можешь бышь полезень Крыму? „Мѣшкою спрѣлою, оспрымъ мечемъ и неуспрашимымъ сердцемъ!“ Развѣ ты пришелъ сюда Сражашься за свободу Крыма!“ Почему мила тебѣ свобода наша?— „Свобода естъ общее достояніе всѣхъ человѣковъ!“— Ханъ ободрилъ юношу взоромъ, исполненнымъ благосклонности, спарцы похвалили разумъ ошвѣшовъ его, „Какъ зовущъ тебѣ?“ спросилъ его спройный молодой человѣкъ: эшо былъ сынъ Ханской. „Я Хмельницкій!“ ошвѣчалъ Зиновій. Хмельницкій изъ Чигирина, воскликнули вдругъ нѣсколько спарцевъ, Хмельницкій! повшорилъ Ханъ: я зналъ Филомара Хмельницкаго, живешъ ли онъ еще?— „Онъ живъ, и въ умирающей ошъ спаросши груди его, жива еще любовь къ свободному и гостеприимному Крыму. Филомаръ ошець мой!“ Филомаръ швой ошець? воскликнули спарцы. „Онъ былъ сопобѣдникомъ и другомъ моимъ. И мы будемъ друзьями!“ сказалъ Агласимъ, сынъ Ханской, ласково подавая Зиновію руку. Вскорѣ слухъ о прибышій молодого Хмельницкаго распросшравился по

всѣмъ Ауламъ „Мы знавали Малороссіянина Хмельницкаго, говорили спарые воины, показывая раны свои. Вошь раны ошь него, и вошь другія за него; первыя получили мы въ дерзновенныхъ набѣгахъ на Малороссію— повсюду имъ опбишые; а вшорыи украсились въ шѣ дни шоржесшвъ и славы, когда, досшигнувъ съ нимъ береговъ Дуная, вездѣ побѣждали!“ Такъ говорили о Хмельницкомъ въ Аулахъ Ташарскихъ. Спарцы рассказывали о подвигахъ его юношамъ, цѣпенѣющимъ опть удивленія, и всѣ спѣшили съ любопышсшвомъ смонрѣшь на молодаго Зиновія. — Таково-шо могущество швое, о слава, приобрѣтаемая истинными заслугами предковъ! Не шы ли лучшее наслѣдіе пошомковъ?— Между шѣмъ Зиновій принялъ въ *потетное Ханское* войско и включень въ число приближенныхъ его. Вмѣспѣ съ юнымъ Агласимомъ, на быспрыхъ горскихъ коняхъ, объѣхали они обширные воинскіе шпаны, разкинушые на великомъ пространствѣ степей. Все, что могло бышь вооружено въ цѣломъ Крыму, вооружилось. Берега песшрѣли шапрами. Но Зиновій не могъ взирашь безъ прискорбія на безпорядокъ, съ кошорымъ

шолны Ташарскія пригошовлялись вспрѣ-
 шипь Турокъ. Зиновій, любившій спра-
 шно еще въ лѣсахъ ранней молодости, чи-
 шашь дѣянiя великихъ полководцевъ и прио-
 быкшій пошомъ, въ мечпанiяхъ своихъ,
 учреждашь спроями войскъ, внушренно не-
 годоваль на неуспройсшво Ташаръ, при-
 выкшихъ полько нападашь и неумѣвшихъ
 защищашься. Зиновій не слыкаль еще грома
 сраженiя, но могъ уже равняшя съ опыш-
 нѣйшими изъ Крымскихъ вождей гъ на-
 укъ сражашься: вошь польза предвари-
 шельнаго ученiя! ... Пресшарѣмый Ханъ
 зная, что праздношь усыпляешъ мужештво,
 пишаль дѣяшельношь юношей различными
 играми. На другой день по прибышii Зиновiя
 назначены ристалища и спрѣльба изъ
 лука. Подъ громомъ *жельзныхъ пушекъ*, при
 звукъ шрубъ, распахнулись полы шапра
 Ханскаго. Бѣлобрадые шарцы, судii подви-
 говъ, засѣдали въ немъ. Началось рыспанiе.
 Нѣсколькo сошь юношей, успроясь въ даль-
 шемъ разшоянii, быспрѣе вихря пуспились
 къ цѣли. Конный спрой волновался; одни
 упреждали другихъ; нѣкопорые уже пожи-
 рали взорами лѣшную награду; но Аглаимъ

на спашномъ Анапольскомъ конѣ, равнявшійся прежде съ прочими, вдругъ въ одно мгновеніе ока всѣхъ опередилъ и принялъ изъ рукъ восхищеннаго родишеля лавровый вѣнецъ. — Послѣ сего продолжалась нѣскольکو времени борьба, на кошорой многіе юноши изъ разныхъ племенъ осшались побѣдителями. — Наконецъ присшупили къ спрѣлянню изъ лука. Бѣлый Египешскій орель привязанъ былъ къ золошому кольцу на верьху высочайшей *раины*. Соколь и воронъ находились нѣскольکو ниже. Сполбъ украшался цвѣтами, зеленою и шелковыми шканями, кошорыя въ радужной песпрошѣ своей развѣвались по воздуху. Поданъ знакъ и сподвижники выступили впередъ; поданъ другой — нашнянушы луки; по шренъему засвиспали спрѣлы. . . . Пронзенный воронъ палъ съ высоты; множесшво спрѣлъ вонзилось въ сполбъ.

Выступилъ Аглаимъ, нашнянулъ позлащенный лукъ свой и сбиль сокола; никто не могъ поразить орла, кошорый кружился по воздуху шщешно спарался прервать оковы. Чпѣ же шы не испытываешь руки своей? говорили спарцы Зиновію. Юноша, ожидавшій шолько приглашенія скром-

но поклонился судіямъ, вынулъ надежную спрѣлу и напрягши лукъ шугой: „Орлы любящъ свободу, сказалъ онъ.—„Счастливъ буду, если подарю ее сему!“—Сказалъ, — пускаешъ спрѣлу, спрѣла разсѣкаетъ шелковые шнуры—и орелъ взвиваешся къ небу!—Раздались рукоплесканія, пимсячи похвалъ осыпали юношу и спарцы вручили ему награду — серебрянный колчанъ съ позлащенными спрѣлами. — Юный Аглаимъ съ живѣйшимъ чувствомъ благороднаго соревнованія взиралъ на юношу. Съ перваго взгляда онъ его полюбилъ; послѣ первыхъ объясненій началъ уважать, а первый подвигъ Зиновія усугубилъ въ немъ уваженіе къ нему.—„Другой!“ говорилъ Аглаимъ. „Ты не рожденъ бышь проспытымъ воиномъ: все показываешъ въ тебѣ человека, достойнаго повелѣвать другими. Какъ воинъ будешъ ты полезенъ только своею храбростію; какъ начальникъ принесешъ несравненно большую пользу своимъ благоразуміемъ. Опець мой,—продолжалъ онъ,—охотно поручилъ бы тебѣ часть войскъ своихъ; но онъ боится оскорбить самолюбіе старѣйшихъ вождей. Есть у насъ однакожь другой способъ сдѣлаться начальни-

комъ: древній обычай позволяеть вольнымъ Ташарамъ наниматься на службу, соспавлять особые полки и слѣдовать предводительству того, кто даеть имъ условную плату. Возьми ошь меня золото и..... Тушь Зиновій вспомнилъ о драгоцѣнносняхъ, которыя опецъ заспавилъ его взять съ собою и о кошорыхъ онъ—думая только о славъ — совсѣмъ почти забылъ. Съ благодарностию опказавшись опъ предложенія Аглама принесь онъ кочанъ свой, опкрылъ пошаенное опвершье и высыпалъ изъ онаго — драгоцѣнные камни. Сокровища Зиновіевы оцѣнены дорого; ему позволили нанимать войска — и вольные Ташары изъ всѣхъ племень, полпами спеклись подъ знамя, дарованное ему Ханомъ. Зиновій испросилъ позволѣніе соспавить особую береговую спражку. И съ сей-шо минушы показалъ онъ въ себѣ духъ великаго Полководца. Благоразуміе, прозорливоспъ и неупомимая дѣятельноспъ ознаменовали всѣ поступки Зиновія. Западающее солнце оспавляло его на конѣ, на конѣ же встрѣчалъ онъ зарю упреннюю. По его повелѣнію очищены берега; пушки сокрыты между горъ; на высочайшихъ скалахъ раз-

спавлены спражи, долженствовавшіе смотрѣть неуклонно на море, передавать взаимно знаки, и при первомъ появленіи неприятеля привести все войско въ движеніе. Сподоль мудрыя распоряженія водворили во всѣхъ полную довѣренность къ Зиновію. —

Вскорѣ на краю дальнаго горизонта начали показываться корабли Турецкіе. Въ сумракѣ шикаго лѣшняго вечера бѣлѣли безчисленные паруса. Спражи пошчасъ подали голосъ съ высоты горъ. Загремѣли шрубы въ долинахъ; раздалось ржаніе коней; зазвучало оружіе—и весь вооруженный народъ въ волненіи!... Сильно забилося сердце Зиновія—ошъ радости. —

Прибыль Ханъ съ юнымъ Аглаимомъ. Предлагающъ различные способы къ опраженію; Зиновій смотритъ спокойно; наконецъ подѣхавъ къ Хану, проситъ его усердно дозволишь ему первому всирѣшнись Турокъ и ондаешъ голову свою подъ мечъ, если не побѣдитъ плывущихъ за побѣдами. Ханъ предложилъ о семь сшарѣшннамъ, объявилъ войску—и раздался общій голосъ: „да будетъ Хмельницкій вождемъ нашимъ!“ Съ благородною скромностію принялъ онъ санъ

военачальника. Спокойно созвалъ вождей, начерпалъ на песокъ порядокъ строя и роздалъ нѣкошорыя шайныя повелѣнія..... Вскорѣ весь берегъ опустѣлъ: все сокрылось въ горы.....

Между шѣмъ Турки приближались; передовыя суда осмошрѣли берегъ: пущѣ и безмолвень былъ онъ!.. Заключая по сему, что приспающѣ къ оспрову съ стороны слабѣйшей, неприсятели подали знакъ къ высадкѣ и шысячи ихъ въ глубокомъ молчаніи покрывающѣ берега.....

Полная луна сіяещѣ на высокомъ небѣ.— Крымъ кажешся погруженнымъ въ глубокой сонъ — и гордыя чада — Поршы уже мечшающѣ обладащѣ прелесшными шстранами его..... Войска овладѣли берегомъ, шашры раскинушы; корабли опчалили... Вдругъ раздался громъ невидимыхъ орудій; воздухъ посѣдѣлъ опш дыма; луна померкла; раскаденныя ядра засверкали молніями; шысячи пудъ полешѣли съ свисшомъ и шрѣды посыпались градомъ изъ-за горъ и ущелій. Турки въ омяшеніи; испуганныя кони наполняющѣ воздухъ ржаніемъ; шашры пылающѣ; неприсятели приписнушы къ самому морю и

подъ смершнымъ пораженіемъ невидимыхъ громовъ, ограждающъ себя окопами.—Упро освѣпило ушомленныхъ рабошою поды защишою высокыхъ валовъ. Но подобно быситрому орлу, взирающему изъ-поды облакъ на черныхъ змѣй, ползущихъ въ густой шравѣ, — Хмельницкій, занявъ высоты окрепленныхъ горъ, открылъ непріятелей въ самой срединѣ окоповъ и одождилъ ихъ съ высоты тысячею стрѣлъ. Разъяренные Ошоманы рѣшились на вылазку. Съ громкимъ крикомъ, съ пѣной на устахъ, сверкая *таганьши* и *кинжалашы*, яростно бросились они къ горамъ. Хмельницкій прошивупославилъ силъ и ярости — хишпросшь. Ташары съ пришворнымъ шпрахомъ побѣждаи бышро; Турки преслѣдовали ихъ далеко, Благоразуміе предводило первыхъ, ошчаяніе ослѣпляло послѣднихъ. Наконецъ Хмельницкій оштановилъ своихъ въ обширной долинь. Турки оглянулись—горы и засады замыкали ихъ; хотѣли двинушья впередъ—сабли Ташарскія преградили имъ пушь! Опасность ошсудила яростъ гордыхъ, шпрахъ заслупилъ мѣсно видѣвшосни. —

Съча была великая и побѣда совершенная; но Крымъ еще не освобожденъ: другая половина войскъ оспалась въ укрѣпленіяхъ. — „Малодушные!“ кричали Турки съ высоты окоповъ своихъ — „Вы бѣжише какъ робкія серны ошъ спрашныхъ львовъ и губише насъ съшми и хипросшми!“ Ташары обидѣлись; пылкой Аглаимъ хошѣлъ шребовашъ единоборства съ вождемъ Турецкимъ. Хмельницкій ошпановилъ друга своего, приказалъ гошовишъся къ новому присупу и послалъ сказащъ Туркамъ, чшо Ташары гошовы немедленно доказащъ имъ храброщъ свою въ самой средищъ ихъ окоповъ. Во всю ночь валы непріятельскіе унизаны были смоляными свѣспильниками. Турки ожидали нападеңія, а Хмельницкій возходящаго солнца, чшобъ одержашъ побѣду при свѣшѣ его. На ушренищъ зарѣ двинулись къ присупу. Тупъ Хмельницкій забылъ уже санъ вожда и спалъ на ряду съ прошыми рапниками. Одну половину храбрѣйшихъ юношей опдалъ онъ Аглаиму, съ другою пошелъ самъ. Турки всшрѣщили насупающихъ ужаснымъ сопрошвлениемъ: бревна лешали, каменья сыпались, расщоплен-

ная смола и вода кипящая лились на осаждающихъ. Дѣйствіе пушекъ было губительно; но ничто не могло остановить Ташаръ; ничто не въ силахъ было противуставить Хмельницкому и Аглаиму. Какъ два сердитые пошокъ, упишанные весенними снѣгами спремьяшся съ двухъ противныхъ холмовъ ломая деревья, изпоргая камни и сдирая кушарники съ кремнистыхъ бугровъ. долина шрепещеть ихъ разрушительнаго спремленія. пакъ два юные героя, два друга, Аглаимъ и Хмельницкій несли смерть и ужась въ окопы Турецкіе. Хмельницкій получилъ рану и шель впередъ, получилъ другую и не остановился въ спремленіи къ побѣдѣ. Опчаяніе не спасло Турокъ. Солнце достигнувъ половину дневнаго пуши, узрѣло окопы ихъ, загроможденные шрупами. Верховной Визирь съ малою шолько частію ушелъ на корабли. Три *Паши* и всѣ пушки доспались въ пѣнѣ. Среди спона умирающихъ Турокъ, при радосныхъ крикахъ Ташаръ, подъ звукомъ шрубъ, Хмельницкій обнялъ Аглаима и оба провозглашены побѣдителями. Аглаимъ не былъ раненъ; раны Хмельницкаго не были опасны. Ханъ ожи-

даль ихъ въ великолѣпномъ наметѣ своемъ; они
 поспѣшили шуда съ профетями! „Сейчасъ
 преклоните знамена! *Мурзы, Калеи, и Ну-*
радинъ Салтаны, поклонитесь Избавишелою
 Крыма!“ Такъ воскликнулъ Ханъ при вступ-
 лении Хмельницкаго и въ восхищеніи об-
 нялъ его народѣ съ роднымъ сыномъ сво-
 имъ.

(продолженія ожидать можно).

О СВЯЩЕННЫХЪ ПѢСНЯХЪ ИЛИ ГИМНАХЪ,

Изъ Толаса.

Начало священныхъ Пѣсней сокрыто въ глубокой древности. Происхождение оныхъ должно искать въ первыхъ Гимнахъ, воспѣтыхъ въ честь Божества. — Гимны сіи внушены были удивленіемъ и благодарностію. Человѣкъ, въ первый разъ по сотвореніи, открывъ глаза, долженъ былъ поразишься великимъ зрѣищемъ, представляемымъ ему Природою. — Пространство Небесъ, обширность лѣсовъ, богатство и разнообразіе полей, безчисленное множество движущихся существъ, созданныхъ для украшенія шара имъ обитаемаго: все сіе долженствовало произвести сильное впечатлѣніе на его разумъ. — Вскорѣ другому чувствованію надлежало заслупить мѣсто перваго. — Онъ

увидѣлъ, что Природа сія, столь богатая, имѣла къ нему отношенія: шѣла небесныя сообщали ему свѣтъ свой, — плоды возраспали предъ его спопами или падали съ вѣтвей для его пици, — древа, покрывал его шѣнію доставляли ему пріятное мѣсто успокоенія,—небеса, во время сна его, какъ бы сквозь нѣкій покровъ, низпосылали тихій и пріятный свѣтъ въ его убѣжище. Пораженный шопикими чудесами, чувшвуешь онъ, что причина бышія ихъ не заключается въ немъ самомъ, чувшвуешь, что все сіе есть швореніе Сущесшва, являющаго себя ему въ своихъ благодѣяніяхъ — и ищешь Оное въ семъ пущынномъ мѣрѣ, въ коемъ оставленъ онъ, ищешь на Небесахъ, на землѣ, во всемъ, его окружающемъ, склоняешь слухъ внимаешь оному... Исполненный священнаго чувшсшва, въ сердцѣ его возрасшающаго, соединяешь онъ голосъ свой съ гласомъ Природы, и съ вершины горы, или изъ уединенной долины; при шумѣ рѣкъ и пошочковъ, шекущихъ у ногъ его, воспѣваешь Гимнъ въ честь Божесшва, коего ощущаешь присудсшвіе и кошорымъ живешь и чувшвуешь.

Первый Гимнъ, воспѣтый въ сей пусты-
нѣ міра, былъ важною эпохою для человѣ-
ческаго рода. Вскорѣ опцы, собирая на по-
ля дѣшей своихъ, начали воспѣвать свя-
щенные хвалы вмѣстѣ съ ними. — Сшарець,
окруженный плодами жашвы, держащій въ
одной рукѣ хлѣбный колось, а другую воз-
дѣвъ къ Небу, началъ поучать семейство
свое прославлять Бога, ихъ питающаго. —

Въ сіи первыя времена восхваляли Боже-
ство при возхожденіи солнца, копорое какъ
бы возвращало вселенную человѣку. Восхва-
ляла Оное при наступленіи ночи, ибо мракъ
и пишина оной вселяли ужась. — Просла-
вляли также при началѣ каждаго года, при
каждой переменѣ годоваго времени, при ка-
ждомъ новолуніи. — Кажешся, что съ на-
чала міра, человѣкъ, еще мало увѣренный
въ благодѣяніяхъ Природы, спрашился, какъ
скажешь, всякую минушу бышь ею оспа-
вленнымъ; онъ, примѣчая безпорядокъ во
многихъ мѣстахъ земли, еще дикой, почув-
ствовавъ всю цѣну поспояннаго устрой-
ства, представляемаго ему Небесами. —

Въ послѣдствіи, даже у народовъ обра-
зованиѣйшихъ, всякой разъ, когда случится

какое неожиданное благополучіе или бѣд-
 ствіе, тотчасъ прибѣгали къ Божеству, ими
 почитаемому. И пакъ мы видимъ изъ
 Испоріи, что во время эпидемическихъ болѣз-
 ней и войнъ, когда большія сраженія были
 проигрываются, когда язва пожирала гражданъ
 тысячами, когда народу казались привидѣ-
 нія, блѣдныя и ужасныя, распостранявшія
 повсюду опчаяніе, — тогда жрецы въ хра-
 махъ и у подножія олтарей, среди многочи-
 сленнаго народа, воздѣвъ руки къ Небу, во-
 спѣвали новые Гимны.

Но какииъ образомъ человѣческой умъ ос-
 ѣблился прославлять Бога? Другъ можетъ
 прославлять друга, рабъ своего господина,
 подданный Государя. — Не смотря на различіе
 степеней, люди всѣ равны. — Но человѣкъ
 и Богъ, гдѣ нуть общая мѣра? —

Однако всѣ народы имѣли Гимны. Въ нихъ
 приписывались Божеству свойства, сообраз-
 ныя склонностямъ, нуждамъ, порокамъ или
 добродѣтелямъ народовъ. Прославляю Тебя;
 восклицаетъ дикій обитатель Гренландіи, о
 Ты, котораго невидимая рука приводитъ
 каждыгодно кита къ острогъ моей и спру-
 ящеюся изъ раны его кровью, вспомоцеси-

вуешь ииѣ его преслѣдовать. — На другомъ полушаріи, подъ яснымъ небомъ, Индіанецъ взываетъ: Хвала Тебѣ, о Ты, которій повелѣваешь на поляхъ моихъ произрастать пшениу и на берегахъ ручьевъ цвѣсти цитроннымъ и померанцовымъ деревьямъ; — тогда, какъ на Восточномъ краѣ Россіи, другою дикіи народы у своихъ вулкановъ возвышаютъ голосъ: обожаю и прославляю Тебя, о Существо всемогущее и страшное, обитающее въ сихъ огненныхъ пучинахъ и извергающее изъ оныхъ пламень на наши снѣжныя и льдистыя равнины. — Такъ, у всѣхъ народовъ, Гимны принимають, шакъ сказашъ, ошпечашокъ климата, и Природа, дикая или улыбающаяся, производя посредствомъ чувствъ впечатлѣніе на понятія, опредѣляетъ въ нихъ родъ хвалы Божеству. —

До насъ дошли многіе Гимны древнихъ. Спрана, гдѣ воспѣвалъ Гомеръ, гдѣ Орфей устроивалъ пѣанства, гдѣ Зодчество воздвигло храмы, коихъ развалинамъ и шеперь удивляеися, гдѣ рѣзецъ Фидіаса, казалось, претворялъ мраморъ въ Божество, — спрана, гдѣ воздухъ, земля, воды въ глазахъ жившелей ииѣли нѣчто божественное, гдѣ каж-

дый законъ Природы представляемъ былъ въ видѣ Божества, — спрана сія долженствовала бытъ ошечествомъ большаго числа Гимновъ въ честь Боговъ, коимъ шамъ поклонялись. — Но большая часть сихъ Гимновъ была обезображена баснями и волшебными сказками. Соспавляемые поѣшами, они забавляли народъ, производя неудовольствіе въ мудрыхъ.

Тогда какъ поѣшы и народъ обезображивали шакимъ образомъ Божество, прославляя оное, новопосвященные въ ихъ шамисства, воздавали оному поклоненіе чистѣйшее и онаго доспойнѣйшее. Но, говоря о Богѣ, казалось, занимались они шолько собственными нуждами. Они забывали, что существа слабыя, прославляя общаго Ошца своего, не должны ошдѣляться ошъ прочихъ собратій и молишь шолько о благѣ собственномъ. —

Чѣмъ народъ образованнѣе, шѣмъ менѣе Гимны его должны имѣшь и дѣйствитель-но имѣють восшорга. Народы новые болѣе поражающія Природою, слѣдовательно и мыслию о Создателѣ. — При равной силѣ воображенія, впечатлѣніе сіе въ сельскихъ

жишеляхъ бываетъ живѣе, нежели въ шѣхъ, кои обитають въ городахъ, что и естественно. Здѣсь видѣнь во всемъ, такъ сказать, одинъ только человекъ. Здѣсь всё представляешь ему только собственное его величье. — Онъ удивляется здѣшнему, имъ самимъ изобрѣшенному, мешаламъ, изъ нѣдръ земли имъ извлеченнымъ, сокровищамъ, для обрѣшенія коихъ ввѣрять онъ себя бурному океану, важности искусства кораблеплаванія разныхъ частей свѣта соединяющаго; наконецъ поражаетъ его блестящая картина общества, законы, художества. — Но на поляхъ человекъ исчезаетъ, и одно Божество является. Тамъ то, куда не обратишь онъ взоръ свой, вездѣ видишь небеса, его окружающія. Тамъ день имѣешь болѣе приятности, а ночь болѣе ужаса. — Тамъ постоянное возвращеніе времени года ознаменовываетъ себя выразительнѣе. Око, встрѣчая вездѣ безпредѣльное пространство, болѣе поражается необозримостію вселенныя и порядкомъ оной, невидимую рукою начерпаннымъ. — И такъ, не должно удивляться, что первые народы міра, бывъ почти всѣ народы пасшущескіе и припомъ

Восточные, обитая въ прекраснѣйшемъ климатѣ и долженствовавшіе по сему болѣе любить Природу и бытъ болѣе чувствительны къ красотахъ ея, дали ихъ священнымъ Гимнамъ характеръ, намъ нынѣ чуждый. — Въ нашихъ Западныхъ странахъ и особливо въ большой части нынѣшней Европы, мы начали существовать какъ дикіе, безъ воображенія, заключенные въ лѣсахъ и подъ мрачнымъ Небомъ. — Пошомъ чрезвычайныя обстоятельства и смѣшеніе народовъ были причиною развращенія и вмѣстѣ ожесточенія нашихъ нравовъ. Наконецъ, мы получили образованіе; но нравы наши остались испорченными. Легко замѣшшь можно, что въ сіи три эпохи, священныя Пѣсни должныствовали бытъ слабы и неисполнены шакаго воспорага. Нынѣ единственное наше достоинство состоишь въ томъ, что мы нѣсколько образовали слогъ сочиненій, наиболѣе исполненныхъ выраженій сильныхъ; но симъ сочиненіямъ надлежало бы бытъ столько же высокимъ и величественнымъ, какъ картина Природы.—

Дмитрій Сахаровъ.

НѢКОТОРЫЯ МЫСЛИ О СУЩНОСТИ БАСНИ.

Многіе хорошіе сочинители писали о Баснѣ и не объяснили, въ чемъ состоитъ сущность оной. Младые Баснописцы, развлеченные различными мнѣніями не въ состояніи точно опредѣлить Басни, или занимаясь симъ родомъ стихотворства, не знаютъ сколько почерпаешся красота и достоинство онаго.

Одинъ изъ знаменитыхъ писателей прошедшаго столѣтія (*) доказываетъ превосходство Лафонтена свойствами доброй души (le bon homme); Лаопть правила свои заимъваетъ наборомъ словъ и скрываетъ нить, которая должна руководствоваться при сочиненіи Басни; Флоріанъ говоритъ, что она правилъ не имѣетъ, а чрезъ нѣ-

(*) Мармонтель.

сколько спроста явно самъ себя прощиворѣ-
чить.

Я не приступаю къ полкованію правилъ уже извѣстныхъ, и сужденій моихъ не выдаю за новую науку о Баснѣ; но почерпнувъ всѣ доказательства изъ лучшихъ писателей и образцовъ самихъ Баснописцевъ, счастливымъ почпу себя, если удастся мнѣ убѣдить, что знаніе сущности Басни, необходимое для Рецензента, нужно и для Баснописца. Иносказательный родъ, болѣе 2000 лѣтъ существующій къ пользѣ и удовольствію древнихъ и новыхъ, просвѣщеннѣйшихъ народовъ имѣеть свои, принадлежности, свои сущности: *правдоподобіе*, *нравоученіе* и *разказъ*. — Всѣ сии качества не составляютъ еще сущности Басни: *Правдоподобіе* свойственно всѣмъ родамъ Поэзии; *Нравоученіе*, — главный предметъ Дидактики, можетъ быть и въ другихъ сочиненіяхъ; *Разказъ* — принадлежитъ болѣе дарованію Баснописца, нежели сущности рода. Одна и та же Басня, разными сочинителями писанная, можетъ на всѣхъ языкахъ болѣе или менѣе нравиться. Басни Фэдровы не забыты, отъ того, что Лафонтенъ писалъ по

Французски, а Димитриевъ и Крыловъ по Руски. На сіе скажутъ мнѣ. я не опредѣлялъ еще самой Басни. Для разрѣшенія сей Сфинксовой задачи, можно здѣлать вопросъ: къ какому роду Поэзіи ее должно отнести? Къ Драмматическому. Воображаю, какое волненіе и ропотъ будетъ на Парнассѣ, услыша о семъ причисленіи; но что мнѣ дѣлать! я не могу опровергнуть опъ своего мнѣнія шѣмъ болѣе, что и самъ Башё, сей великій послѣдняго времени Эстетикъ, или учитель вкуса, оное подтверждаетъ. Какъ возразить мнѣ полковашели, ищущіе въ каждомъ сочиненіи письменъ, а не духа? Умилосердитесь!..... Г. Башё говоритъ иначе. Знаю, что въ *славѣ 1^й* и на *страницѣ 1^й* онъ причисляетъ Басню къ роду повѣствовашельному; сіе ни мало не противорѣчитъ моему мнѣнію. Мы не видимъ, какъ *лененка волкъ терзаетъ*; но разговоры, общошательства, мѣстоположеніе, превращающъ шакъ сказашъ, если живо описаны, повѣсти въ зрѣлище. Онъ различая дѣйствіе (action) опъ происшествія (fait), придаетъ иносказашельнымъ лицамъ имена Нерона и Бриганика. Разбирая Федра

и Лафоншена, поспешенно слѣдуетъ за ходомъ дѣйствія, и выводитъ единственнаго изъ онаго красавца каждаго Баснописца. Мерзляковъ, рассуждая о Трагедіи, говоритъ: представимъ примѣръ изъ Басни, какъ маленькаго изображенія Драмы. Шамфоръ въ примѣчаніяхъ на Лафоншена изъясняется о многоглавомъ Драконѣ: *Ce повѣствованіе не можетъ быть Баснею: это маленькая иносказательная быль, украшенная нравостеніемъ. Въ каждой Баснѣ должно быть дѣйствіе.* Самъ Лафоншенъ называетъ ее *Comedie à cent acteurs divers.* Разсказъ, какихъ бы онъ дарованій ни былъ, лишенный дѣйствія, иногда невольно обращается въ пущословіе, ослабляетъ свойство лица и наконецъ уменьшаетъ силу вѣроятности. Нѣкоторые любители находили счастливые стихи у меня въ Лѣшучей Мыши.

Но басня моя, лишена будучи прелести отъ дѣйствія происходящей, не можешь уподобиться баснѣ Лафоншеновой; хотя бы сія предложена была какимъ нибудь малоискуснымъ писателемъ. Г. Дебильонъ, хорошій Баснописецъ, обрабатывая извѣстное нраво-

ученіе, что свобода милѣе богатства въ неволѣ, басню Волка и Собаку, обратилъ въ Мальчика и Воробья, кошорый думалъ уже преклонился на умильные упреки своего благодѣтеля; но услыша рѣчь о клѣткѣ, улешѣлъ. У Федра всё естественнo. Тамъ богатое описаніе избышка; тамъ холодный корысполюбець жерпвуешъ всемъ для сладкаго куска; тамъ жадный, но оспорожный разбойникъ, узнавъ наконецъ что богатство собаки приобрѣшено цѣною свободы, рыщешъ по лѣсу (*et court encoqe*), какъ замѣчаешъ Лафонтенъ. Недоспашки Басни Дебильоной явны: въ ней нѣтъ дѣйствія, а только разсужденіе, или разсказъ самаго автора о благодѣяніи и свободѣ. Она полуиносказательная. Разнородные имѣя прошивоположныя о вещахъ поняшя, не могушь сполько поразишельно научашъ человекъ, и при томъ, если мальчикъ не хошѣлъ лишиться воробья, на что было выпусташъ его.

Неоспоримо, кажется, заключить можно, что иносказательное дѣйствіе составляетъ сущность Басни; а почное соблю-

деніе свойствъ, приличныхъ разнообразнымъ
лицамъ, — совершенство ея, въ коемъ заклю-
чается и естественность отъ Баснопис-
цевъ требуемая. Можно знать Натуральную
Исторію, бывъ Бюффономъ и погрѣшивъ
противъ нравственности естественной.
Басня придаетъ звѣрямъ, птицамъ, рыбамъ,
и неодушевленнымъ вещамъ языкъ и слѣд-
ственно понятія человѣка. Но гдѣ граница
сего послѣдняго качества? Входятъ ли въ
оную наше просвѣщеніе и свѣтская обра-
зованность? Вотъ задача, которая доселѣ
оспаешся неразрѣщенной; хотя не ог-
раниченное распространеніе правъ иноска-
зательнаго рода, можетъ оный совершенно
уничтожить. Положимъ, что поешь вла-
стенъ дубу, чего *Виргилій* не дѣлаешь (*), при-
дашь голову и ноги; но можешь ли самъ
дубъ, примѣрно *Ливанскій*, знать о *Кавказѣ*
(*Tandis que mon front au Caucase pareil*).

(*) Стихъ *Г. Лафонтена* въ баснѣ *Дубъ и Трость*:
„Celui, de qui la tete étoit au ciel voisine,
„Et dont les pieds touchoient à l'Empire des morts—“
есть подражаніе стиху *Виргилія*, въ кото-
ромъ просто сказано: вершина и корни, а
ни слова о головѣ и ногахъ.

Чѣмъ сіе извинишь можно?—Развѣ отноше-
ніемъ рѣчи иносказательнаго лица къ про-
свѣщенному и образованному. Васнописецъ
предспавляетъ свойство животныхъ и не
одушевленныхъ. Для человѣка, удачное со-
гласованіе обоихъ въ одно,—верхъ искусства.
Въ родѣ иносказательномъ и въ Басни занима-
ющъ первое мѣсто, въ кошорыхъ Васно-
писецъ изобрѣшаетъ дѣйствіе, изобра-
жаетъ спраши и выводишь нравоуче-
ніе, какъ въ баснѣ Волкъ и Ягненокъ и
другихъ, почерпнутое изъ природы лицъ
разнородныхъ. Волкъ напура, на кошо-
рую Васнописецъ долженъ обращать неусып-
ное вниманіе свое, и припомъ не приписы-
вашъ клыковъ Волку и Лисицѣ:

Ослу въ рошѣ не вложи разумныхъ раз-
говоровъ;

Совѣ и Филину, не дай прекрасныхъ
взоровъ.

Единственнѣй Лафоншенъ при частыхъ
ощщупленіяхъ опъ главнаго предмета, при
распроспраненіяхъ въ излишесивѣ каршинъ и
цвѣшовъ, какъ въ помъ многіе его упрека-
ющъ, и можешъ бытъ справедливо, всегда
пріятенъ, нравоучителенъ и превосходенъ;

вмѣстѣ философъ, поэтъ и живописецъ. Онъ къ досадѣ подражателей возбудилъ удивленіе безчисленнаго попомства. У него Все Музы говорятъ, а самъ молчитъ поэтъ (*).

И подлинно, чему приписать безпримѣрную Французскаго Баснописца естественность, если не шонкому познанію чело­вѣка, наблюденію Природы и правилъ иноска­занія (**). Онъ въ подробныхъ, иногда и про­должительныхъ разсказахъ, непрерывно плѣ­няетъ васъ дѣйствіемъ лицъ своихъ, даже въ сказкахъ. Вдова, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ печали о пошерѣ супруга, спра­шиваетъ у своего родителя, а гдѣ же бабюшка женихъ. Разборчивая Невѣста ищетъ суженаго, кошорый бы виѣснѣ былъ ни холоденъ, ни ревнивъ. Искатель фортуны, по долгомъ странствованіи,

(*) Посланіе о притчѣ.

(**) Я долженъ предупредить моихъ читате­лей, что слово *иносказаніе*, *allégorie*, я при­емлю иногда въ пространномъ смыслѣ, присовокупляя къ подобію, *Emblème*, дѣйствіе лицъ и свойство ихъ, основанное на Природѣ намъ разнородной.

Примѣчаніе Сочинителя.

находишь её дома, у пріятеля въ головахъ. Восьмидесятилѣтній спарикъ разводилъ садъ и шрое молодыхъ людей упрекають его въ эшомъ намѣреніи: „Брось, дѣдушка зашѣи всѣ пусшыя: пекися о душѣ.“ Наконецъ какое живое дѣйствіе въ сказкѣ Двухъ Друзей и какіе разительные, прекрасные и поучительные списхи. Въ одной о неизвѣспности смерши; въ другой о дружеспвѣ. Сии опривки доспойны Эпопеи, Трагедіи и Лиры. Они-по выводятъ сочиншеля изъ среды превосходныхъ баснописцевъ.

Со времянь Аришпошеля и по нынѣ всѣ говорятъ: Поэшь ешь подражатель Природы; учишь Природѣ; списывай съ нее. Древніе и новые спихотворцы: Гомеръ, Пиндаръ, Виргилій, Федръ, Тассъ, Мильшонъ, Корнель, Лафоншенъ, Ломоносовъ, Клопшшокъ, болѣе или менѣе велики по мѣрѣ успѣховъ въ подражаніи; но подражаніе сіе или изображеніе Природы въ чемъ заключаешся? Въ дѣйствіи, свойспвѣ и описаніи зримыхъ предметовъ. Французы, любящіе науку новословія, называютъ нынѣ образцовыхъ сочиншелей *Génie* (Геній), а прежде называли ихъ *Bel esprit*. Сии разныя одной вещи наз-

званія могутъ послужить намъ къ раздѣленію на степеня поэтовъ. Первые изъ нихъ есть любимцы Природы, коихъ творенія, скрывая блескъ искусства, дышатъ ею одною; а вторые шѣ, кои не удостоясь сами ея видѣть, рассказываютъ болѣе или менѣе красиво. Изъ чего слѣдуетъ, что Лафонтенъ превосходитъ въ Баснѣ не только по добротѣ душевныхъ свойствъ, сіяющей во всѣхъ его сочиненіяхъ; но потому, что вникнувъ въ сущность своего рода при особливыхъ дарованіяхъ, постигъ тайну, которая писателя дѣлаетъ въ избранномъ предметѣ безсмертнымъ, то есть образцовымъ или неподражаемымъ.

У древнихъ и у насъ иносказательный родъ раздѣляется на три разряда. Басни Волкъ и Ягненокъ, Собака—Родильница, Лисица и Журавль, имѣютъ въ немъ первое мѣсто. Второй разрядъ составляютъ Прищипки или Сказки гдѣ подобіе, не будучи разнородно, менѣе поражаетъ и поучаетъ. Къ третьему отдѣленію относятся опличныя мысли и сказанія, болѣе или менѣе подобіемъ оживленныя, и именно: Домъ Сократовъ, Магросы

и Буря и проч. На примѣръ прекраснѣйшій стихъ Озерова.

Что злополучіе училище Царей.

не Басня, а можешь какъ и всѣ правоучительныя мысли, служишь содержаніемъ оной: сыщи только подобіе. Вотъ причина, по коей иные думаютъ, что родъ Басни есть самый легчайшій, полагая, что содержаніе ихъ почерпается изъ предметовъ, кои, такъ сказать, подъ руками находятся. На примѣръ: карета и домъ, диванъ и споль, книга и свѣча, чернилица и перо и проч. Это всё подобія, но безъ дѣйствія и философической живописательности лицъ. Разсуждая о неосновательности мнѣнія сего, я заключаю, что Басня есть швореніе самоспопашельнаго рода, именно иносказательнаго. Главное ея свойство — дѣйствіе; но дѣйствіе иносказательное, сообразное мѣстоположенію, спрашиваемъ и обспошательсшвамъ лицъ намъ разнородныхъ. — Нравоученіе оной извлекается изъ свойствъ природныхъ, собшвенныхъ каждому лицу. Языкъ ея, или разсказъ не есть цвѣщущій, какъ въ сказкѣ, и не языкъ Басно-

писца, а единственно принадлежишь свой-
 швамъ живописныхъ. Можно произвешти пре-
 краснѣйшее спихошвореніе, украсишь оное
 цвѣтами наспавленія, замысловатыми опи-
 саніями, живостию изобрѣшенныхъ свойствъ
 и сблизишь подобія съ иносказаніемъ; но
 всё это не Басня. Лагарпъ обожашель
 безсмершнаго Лафоншена признаешся, что
 у него Басня Городская и Деревенская
 Мышь хуже Гораціевой, и почно опъ не-
 доспашка дѣйствія. Волперъ говоритъ,
 что въ цѣломъ, Лафоншенъ онъ нашель
 шолько двадцать басень. Можешъ бышь
 не всегда поспоянное наблюденіе правилъ,
 свойственныхъ сущности иносказательнаго
 рода, подало поводъ Фернейскому умство-
 вашелю сдѣлать шoliko спрогое сужденіе.
 Ограничивъ себя изслѣдованіемъ о сущности
 Басни повпоряю, что умалчиваю о правилахъ
 оной существующихъ на всѣхъ языкахъ; но
 упоминаю еще о мнѣніи Флоріана, кошорый по-
 лагаешъ, что правила, начершанныя Ламонш-
 помъ шолько доказывающъ, что басни Два Го-
 лубка, Лѣвъ и Невѣспа, *хотя всѣ ихъ знаютъ*
наизустъ, погрѣшительны; можешъ бышь
 прекрасныя мысли о разлукѣ, въ концѣ пер-

вой поставленныя, у всѣхъ Французовъ и Рускихъ въ памяти. Но это относится къ достоинству Баснописцевъ, а не къ сущности Басни. Припомъ же сомнѣніе о единствѣ участія (interet), то есть, кошорый Голубокъ достойнѣе сожалѣнія, мнѣ кажется неосновательно. Вѣрно домогдъ. Пресланное описаніе случившихся бѣдъ съ Голубкомъ въ пуши и нравоученіе Французскаго баснописца доказываютъ, что онъ намѣренъ былъ дасть урокъ людямъ въшреннымъ. Если бы Спихошворецъ выбралъ другую истинну, на примѣръ, что всѣ подвиги сопряжены съ преодоленіемъ большихъ трудовъ: то предсавилъ бы шаршаго Голубка не другомъ нѣжнымъ, но скучнымъ наславникомъ, кошорый изъ скрышой можеть бышь зависши хотѣлъ удержашъ спремленіе пламеннаго духа; что же касается до Льва и его Невѣссы, гдѣ слѣдующіе два стиха

Amour, amour, quand tu nous tiens,

On peut bien dire adieu prudence.

Сія басня по удаленіи нашихъ нравовъ ошъ Пашріаршихъ, равно какъ Кошка Невѣсса, сушь прелѣсная и освященная временемъ нелѣпосшь, кошорую должно допустить

единственно для нравоученія, изъ иносказанія извлекаемаго. Впрочемъ ни какое стихотвореніе, къ какому бы оно отдѣленію ни принадлежало, никогда смѣшивашь съ дарованіемъ стихотворца не должно. Самъ Лафонтенъ говоритъ: удивительная краткость и точность Феда привудила его разсмѣять цѣны.

Графъ Хвостовъ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ СОЧИНЕНІЯ ГУМ-
БОЛДАТА О ФИЗИОГНОМИ РАСТЕНІЙ.

Когда человекъ, побуждаясь тщательнымъ любопытствомъ, изслѣдуетъ Природу, или дерзновенное его воображеніе измѣряетъ обширныя пространства органическаго созданія; тогда чувство, рождающееся отъ повсеместнаго преисполненія жизни, дѣйствуетъ на него сильнѣе и могущественнѣе всѣхъ многоразличныхъ имъ получаемыхъ впечатлѣній. Повсюду, даже на ледовитомъ Полюсѣ, раздаются въ воздухѣ пѣніе птицъ и шумное жужжаніе насѣкомыхъ. Не одни только нижніе слои воздуха, преисполненные сгущенными парами оживопворены, но даже и вышнее пространство чистѣйшаго эфира. Сколь часто ни возходишь на хребетъ Перуанскихъ Кордильеровъ,

или съ Юга отъ Леманскаго озера на вершину Бѣлой горы, всегда даже и въ сихъ выпреннихъ мѣстахъ обрѣпаешь живошныхъ. На горѣ Шимборазо, копорая шесть крапъ выше горы Брокенъ, видѣли мы мощыльковъ и другихъ крылашихъ насѣкомыхъ. Увлечены будучи верпикальнымъ спремленіемъ воздуха, они блуждають шамъ подобно чужеземцамъ, куда безпокойная къ изслѣдованію спрасшь направляешъ боязливые спопы челоувѣка; но сущестпованіе ихъ доказываетъ, что живошныя могутъ шамъ пребывать, гдѣ царство прозябаемыхъ находишь себѣ предѣлы. Выше конусообразной горы Тенерифской, взгроможденной на Ешну, выше всѣхъ вершинъ Андовъ, часпо париль надъ нами Грифъ, исполнѣ между Коршунами. Хищность привлекаешъ мощную пицу въ сіи спраны къ преслѣдованію нѣжношерспныхъ Вигонъ, копорыя, подобно сернамъ, блуждають въ зеленыхъ дугахъ, вѣчнымъ снѣгамъ сосѣдспвенныхъ.

Если невооруженное око являетъ уже намъ, что вся Атмосфера одушевлена, шо посредспвомъ орудій, подкрѣпляющихъ зрѣніе наше, увидимъ въ ней еще болѣе чу-

десъ. Цвѣшковый Полипь и рой микро-скопическихъ швореній увлекаюцца въшрами изъ изсякающихся водъ. Безъ движенія, погружены будучи въ мнимую смерть, они носяцца въ воздухъ можеть бышь цѣлые годы, доколь наконецъ роса низпадая съ ними на землю, разверзаеть оболочку, заключающую ихъ прозрачное, кружащееся шѣло и (въроашно посредшвомъ кислотошвора содержащагося въ водѣ) вдыхають въ органы ихъ новую жизнь. Кромъ сущестшвъ шакимъ образомъ произведенныхъ, Атмосфера заключають въ себѣ еше безчисленные зародыши будущихъ шварей, какъ шо: яйца нащкомыхъ и семѣна расшеній, кошорыя въ видѣ вънцевъ изъ легкихъ перьевъ и волоконъ сосшоящихъ, приутошвляюцца къ долговременнымъ осеннимъ спраншвямъ. Самая жизнедашельная пылъ, извергаемая цвѣшами мужескаго рода въ виды, поль опшличающіе, приноситецца въшрами и крылатыми нащкомыми чрезъ моря и земли къ уединеннымъ цвѣшамъ женскаго рода. Куда же проникають взоръ Испышашеля Приро-

ды, повсюду видишь жизнь или зародышъ жизни.

Если волнующійся, воздушный океанъ, въ кошоромъ мы погружены, и выше поверхности коего вознеслись не можемъ, необходимо для существованія великаго числа органическихъ швореній, то онъ имѣющъ еще пошребность и въ самой грубой пищѣ, которую обрѣшаютъ шокмо на днѣ сего воздушнаго океана. Сіе дно естъ двоякаго рода. Самую малую часть онаго образуешъ швердая земля, непосредшвенно воздухомъ объята; большую же напрошивъ шого, составляетъ вода, которая можешъ бытъ за нѣсколько тысячъ лѣтъ образовалась изъ воздушныхъ частицъ, Электрическимъ огнемъ сгущенныхъ и которая нынѣ безпрешанно разлагаешся въ облакахъ и въ жизненныхъ сосудахъ живошныхъ и расшеній.

Неизвѣшно еще, гдѣ жизненность распроштранена въ большей степени, на матерой землѣ, или въ неизмѣримыхъ морскихъ пучинахъ. Въ сихъ послѣднихъ являющся слизиобразные червячки, шю мершвые, шю живые, подобно блѣсшящимъ звѣздочкамъ. Фосфорическое ихъ сіяніе превращаетъ зеленена-

пую поверхность неизмѣримого океана въ огненное море. Никогда не изгладится во мнѣ впечатлѣніе, произведенное на Великомъ Океанѣ подъ Тропиками; когда из туманнаго синяго неба созвѣздіе Корабля и уже склоняющійся заходящій Крестъ, изливали свой слабый свѣтъ, подобно планетамъ, между тѣмъ, какъ Дельфины проводили свои лучезарныя броды среди пѣнящихся морскихъ волнъ.

Не одинъ Океанъ, но и болошныя воды скрываютъ безчисленное множество червячковъ удивительнѣйшаго вида. Взорамъ нашимъ едва примѣшны бывающъ: Круглячекъ (Cyclidium), волокнистая Разнохвостка (Trichoda) и великое множество Найдовъ, удобѣлимыхъ на вѣтви, подобно болошной правѣ Ряскъ (Lemna), копорой тѣни они ищутъ. Окруженные различнымъ смѣшеніемъ воздуха и не зная со всѣмъ свѣта сребряно блестящая Мохнатка (Leucorhga), какъ расщепленная круглая Глиста (Ascaris) подъ кожей Дождеваго Червя, живутъ во внутренности Водяной Змѣйки; а Шипонось (Echynopus) въ ячеистомъ легкомъ Гремучаго Змѣя, находящагося въ сыранахъ подъ

Тропиками лежащихъ. И такъ, жизнь наполнешь сокровеннѣйшія мѣста Природы. Остановимся мы здѣсь на прозябаемыхъ: имъ одолжены жизнию многообразныя породы животноныхъ. Неослабно спремяшся онѣ расположишь порядокъ, пошребный сначала для образованія грубаго вещества земли и приутошовишь сіе смѣшеніе, кошорое чрезъ тысячу преобращеній, наконецъ улучшаещя, образуя нервныя нити—органы чувствованія и повяшія.

Сколь многообразно сошканъ шопъ коверъ, кошорый богатая цвѣшами Флора разспландаетъ по обнаженному лицу земнаго шара; шамъ онѣ непроницаемѣ, гдѣ солнце возходишь выше на небесный сводъ, никогда шучами незащитѣаемый; на прошивъ шого рѣже къ омершвѣлымъ Полюсамъ, гдѣ возвращившійся мразъ, или умерщвляетъ едва развершывающуюся почку или засшигаетъ созрѣвающій плодъ! Повсюду однако же человекъ вкушаетъ удовольствіе, находя произрашшенія, его пишающія. Предшавимъ вулкана, мгновенно взрывающаго (какъ нѣкогда между Греческими оспровами) сосшощую изъ лавы скалу со дна морскаго на

поверхности кипящихъ водъ, или приведемъ на память явленіе Природы менѣе ужасное, когда соединившіяся Нереиды возвыщаютъ свои ячеистыя жилища въ продолженіе нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ, и находясь уже надъ поверхностію моря умираютъ, образовавъ такимъ образомъ плоской, коралловый островъ; тогда органическія силы уже готовы живоиспорить на сей мершвой скаль. Кто заноситъ сюда такъ быстро семѣна? Не спривствующія ли птицы, вѣтры, или волны морскія? Великая отдаленность береговъ не дозволяетъ рѣшить сей трудный вопросъ. Но едва воздухъ коснулся обнаженному камню, какъ на поверхности его образуется въ Сѣверныхъ странахъ какъ бы нѣкошорая шкань щероховатыхъ жилокъ, кошорыя просимъ глазами являющія цвѣтными пятнами. Тогда одна органическая шкань успивается слоями на другой; и какъ младенчесствующій родъ челоувѣческій долженъ проходить извѣстныя шпелени нравственнаго образованія, такъ и постепенное распривраненіе прозябаемыхъ ограничено опредѣленными физическими законами. Гдѣ нынѣ величественный дубъ

подъемлейтъ до облаковъ главу свою, шпамъ вѣжнѣй мохъ покрываль нѣкогда швердый гранитъ. Ишпорія прозябаемыхъ и постепеннаго ихъ распросшраненія по обнаженному лицу нашей планешы имѣешъ свои Эпохи, какъ и Ишпорія позднѣйшаго чело- вѣческаго рода.

Если жизнь повсюду разлиша и органи- ческая сила неослабно шпремился совоку- плять въ новые виды распоргнушы смер- щію начала, шо сіе изобиліе органическихъ существъ и возобновленіе ихъ различеш- вуютъ по свойству климатовъ. Въ хладныхъ поясахъ Природа мершвѣешъ въ опредѣлен- ное время; ибо влажностъ ешъ условіе жи- зни: живошныя равно какъ и прозябаемыя (выключая мхи и другія шайнобрачныя ра- шшенія), погружающся зимою въ глубокой сонъ. Почему на большей часши нашей земли развивающся шокмо шакія органиче- скія существа, копорыя могушь снесши значительное уменьшеніе теплшвра, или способны къ долговременному прерванію по- шребностей, съ жизнью сопряженныхъ. На прошивъ шого, чѣмъ ближе къ Тропикамъ, шѣмъ болѣе умножаешся многоразличіе об-

разованій, пріятность вида и смѣшенія цвѣтовъ въ вѣчной юности и силѣ органической жизни.

Въ шаковыхъ дѣйствіяхъ весьма легко могутъ усумниться тѣ, которые никогда не оставляли Европы или пренебрегали учениемъ Физической Географіи. Когда покидаешь густолиственные дубовые лѣса и переходишь чрезъ Альпійскіе или Пиринейскіе хребты въ Италію, или Испанію; когда даже уснаряешь взоръ свой на Африканскія прибрежныя страны Средиземнаго Моря; тогда весьма удобно сдѣлаешь ложное заключеніе, что въ жаркихъ странахъ нѣтъ совершенно лѣсовъ. Но мы забываемъ въ то время, что Южная Европа имѣла со всѣмъ другой видъ, когда Педаггискіе или Карфагенскіе поселенцы, первые основали тамъ свое мѣстопробываніе; забываемъ также и то, что раннее образованіе человѣческаго рода испребляеть лѣса и что преобразующій духъ народовъ обнажаетъ землю мало по малу отъ сего украшенія, которое на Сѣверѣ насъ плѣняетъ и которое (болѣе нежели всѣ историческіе доводы) доказываютъ младенчество нравственнаго усовер-

изменчивости нашего. Великая и быстрая
перемѣна, чрезъ которую возпріяло видъ
своей Средиземное Море, лишила кажется
сопредѣльныхъ странъ большей части ихъ
плодоносной земли тогда, какъ море сіе,
бывшее дошолъ пространнымъ озеромъ,
разшоргло при разлиши своемъ Дарданель-
скіе оплошны и низвергло столпы Геркуле-
са. Все повѣшваемое Греческими писате-
лями о Самоэракійскихъ преданіяхъ знаме-
нуетъ, что Эпоха опустощеній сею бы-
строю перемѣною произведенныхъ, произошла
послѣ начальнаго существованія чело-
вѣческаго рода и соединенія его въ общества.

Г.

О ВЪ АРАВСКОЙ ЛИТТЕРА- ТУРЪ И О ЯЗЫКЪ,

Мракъ неизвѣстности покрываетъ древною Исторію Аравіи, а потому о первомъ просвѣщеніи и Литтературѣ сей страны ничего не можемъ сказать, или доказатьъ утвердительно. Можно заключить частію по положенію самой земли, частію же по природной склонности жителей, что въ самыя опдаленныя времена процвѣтала въ Аравіи Поэзія. Аравіяне были извѣстны какъ храбрый, приспращный къ необыкновенному, гордый и славодобивый народъ.— Особенно счастливая Аравія заключаетъ въ себѣ споль цвѣщущія страны и спакже изобиліе въ превосходныхъ плодахъ, что ея причисляли частію къ Земному раю. Копя кочующіе народы и одарены были отъ природы пылкими чувствами и сiallyмъ во-

ображеніемъ; но самое положеніе земли ихъ способствовало еще болѣе къ развитію въ нихъ стихотворческаго дара. Ежели бы критика могла утвердить, что книга Іова дѣйствительно Арабскаго произхожденія; то не только бы симъ доказано было, что обитатели Каменистой Аравіи имѣли Поэзію, но можно бы узнать изъ оной и характеръ сей Поэзіи. Мы находимъ въ ней изящныя картины, сильныя метафоры, сравненія и описаніе природы, смѣшенное съ иносказательными изрѣченіями, къ коимъ приотраспие Арабовъ обнаружила и Царица Савская. Древность философіи у Аравіянъ можно также доказать изъ писаній Іова. Сіе произведеніе заключаетъ въ себѣ физическія и астрономическія познанія, коимъ однако не удовлетворительны. — Хотя впрочемъ сами Аравіянѣ признаются, что до прибытія Магомета въ 622 году по Р. Х. продолжался періодъ неизвѣстныхъ временъ ихъ Исторіи; однакожъ здѣсь должно разумѣть, что они еще не занимались въ это время науками, но что и прежде имѣли они природную къ нимъ склонность. Особенно же отличились они до Магомета

самымъ блистательнымъ образомъ въ стихошворствѣ въ Меккѣ; а въ 5 спольши по Рождествѣ Христовѣ, собирались въ Огаджи для оспориванія другъ у друга пальмы Поэзіи, и стихошворное произведение, признанное лучшимъ, списывали золотыми буквами на шонкихъ шканяхъ (Бисеусъ) и вѣшали оное въ Меккѣ у двѣрей Кааба. Нѣкошорыя изъ сихъ произведений, сохранились еще до его времени. Собраніе *Моаллакатъ* заключаешъ въ себѣ сочиненія семи стихошворцевъ: *Амралкешъ*, *Тарафабъ*, *Зогиръ*, *Лебидъ*, *Антараса*, *Амру-Бенъ-Калкулъ* и *Харетъ*. Нѣжныя чувства, высокое пареніе воображенія, плодовитость въ карпинахъ и въ изрѣченіяхъ, народная гордость и свобода въ мысляхъ, сильныя порывы мщенія и любви, обнаруживаются въ сихъ произведеніяхъ..

Съ пришествіемъ Магомеша начинается блистательный періодъ Арабской Исторіи, а скоро пошомъ и Липшерашуры сего народа. Магомешъ объявилъ о себѣ своимъ сопещественникамъ, что онъ Пророкъ, посланный Богомъ, и изложилъ имъ въ поэтическомъ Коранѣ правила вѣры и нравствен-

носили, кошорый по смерпи Магомета собранъ былъ въ двухъ часпяхъ, изъ догматической и практической Абубекеромъ, первымъ Калифомъ, и изданъ Ошманомъ, прешнимъ Калифомъ. Кораномъ утвердился народный характеръ Арабовъ и дано основаніе Лишпературъ. Находясь въ счастливомъ положеніи между двумя часпями свѣша, казалось, что Аравияне очень присрасны были къ шорговль, но менѣе къ завоеванію; ибо въ Каменистой Аравіи находились тогда одни шокмо кочующія орды, кошорыя жили шо грабежъ, шо скоповодспивомъ. — Но Магомешу удалось покорить всю Аравію и введя Іерархическое военное правленіе, воспламенивъ воинскій духъ, кошорый издавна сохраняли Аравияне неисповою ревностію къ вѣрѣ. — Такъ какъ Магомешъ по смерпи своей не оставилъ по себѣ прешника (632), шо соучасники его выбрали Калифа, шо есть наследника, и съ шѣхъ поръ Аравияне шолько и думали, что о завоеваніяхъ. Подобно быстрой рѣкѣ, увлекающей все за собою, они распространились по смѣжлымъ съ Аравією землямъ.

Менѣе, нежели въ 24 года покорили они Сирію, Палестину, Финикію, Мезопотамію, Арменію, Персію, Египеть, Кипръ и Родось. — Вскорѣ попомъ завоевали нѣсколько странъ Восточной Азіи по эту сторону Гинона и Оксуса; отъ Египта прошли вдоль всей Африки до пролива, отдѣляющаго ее отъ Испаніи, и ворвались наконецъ въ самую Европу, гдѣ овладѣвъ Сицилію, Португалію и Испанію вступили въ внутренность Франціи. Такъ распространилось спуская 80 лѣтъ по смерти Магомета царство Арабовъ, отъ Египта до Индіи, отъ Лисабона до Самаркандѣ. —

Въ продолженіе сего Періода, ничто такъ не одушевляло ихъ, какъ фанатизмъ къ завоеваніямъ, во время котораго ни просвѣщеніе, ни Лиштература не процвѣщаетъ. — Извѣстно, какимъ образомъ Калифъ Амру посупилъ съ Александрійскою бібліотekoю. — „Если въ сихъ книгахъ, сказалъ онъ, заключается поже самое, что въ Коранѣ, то онѣ не нужны; если же содержатъ прошивное Корану, то онѣ опасны, и по симъ двумъ причинамъ онѣ должны бытъ изстреблены.“ Послѣ сего розданы были многія тысячи

драгоцѣннѣйшихъ рукописей для ошопленія бань — Но время и обращеніе Арабовъ съ просвѣщенными народами, мало по малу преобразовали дикій ихъ нравъ. При Калифѣ изъ рода Аббасидовъ, начали они (750) покровительствовать наукамъ и художествамъ. При блистательномъ дворѣ *Ал-Мансура* въ Багдадѣ, науки получили ободреніе; но *Гарунъ Ал-Рашидъ* (786—808) вдохнулъ своимъ соопечесственникамъ посшоянную къ нимъ любовь. Онъ призвалъ ученыхъ изъ всѣхъ странъ своего Государства, награждалъ ихъ щедро, велѣлъ переводить на Арабской языкъ ошличнѣйшихъ Греческихъ писателей, и переводы сіи распроспранялъ по средспвомъ списковъ. *Ал-Мамунъ*, царствовавшій вскорѣ по немъ, предлагалъ Греческому Императору спо ценшнеровъ золота и вѣчную дружбу; если онъ ошпустишь къ нему на нѣкошпорое время Льва Философа для его обученія. Въ царствованіе его учреждены славныя училища въ Багдадѣ, Басорѣ, Куфѣ и большія Библиошеки въ Александріи, Багдадѣ и Каирѣ. Калифъ *Мотаселъ* (умершій 841) дѣйствовалъ съ равнымъ намѣреніемъ и духомъ; Династія Аббасидовъ, цар-

славныя училища въ Багдадѣ, Басорѣ, Бахарѣ, Куфѣ, а большія библіотеки въ Александріи, Багдадѣ и Каирѣ. Калифъ Монпасемъ (841) дѣйствоваль съ поolikoю же ревностію въ пользу просвѣщенія. Династіи Аббасидовъ, царствовавшей въ Багдадѣ, соревновала Династія Омміадовъ въ Испаніи. Чѣмъ Багдадъ былъ для Азіи, тѣмъ было вышнее училище въ Кордуѣ для Европы, гдѣ вообще въ X столѣтіи Арабы сдѣлались покровителями Лишшерашуры. Въ то время, когда науки не имѣли почши нигдѣ поспояннаго прибѣжища и поощренія, тогда Аравиціане, которые съ ревностію занимались ими, распросстраняли оныя въ шрехъ частяхъ свѣща. — Въ началѣ десятаго столѣтія ѣздили изъ Франціи и другихъ странъ Европы къ Арабамъ въ Испанію, для приобрѣшенія полныхъ познаній, преимущественно въ Математикѣ и Медицинѣ. Таковы были быспрые успѣхи сего народа, менѣе нежели въ 150 лѣтъ, коего вся ученость сначала ограничивалась Кораномъ, Поэзією и краснорѣчіемъ съ тѣхъ поръ, когда они познакомились съ науками Грековъ. Сшараніемъ ихъ Географія, Исторія, Философія, Медицина, Физика, Ари-

мешика, Геометрія, и Астрономія привели богатые плоды и пользу человеческому роду, и теперь еще некошорыя пехническія Арабскія слова, какъ на примѣръ: Алманагъ, Алгебра, Алкоголь, Азимуть, Зенишь, Надиръ и. ш. д., да и самыя цифры, введенныя нынѣ въ употребленіе до сего времени, свидѣтельствуютъ о вліяніи ихъ на Литтературное образованіе Европы. Географія въ среднемъ вѣкѣ, послѣ Римлянъ, наиболее обязана Арабамъ. Они особенно распространили въ Африкѣ и Азіи границы извѣстнаго имъ свѣща. — При завоеваніяхъ своихъ, вторглись они въ Сѣверную половину Африки, дошли до Нигра, съ Западной стороны до Сенегала, а съ Восточной до мыса Корриенша. — Еще при самомъ началѣ ихъ завоеванія, полководцы должны были по повелѣнію Калифовъ дѣлать географическое описаніе покореннымъ землямъ. Страны и народы Азіи, равно какъ и ея богатство были имъ извѣстны; они распространили познаніе о своемъ опечесивѣ, Сиріи и Персіи, и сообщили некошорыя свѣдѣнія о Великой Ташаріи, Южной Россіи, Кишаѣ и Индоспанѣ. И нынѣ еще можно употреб-

ляшь съ пользою извѣстія знаменитыхъ ихъ Географовъ: *Абулфеды* и *Эдриси* (*). Въ Истории и Географіи Арабы явили весьма важныя услуги; слѣдовательно въ среднемъ вѣкѣ они сдѣлали Эпоху. Особенно ошлѣчающія ихъ Географы: *Ал-Марцибъ*, *Абу-Исхакъ*, *Шерифъ Эдриси*, *Нассиръ-Эддинъ* (**), *Абулфедя*, *Умехъ-Бекъ*, *Абдоллатифъ*. — Съ 8 столѣтія у Арабовъ было также много Историковъ, копорые и по нынѣ недоволь-

(*) *Шерифъ Эдриси*, сочинитель пространной Географіи, раздѣленной на семь климатовъ. Твореніе его писано въ 1153 году по повелѣнію Родрига, Короля Сициліи и Калабріи и стоило ему 800 серебрянныхъ марковъ. Оно напечатано на Арабскомъ языкѣ въ Римѣ.

(**) *Нассиръ-Эддинъ* есть одинъ изъ ученѣйшихъ и славнѣйшихъ Арабовъ. — Холагау, Монгольскій Императоръ, предпочелъ Нассиръ-Эддина всѣмъ великимъ Философамъ и Астрономамъ, копорыхъ онъ пощадилъ при разрушеніи Музальманскихъ городовъ; вѣрилъ ему доходы, поручилъ начальствованіе надъ покоренными городами и велѣлъ сочинить Астрономическія таблицы, копорыя мы еще и теперь имѣемъ. — Сей великій человекъ трудился также надъ

но изслѣдованы, мало извѣстны и не употреблены съ пользою. Древнѣйшій и извѣстнѣйшій намъ историкъ есть *Гесалъ Ибн - Магомедъ Ибн - Шоаибъ - Алхелеби*. Кромѣ его заслуживаюшь особенное замѣчаніе: *Абу Абдаллахъ Магомедъ Аби Алмедъ*, *Абулфараджъ* (*), *Георевъ Алмакинъ*, *Абулфета*, сочинитель всеобщей Истории, продолжающейся до 1315 года; *Макрици* (**), *Арабшахъ* (***)). Въ позднѣйшихъ

задачами Евклида. Мы имѣемъ отъ него еще нѣкоторыя нравоучительныя сочиненія, гдѣ онъ разсуждаетъ объ Экономіи и Политикѣ.—Онъ умеръ въ 1294 году.

- (*) *Абулфараджъ*, сынъ одного Христіанскаго врача, родился въ Малой Арменіи, и почитается ученѣйшимъ мужемъ, даже у Музульманъ. Онъ сочинилъ Всеобщую Историю, которую раздѣлилъ на 10 книгъ, и которая переведена на Латинской и Нѣмецкой языки.
- (**) *Макрици* родился 1391 года. Онъ особенно занимался Египетскою Исторіею и написалъ оной нѣсколько помовъ, подъ различными названіями.
- (***) *Арабшахъ* сочинилъ Зеркало хорошихъ нравовъ, или Историю Тамерлана. — Сія книга переведена на Французскій языкъ.

историческихъ ихъ произведеніяхъ, господствуетъ нѣкошорая сухоспъ, и крошкія чувствва. Арабы заняли Философію свою оппъ Грековъ и по большой части оппъ Аристотеля. Она чрезъ нихъ сдѣлалась извѣстна въ Испаніи, а оппшуда перешла въ Западную Европу; ибо съ Арабскаго перевели ее на Латинской языкъ. По сему можно производить оппъ нихъ начало Схоластической Философіи. — Они обращали такъже вниманіе на Діалектику и Меттафизику. — Между философическими писателями ихъ заслуживающъ вниманіе: *Алфараби*, кошорый писалъ о началъ вещей (* 954); *Авиценна* (*) († 1036) написалъ кромъ философическихъ сочиненій *Логикъ*, *Физику*, *Меттафизику* и объясненія на сочиненія Аристотеля; *Ибн-Баіахъ* извѣстенъ какъ оригинальный философъ; *Алеазель* написалъ на всъ философическія сочиненія опроверженіе,

(*) *Сина* былъ великій философъ и врачъ, кошораго называютъ обыкновенно Авиценною. Онъ родился въ Богхаръ 992 года. Славнѣйшее его твореніе называется *Канунъ*, надъ кошорымъ прудились всъ почти врачи, слѣдовавшіе его системъ. Нѣкошорыя изъ его сочиненій, изданы были въ Римъ.

прошивъ копораго *Гаппалатъ Гоганпа-лаеб* издалъ защищеніе; *Аверроеса* весьма почишаешся за изшолкованіе Аристотеля; но шакже заслуживаетъ замѣчаніе его Парфрасъ на Платонову Республику, копорая впрочемъ, какъ кажешся, мало извѣстна была Аравишянамъ.

Многіе знайнѣйшіе философы ихъ были вмѣстѣ и врачи; ибо опъ Философіи они не отдѣляли физическихъ наукъ, куда принадлежишь и Медицина. Неоспоримо, что Аравишяне послѣ Географіи наиболѣе принесли пользы сей наукѣ. Съ 8 до 11 столѣтія основаны въ Джондисабурѣ, Багдадѣ, Испанганѣ, Фирузабадѣ, Бокхарѣ, Куфѣ, Бассорѣ, Александріи и Кордуѣ училища врачеванія.— Посвятивъ себя съ ревностію сей наукѣ, они сдѣлали значительныя въ ней успѣхи; хошя и здѣсь въ существенномъ слѣдовали Грекамъ. Однакожъ Анапомія ничего не приобрѣла опъ нихъ пошому, что Коранъ запрещалъ разсѣченіе членовъ, но шѣмъ болѣе приобрѣла Терапія, ибо они имѣли обширныя познанія въ средствахъ леченія, занимались съ ревностію Ботаникою, и могушь почишаемы бышь изобрѣшашеля-

ми Химіи, по крайней мѣрѣ сдѣлали въ оной великія опкрышія и *Джеберъ* почищается у нихъ изобрѣшашелемъ лѣкаршва ошъ всѣхъ болѣзней. Они опличались шакже въ Нозологїи и учили пользовашь нѣкошорыя болѣзни самыи вѣрными средшвами.— Къ славнѣйшимъ Медицинскимъ ихъ писашелямъ принадлежатъ: *Ахаруизъ*, кошорый прежде всѣхъ описалъ оспу; *Іахїахъ Ибн-Серапїонъ*; *Іакобъ Ибн-Ісхак-Алкенди* (*), *Іоаннъ Мевсе*, *Рацесъ* (**), *Алмансоръ*, *Али Ибн-Аббасъ*, *Авиценна*, издавшій Канонъ Медицины, кошорый

(*) *Алкенди*, славный Перепатическій философъ умершій въ 868 году. Онъ оставилъ много сочиненій и толкованіе на нѣкошорыя шверенія Аристопелевы.

(**) *Рацесъ* упражнялся съ большимъ прилѣжаніемъ къ Медицинѣ, и на сороковомъ году своей жизни почишался величайшимъ Медикомъ и ученѣйшимъ мужемъ своего вѣка и умеръ 932 года въ царшвованіе Калифа Моншадера, у коего былъ первымъ врачомъ. Онъ почищается великимъ философомъ, превосходнымъ Медикомъ, Химикомъ и Астрономомъ. — Говорятъ, что онъ сочинилъ 12 книгъ о Медицинѣ.

долгое время почитался учебною книгою; *Исхак-Бен-Солиманъ, Гагя, Ибн-Серапионъ, Абулкаси, Абенъ Цохаръ, Аверроесъ*, сочинитель Діалектической системы всей Медицины. Не лзя прошиворѣчишь, что Аравіянамъ принадлежишь честь сохраненія въ среднемъ вѣкѣ Медицины и возобновленія ученіе ея въ Европѣ. Что Физика мало получила успѣховъ у Арабовъ, сіе произошло единственно отъ той причины, что съ нею они иначе поступали. Для лучшаго соединенія Аристотелева начала вещей съ фапализмомъ Корана, они обрабошывали Физикѣ метафизически.

Но шѣмъ болѣе успѣховъ приобрѣла Математика, кошорая Арабами обогащена, сдѣлана просшою и распросстранена. Въ Ариеметикѣ ввели они упошребленія цифръ, посшепенное умноженіе числъ по десятиричной пропорціи; въ Тригонометріи Синусъ вмѣсто Хорды, сдѣлали гораздо проще пригонометрическіе опышы Грековъ, и распросспранили общеплезное упошребленіе Алгебры. *Маголетъ Бен-Муса* и *Табитъ Бен-Коррахъ* заслужили симъ отличную славу; *Алгацинъ* писалъ объ

Оптикъ. Преимущественно занимались они Астрономією, для которой въ Багдадѣ и Кордуѣ основаны были славныя училища и обсерваторіи. Уже въ 812 году *Алеаценъ* и *Серейсъ* перевели Алмагесту Птолемея, первую полную систему Астрономіи на Арабской языкъ, изъ коей потомъ *Алфаргани* 832 и спустя нѣсколько времени *Аверроесъ* сдѣлали изъ нее сокращеніе. *Албатенъ* въ 10 столѣтіи наблюдалъ за движеніемъ солнца; *Магометъ Бен-Джеберъ Албатени* наблюдалъ за склоненіемъ Эклиптики и усовершенствовалъ теорію о солнцѣ; *Алмансоръ* сочинилъ астрономическія таблицы, въ коихъ находящіяся замѣчанія о склоненіи Эклиптики, *Алтрагисъ* написалъ теорію о планетахъ. Географія соединена съ Математикою и Астрономією и систематически обработана особенно *Абулфедою*. — Арабамъ принадлежитъ раздѣленіе земнаго шара на семь климатовъ, многія географическія мѣры и тому подобное.

При всѣхъ успѣхахъ въ умственныхъ наукахъ, Арабы не были нечувствительны къ Поэзіи. *Абу Теманъ* собралъ 830 года боль-

ную Гамасахъ, Антологию въ десяти книгахъ и *Бохтери* 880 г. малую, служащую прибавленіемъ къ большой; но въ послѣдствіи *Воспочныя*, высокія подлинники Арабской Поэзіи спали рѣдкими, наспаль вкусъ идишико-гиперболическій и языкъ пошерля свою первобытную чистоту. Особенное отличіе заслуживающъ: *Мотанабби* по нѣкимъ своимъ Эллегіямъ, писаннымъ языкомъ чистымъ и правильнымъ (См. опыты Арабскаго Стихотворства, Рейске. Лейпцигъ 1765); *Абу Измаель Тограи*, Багдадскій Визирь, своими Эллегіями и пѣснями (См. Нѣмецкій Меркурій 1800, стр. 8); *Итеиль Харири* Исторією своею о спрансвующемъ рыцарѣ, подъ названіемъ Макамашъ въ пятидесяти опдѣленіяхъ (Смолл. Розенмюллера переводъ Арабскаго романа Харира, Лейпцигъ 1801.) *Абу Джафаръ Ибн Тофайль* по любопытному своему философическому роману: *Человѣкъ Природы* (переведенъ Ейхгорномъ, Берлинъ, 1783); *Адмай* написалъ большой героическій романъ: жизнь Аншара въ 36 частяхъ, служацій до сего времени матеріалами *Воспочнымъ Инпровизаторамъ* и *Декламаторамъ*. — Исключая *Драмапической*

частни, не было ни одного рода Поэзии, которой бы они не занимались, а романсы, произведение предприимчиваго рыцарскаго духа сего народа, имъ принадлежатъ. — Посему нѣтъ сомнѣнiя, что они имѣли большое влiянiе на новую Европейскую Поэзiю; и всѣмъ пѣмъ, что Поэзiя въ среднемъ вѣкѣ сдѣлала для романической, обязана почти однимъ Арабамъ. Рыцарскiй духъ, Феи волшебники и можетъ быть самыя даже риѣмы перешли въ Западную нашу Поэзiю отъ Арабовъ. И такъ народъ сей въ среднемъ вѣкѣ дѣйствовалъ разными средствами на образованiе и Литтературу Европы, и напечатлѣлъ слѣды минувшаго своего владычества.

По сему видно, какъ чрезъ все сiе сдѣлался важнымъ Арабской языкъ для ученыхъ испанцевъ. Безъ его не можетъ обойтись никто, кто пожелаетъ глубоко проникнуть въ исторiю наукъ и человеческого рода. Онъ принадлежитъ къ такъ называемымъ Семилитическимъ Дialeктамъ, между которыми онъ отличаетъ древностию, богатствомъ и гибкостию. Посредствомъ Корана сдѣлался онъ языкомъ ученыхъ, По

смерти Магомета, а болѣе съ десятаго сполѣпія появились между Арабами грамматическіе писатели, кошорые опредѣлили правила языка, нашли красоту и собрали богатства его въ Словари. Арабскій языкъ сдѣлался извѣстенъ въ Европѣ чрезъ переселенія Арабовъ въ Сицилію и Испанію. Не смотря на то, что они оставили нѣкоторыя слѣды въ языкахъ сихъ земель, познаніе ихъ языка по изгнаніи Мавровъ было потеряно для Европейцевъ. *Постель* возобновилъ ученіе его во Франціи, а *Спей* въ Германіи. Въ 17 сполѣпій занимались имъ въ Нидерландахъ; попомъ преподаваемъ былъ съ большимъ стараніемъ въ Германіи, Голландіи и Англіи. Мы имѣемъ хорошія Арабскія Грамматики *Ерпена*, *Михаелиса*, *Рихардсона*, *Гаена*, *Розенлюллера*, *де Саси*; Арабскіе Словари *Голіуса*, *Ерпена*, *Гиегви*, *Кастелла*, *Вильмета*, *Шейда*; Арабскіе Кресшоматіи *Рейске*, *Гирта*, *Розенлюллера*, *Гаена*. *Кирстенъ*, *Васлиутъ*, *Шултенсъ*, *Джонъ*, *Ейхеорнъ*, *Тихсенъ* *Шнурреръ*, *Гассе*, *Гецель*, *Валь*, *Паулусъ*, *Розенлюллеръ*, *Фатеръ*, *Аугустини* и другіе заслужили чрезъ распространеніе криштики и перевода Арабскихъ книгъ

особенную славу; *Грүперъ* и *Спренгелъ* показали, какъ важно познаніе Арабскаго языка для врачей.

A. P.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ОДА ГОРАЦІЯ КЪ АВГУСТУ.

*Divis orte bonis, optime Romulæ
Custos gentis . . . etc. Lib. IV, carm. IV.*

О ты, рожденный въ миръ безсмертными
Богами,
Народа Римскаго несокрушимый щипъ,
О Августъ! ты давно, давно разспался съ нами;
Но скоро твоей прихоть разлуку усладишь.

Твой взоръ, какъ крошкяя весна насъ оживляетъ
И возвращаетъ жизнь опчизнѣ дорогой;
Съ тобой — солнце насъ яснѣе озаряетъ;
Дни кажутся свѣжшею и радостней съ тобой.

Какъ сердцу матери любезный сынъ, единый
Среди Карнашскихъ волю, на крыліяхъ въп-
ровъ

Несется въ даль морей чрезъ черныя пучины
И удалется отъ отческихъ береговъ;

Межъ тѣмъ, несчастная съ надеждою одною
Не сводишь съ приспани осиротѣвшихъ глазъ,
Зовешь его,—зовешь съ разперзанной душою,
И жалобный къ Богамъ свой возсылаешь гласъ:—

О Цезарь! такъ къ тебѣ Отчечество вызы-
ваетъ.

Смѣле при тебѣ гуляетъ воля въ лугахъ;
Церера—пахарей пруды благословляетъ,
Обиліе и миръ цвѣшутъ въ твоихъ спранахъ.

Пловцы безпрепятно моря переплываютъ:
Сама надежда ихъ спрашится обманушь;
Пороки и разврасть семействъ не оскверняютъ;
Къ нечестью прегражденъ твоимъ закономъ
пусть.

Презрѣніе—въ удѣлъ невѣрности безчестной,
И казни грозный мечъ всегда караетъ злыхъ.
А вѣжны махери съ улыбкою прелестной
Гордятся чадами—любви залогомъ ихъ!

Кто бросишь безъ тебя на Скифовъ лютыхъ
спрѣлы?

Парфянскіе мечи кто будетъ отражать?

Кто наши защититъ отъ варваровъ предѣлы?
И кто Иберію заставитъ пренешать?

Скорѣ возвратись, герой непобѣдимый!
Въ своемъ присущствіи спокойный селянинъ
Трудишься на поляхъ, безопасностью хранимый,
Лелѣешь виноградъ средь опшескихъ равнинъ,

И лозу сочную онъ съ вязомъ сочешаешь.
Окончивъ дневный трудъ семейный пиръ даешь;
Гдѣ пѣнстымъ виномъ бокалы наполняешь,
И объ одномъ себѣ къ Богамъ молитвы шлешь,

Чтобъ счастье и миръ всегда сопровождали
Тебя, о мудрый Царь, любезный сынъ Небесъ!
Такъ древле доблестью безсмертіе спяжали
Межъ Греками Касторъ и мощный Геркулесъ.

Да будетъ въ торжествѣ твой подвигъ про-
славляемъ,
Да процвѣтетъ на вѣкъ Гесперія побой.
Такъ съ восхожденіемъ мы солнца повторяемъ
И въ часъ, — когда оно садится за горой.

Н.....

ВЫЗОВЪ ПѢНОЧКИ (*),

Что ты, пѣночка безцѣнна!
Залепѣла въ бурный свѣтъ?
Въ городъ блескомъ завлеченна,
Ты грустишь въ шуму суетъ,
О копорыхъ въ чистомъ полѣ
И молвы, и слуху нѣтъ!
О мой другъ! лепи опшполѣ:
Погоспи хоть день на волѣ,
Хоть взгляни на Божій свѣтъ!
Что влекло тебя въ чертоги,
Гдѣ заботы, спонь, тревоги,
Гдѣ въ сердцахъ у всѣхъ морозъ;
Тускнешь злою опъ слезъ!
Тамъ душой и тѣломъ дремають
На диванахъ парчевыхъ;
Ты поешь — себя не внимають;

(*) Здѣсь привѣсно въмоторое подражаніе давно уже извѣстному прекрасному стихотворенію: *Пѣночка*; но подражаніе только въ наружной формѣ, а не въ мысляхъ и выраженіи чувствъ. *Прим. Сов.*

Улетай, уйди отъ нихъ!
 Улетай, еще доколѣ
 Красны дни у насъ гостяшь,
 И въ шелкахъ зеленыхъ поле,
 И ручьи серебромъ блестятъ!...
 Ахъ! забудь чертогъ огромный,
 И въ мой домикъ сельской, скромный
 Приюпись, хопь погостипь:
 Станемъ вмѣстѣ пѣшь и живь,
 Счастье поровну дѣлишь!
 Поживемъ пока съ мечпами,
 Коль на дѣлѣ счастья нѣшь:
 И у насъ надъ воротами
 Можешъ солнышко взойдешъ!
 Обойдя дворцы, палаты,
 У порога бѣдной хаты,
 Любишь счастье отдыхашъ:
 Жребій знаиности — вздыхашъ.
 Тужипь день и ночь вельможа:
 Въ изголовьи пышна ложа,
 Вьешъ гнѣздо себѣ шоска;
 И роскошна Сибарита,
 Тканьми Тирскими покрыта
 Давипь праздности рука!
 Тамъ за дивными парчами,
 Въ блескѣ пышныхъ позолотъ,
 Вѣчный рой шумипь заботъ;
 Зависпъ съ желтыми очами
 Всѣхъ язва, себя помипъ,

Рвется день и ночь не спать!
 Такъ, оставь же городъ пыльной,
 Пѣночка, мой нѣжный другъ,
 Залетай въ нашъ край обильной:
 Поживемъ съ побой самдругъ!
 Посмотри на села красны,
 Гдѣ всѣ братья, всѣ согласны;
 Не вступаю съ рокомъ въ бой,
 Мирны съ миромъ и собой.
 Нѣтъ шушь въ чувствахъ переменныхъ,
 Нѣтъ ни гордыхъ ни надмѣнныхъ,
 Ни богачихъ, ни вельможъ;
 Туть обманывають не смѣютъ;
 Пришворяются не умѣютъ
 И не знаютъ что есть ложь!
 Любятъ Бога и Природу,
 Ближнихъ, дальнихъ, любятъ всѣхъ;
 Изъ колодезя утѣхъ
 Черпаютъ радости, какъ воду.
 Грусти нѣтъ шуда пудей,
 Гдѣ не знаютъ бурь страстей!
 Игры спроятъ намъ свирѣли,
 Незнакомъ здѣсь сердца спонъ;
 Спелеть мягкія постели
 По трудахъ пріятный сонъ.
 Здѣсь румянитъ лица младость,
 Въ хороводахъ пляшетъ радость,
 И съ безпечностью въ душахъ,
 Мы блаженны въ шалахахъ!

Пѣночка! оставь палаты,
 Не пугайся бѣдной хаты:
 Мирь и дружба въ ней цвѣтеть!
 Ахъ! спѣши жь, лети, мой свѣтъ!
 Сладкогласная пѣвица,
 Ты въ поднебесьи царица:
 Хочешь къ солнцу — въ верхъ парить,
 Хочешь къ розамъ — въ доль лепить.
 Твой разгуль — поля лазури.
 Въ блескъ радужныхъ круговъ,
 В-селись! . . . Но если бури,
 Если грозныхъ звукъ громовъ,
 Если молнии палящи,
 И шумящiе дожди,
 Тучи черныя дробящи,
 Въ свистахъ, въ вихряхъ ошовсюда
 Налепящъ; спѣши опшпуда
 Прикорнущъ къ моей груди.
 Гостью милую согрѣю
 Сердца страстнаго огнемъ,
 Приголублю, приледю,
 И омочену дождемъ,
 Осушу моимъ дыханьемъ,
 Жаркимъ пламеннымъ лобзаньемъ. . . .
 Ахъ! когда бы какъ спрѣла
 Ты изъ града улетѣла
 Здѣсь, на ближней розѣ сѣла
 И гнездо надъ ней свила.
 Мыбъ незнались вѣкъ съ напастью.

Многоль нужно жизни къ счастью?
 Домъ пшвой — розовый сучокъ,
 Море — ручеекъ струистый,
 Пища — колосокъ зернистый,
 Царство — липовый лѣсокъ.
 Чшо же мнѣ? лишь укружь хлѣба,
 Плодь прудовъ, даръ чистый неба,
 Чаша млека, въ сопахъ медь,
 И чшобъ былъ я пшвой сосѣдъ!
 Каждымъ упромъ мы съ зарею
 Возсылалибъ дань сердець,
 А вечернею порою
 И пѣвица и пѣвецъ
 Пѣснь хвалебну Богу пѣли.
 Подъ пшвомъ звѣнящи прѣли
 Ябъ подспроивалъ свирѣли,
 Боръ и долъ бы намъ внималъ,
 И небесный пунникъ ясной
 Слушашъ пѣсни сей прекрѣной
 Мѣсяць надъ лѣсами спалъ! . . .
 Такъ лепижъ мой другъ! . . . Напрасно!
 Не бывашъ, какъ ни зови!
 Подъ другимъ пы небомъ дышешъ;
 Я спеню, но пы не слышишь
 Споновъ дружбы и любви!
 Прилепишь. . . . Увы! да поздно!
 Въ хладный гробъ соидетъ пшвой другъ!
 Можноль жить съ той долго розно,
 Кѣмъ плѣненъ, кѣмъ спрашенъ духъ? —
 Гробъ опкрышь, но лучъ надежды

Осушила слезящи вежды,
Улыбнулось всё для глазъ.
Ты лешишь — и день свѣтлаѣ,
Съ милой сердцу всё милѣе;
Съ ней пусшыня — рай для насъ!

Ф. Глинка.

З А Д У М Ч И В О С Т Ъ .

Я видѣлъ дщерь небесъ, Задумчивость святую!
Подругу нѣжную чувствительныхъ сердець!
Я зрѣлъ печальную богиню, но благоую,

И на главѣ ея вѣнецъ

Изъ кипарисовыхъ вѣтвей и розъ сплешенный

Воспоминаньемъ и мечтой,

И тихій взоръ ея, унынемъ омраченный,

И сладкій на челѣ покой!...

*

Я зрѣлъ ее, когда свершивъ свое печенье,

Свѣшило дневное скатилось въ моря;

И надъ дубравою, въ шуманномъ отдаленьѣ

Блещала пламенемъ заря!

Она свой помный взоръ къ Востоку обратила;

По небу свѣшлую грядой

Тянулись облака, и тихо восходила

Луна надъ блещущей рѣкой!

*

Я зрѣлъ ее, когда Природа вся дремала,

И изъ-за облака шуманнаго луна

Печальная едва лучъ слабый проливала!

Она уныла и блѣдна,

На высотѣ холма, надъ свѣтлою рѣкою,
 Одна съ опрадною поскою,
 Внимала, какъ вдали, сокрытый ноци тьмою,
 Гремѣлъ въ раскатахъ громъ глухой!

*

Я зрѣлъ ее, когда стихии всѣ сражались:
 Спокошннй дубъ стѣналь подъ нягоспью вѣп-
 ровъ;

Кипѣли, пѣнились и съ ревомъ устремлялись
 Съдыя волны изъ береговъ. —

Задумчивость среди всеобщаго смятенья,
 Съ склоненной ко груди главой,
 Спокойно слушала свистъ вѣтровъ и боренье
 И споръ стихій во тѣмѣ ночной!

*

Я зрѣлъ ее, въ часы румянаго разсвѣта,
 Когда Природа вся въ безмолвной тишинѣ
 Дремала, сумракомъ свѣплѣющимъ одѣта
 (При погасающей лунѣ):

Она рукой своей небрежно пробѣгала
 По струнамъ арфы золошой,
 И звукамъ сладостнымъ окрестность вся ви-
 мала

И всюду царствовала покой! ...

*

Я слышала пѣснь ея, я слышала пѣснь печали
 Она осталася на вѣкъ въ душѣ моей!
 И сладость тайную ея слова вливали
 Мнѣ въ грудь гармонией своей! —

Задумчивость! ты насъ печальныхъ утѣшаешь,
Сраженныхъ бѣдствія рукой
Въ свои отверстыя объятія призываешь,
Чтобъ примиришь опять съ судьбой!...

А. Кулибинъ.

ПОСЛАНИЕ къ К..... у. (*)

Не часто ли поверхность моря
Волнуешь грозныхъ бурь приходъ,
И съ валомъ валъ ужасный спори
Кремнистые берега трясешь?
Не часполъ день прелестный, ясный,
Скрываешь мракъ густой?
Не часполъ человекъ среди весны прекрасной
Смущается щоской?
И радость быстро оплещаетъ!
Спрашисъ печали, милый другъ!
Да счастье всюду провождаетъ
Тебя черезъ жизни лугъ!
Люби, но укрощай въ душѣ любви стремленья:
Ея опасень ядъ,
И часто средь цвѣтновъ прелестныхъ наслажд-
денья
Змѣи ужасныя шиплять!
Будь върень, но спрашисъ обмана;
Спрашисъ, чшобы коварный богъ
Не превратился вдругъ въ ширана,
И тщетныя въ щевѣ любви не возжѣтъ.

(*) Общество въ поощреніе возникающихъ дарованій молодого поэта, воспитанника Горнаго Кадетскаго Корпуса, поощаешь стихи сіи въ своемъ Журналѣ.

Бышь можешь, ямаъ, мой другъ любезной,

Гдѣ мѣдяной Рифей

Чело къ спранѣ возноситъ звѣздной,
И крѣпостью гордясь своей,
Полеть Сатурна презираешь,
Гдѣ хладъ свирѣпый обираешь,
Ты, другъ мой, въ щопъ ужасный часъ,
Какъ въпиромъ мчишься прахъ летучій,
Когда лучъ солнечный погасъ,

Покрытый мрачной тучей,

Когда лѣса дубовъ скрипяшь,
Предъ бурей спрашной преклоненны,
Когда по челама горъ скользяшь

Перуны разъяренны, —

Бышь можешь, другъ любезный мой,
Въ сей бури часъ ужасный,

Красу заспигнутому грозой
Увидишь ты. — И взоръ прекрасной
Въ пламенномъ сердцѣ нѣжну страсти
Возпламенишь мгновенно,

И милая швоя любви власть

Въ душѣ познаешь восхищенной

И для себя лишь будешь жить.

Тогда подъ сѣнью мирной

Ты спанешь радости съ подругою дѣлишь;

Тогда швой голосъ мирной

Любовь благую воспоешь!

И пѣснь швоя молвой къ друзьямъ до-
мчишься!

Тогда во мнѣ, о милый мой Поэты,
Воспоминаніе пропекшаго родится.

Тогда я полечу душой,
Къ днямъ рѣзвымъ юности безпечной.
Когда я, увлечень мечтой

Почувствовала огонь Поэзіи сердечный,

Тебѣ въвѣрять восторги приходилъ
И слышала судъ твой справедливый.
О! сколь тогда приятенъ былъ
Мнѣ дружескій совѣтъ, нельспивый!
Съ какимъ весельемъ я съ тобой
Поэтовъ красотой пѣнялся,

И зря въ мечтѣ ихъ стѣни предъ собой
Восторгамъ пылкимъ предавался!

Какой огонь тогда блистала
Въ душѣ моей обвороженной,
Когда я звучный гласъ внимала,

Твой гласъ, о Бардъ священный,
Краса пѣвцевъ, Великій Оссіанъ!

И мысль моя тогда летала
По холмамъ стѣхъ счастливыхъ странъ,
Гдѣ арфа стройная героевъ воспѣвала.

Тогда я предъ собою зрѣлъ
Тебя, Фингаль непобѣдимый,
Въ полночь часъ, какъ небосклонъ го-
рѣлъ,

Зарёю упренней златимый,
Какъ въперки игривые кругомъ
Героя тихо пролетали,
И солнце блещущимъ лучёмъ

Сверкало на ужасной стали.
 Я зрѣлъ его: онъ на копье склоняся,
 Стоялъ, въ очахъ своихъ съ грозюю,
 И вдругъ на воинство проливныхъ устремяся,
 Все повергалъ своей рукою.
 Я зрѣлъ, какъ подвигъ свой свершивъ,
 Онъ восходилъ на холмъ зеленый,
 И на равнину взоръ печальный обративъ,
 Гдѣ врагъ упалъ, имъ низложенный,
 Стоялъ съ поникшею главою
 Въ доспѣхахъ кровію омытыхъ.
 Я шлемы зрѣлъ, его разсѣченны рукою,
 Зрѣлъ горы имъ щиповъ разбишыхъ!...
 Но, другъ позволь мнѣ удержатъ
 Мечты волшебной обольщенья:
 Ты надѣленъ шланпомъ пѣснопѣнья:
 Тебѣ героевъ воспѣвать!
 Въ восторгѣ устрями къ превъспреннему міру
 Быспрошекущій свой полетъ;
 А мнѣ позволь, мой другъ-Поэтъ,
 Теперь на время бросишь лиру!

Н. Языковъ.

СТАРЫЕ ГУСАРЫ.

(Пѣснл.)

Гдѣ друзья минувшихъ лѣтъ,
Гдѣ Гусары коренные,
Предсѣдали бесѣдъ
Собушьяльники сѣдые?

* * *

Дѣды! помню васъ и я
Испивающихъ ковшами
И сидящихъ вокругъ огня
Съ красно сизыми носами.

* * *

На запылкѣ кивера,
Дуломаны по колѣна,
Сабли, пашки у бедра
И диваны—кипа сѣна.

* * *

Трубки черныя въ зубахъ;
Всѣ безмолвны—дымъ гуляешь,
На закрученыхъ вискахъ
И въ усахъ перебѣгаешь.

* * *

Ни полслова, — дымъ сполбомъ;
 Ни полслова, — всѣ мершвецки
 Пьюшь и въ прахъ склонясь челою,
 Засыпаюшь молодецки.

* * *

Но едва проглянешь день,
 Каждый по полю порхаетъ,
 Киверь звѣрски на бекренъ,
 Меншикъ съ вихрями играешъ.

* * *

Конь кипишь подь сѣдакомъ,
 Сабля свищешъ, врагъ валнлся —
 Бой умолкъ — и ввчеркомъ
 Снова ковшикъ шевелится.

* * *

А теперь, что вижу? — Спрахъ!
 И Гусары въ модномъ свѣшѣ!
 Въ вицмундирахъ въ башмакахъ
 Вальсируюшь на паркетѣ!.....

* * *

Говоряшь, умнѣй они;
 А что слышишь отъ любова?
 Жомини, да Жомини! —
 А о водкѣ — ни полслова!

А. А-12

СОЛОВЕЙ ВЪ КЛѢТКѢ.

(Басня).

Кто что ни говори, шурьма всегда шурьмомъ
Покажется для всѣхъ,
Хотябъ на смѣхъ
Ее украсили рѣзбою золотою. —
Однажды соловей,
Соскучивъ жить въ лѣсу и пѣсню своей
Плѣнятъ лишь филиновъ, сычей,
Оставитъ вздумалъ край лѣсистый,
Въ столицѣ побывавъ,
И тамъ свой голосъ нѣжной, чистой,
Не птицамъ — людямъ показать,
Которыебъ цѣнятъ искусство въ немъ умѣли,
Рѣшился, полетѣвъ,
Доспигъ желанной цѣли
И только что запѣвъ,
Какъ вдругъ какою-то судьбою
Попался въ клѣшечку съ рѣшенкой золотою:
О чемъ ему пужиться, хоть въ клѣшечку и по-
палъ?

Пѣвецъ забылъ свой лѣсъ и шопчасъ сталъ
 Изъ тона въ тонъ переливаться,
 То счелкашь, то свисташъ,
 И счастье воспѣвашъ,
 Которымъ онъ мечшалъ въ чей долъ наслаж-
 дашься.

„Вошь подлинно, чшо жизнь, онъ думалъ самъ
 съ собой,

„ Не то чшо жить въ лѣсу на вѣшкѣ;

„ Сиди спокойно въ клѣпкѣ

„ Да пѣсенки лишь пой;

„ А шупъ тебя поашъ, да кормашъ,

„ Въ лѣсу же пицы и не вспомняшъ.

„ Чшо естъ межъ ними Соловей?“

Такъ думалъ онъ, но долголь наслаждался

Такою участью счастливецъ сей?

Прошло шесть дней —

И онъ ужъ спосковался

Все въ клѣпкѣ жить одной;

Ужъ полно голосомъ гордишься

И славишь жребій свой:

Какъ безъ свободы веселишься! —

Ему на умъ ничто нейдетъ;

Онъ пицы больше не клюетъ,

Лишь только о своей горюетъ прежней волѣ,

Горюетъ день, другой, и наконецъ

Пѣвецъ

Кончаетъ дни свои въ довольствѣ, но — въ неволѣ!

Ал. Дуропъ.

Ш А Р А Д Ы.

1.

Слогъ первый, черни крикъ при видѣ чуда-
ковъ;

Второе безъ шруда почасту дураковъ
Доводишь къ почестямъ, хошь это и грѣшно.
А цѣлое мое и жалко и смѣшно.

2.

Мой первый, мѣдная Французская монета;
Второе, сынъ судьбы, ширанъ и ужасъ свѣта;
А цѣлое— зеброкъ: зимой охотникъ спашь
А дѣшомъ на шеняжъ свисашь.

Со—нъ:

С М Ъ С Ь.

Письмо Лейбница къ Петру Великому, съ приложеніемъ нѣкоторыхъ къ оному дополненій (*).

I.

*Всепресвѣтлѣйшій Царь,
Всемилостивѣйшій Государь!*

Всевышній, какъ Богъ порядка, править всѣмъ невидимою Десницею Своею мудро и чинно. Бо-

(*) Почерпнуто изъ *Beiträge zur Kenntniss Russlands und seiner Geschichte*. Herausgegeben von Gustav Ewers und Moritz von Engelgardt. Ersten Bandes zweite Hälfte. Dorpat, 1818. Въ семъ періодическомъ изданіи помѣщены при письмѣ, которыя вмѣстѣ съ нѣкоторыми къ онымъ дополненіями, получила Г. Эверсъ отъ Директора Училищъ Курляндской Губерніи, Г. Вихмана. Подлинныя же хранятся въ Государственномъ Московскомъ Архивѣ. Въ первомъ изъ нихъ, которое здѣсь помѣщается, не обозначено числа, когда оно писано; но по содержанію и слогу видно, что оно предшествовало происходившей между Лейбницемъ и Петромъ Великимъ переписки, и того времени, когда Лейбницъ вступилъ въ Россійскую службу. Онъ принялъ присягу въ Торгау въ Октябрѣ мѣсяцъ 1711 года. Куда же принадлежатъ дополненія къ сему письму, не извѣстно.

ги сего міра, или подобія могущества Божія, я говорю Державные Монархи, должны по сему образцу соображать свое правленіе, если за великіе труды, пожелаютъ они вкусить пріятный плодъ цвѣтущаго Государства. Кажется, что Ваше Царское Величество въ полной мѣрѣ въ семь увѣрены; ибо достохвальная ревность Ваша къ водворенію въ земляхъ порядка и благоустройства, извѣстна уже всему міру, и опыты сего великаго дѣла зрять Европа удивленными очами. Многіе умы симъ воспламеняясь и возбуждѣны быть по возможности полезными въ споль священномъ дѣлѣ. Признаюсь откровенно, что я въ числѣ тѣхъ, которые всеподданнѣйше спремьятся споспѣшествовать всѣмъ для благосостоянія Государства Вашего Царскаго Величества.

Я ласкаюсь надеждою, что всеподданнѣйшее предложеніе мое, заключающееся въ семь писемъ, не есть повинное и смѣлое предпріятіе, но токмо сильное желаніе видѣть земли Вашего Царскаго Величества въ цвѣтущемъ состояніи, и что оно по свойственному Вамъ милосердію, извѣстному всему міру, не будетъ опринуто.

Въ таковой надеждѣ предлагаю сіи листки, съ глубочайшею подданностію и совершеннымъ высокопочитаніемъ, желая, чтобы Господь низпослалъ благословеніе на благія и великія начи-

нанія Вашего Царскаго Величества и сохраниль бы надолго священную Особу Вашего Величества въ здравіи и крѣпости для славы Государства.

1. Опытъ до сего времени въ полной мѣрѣ удостовѣрилъ, что Государства и спраны не могутъ достигнуть лучшаго благоустройства безъ учрежденій хорошихъ Коллегій.

2. Такія Коллегіи могутъ удобно быть раздѣлены на главные и частныя.

3. Какъ въ часахъ одно колесо обращаетъ другое, такъ въ Государствѣ одна Коллегія должна другую приводить въ движеніе, и если всё находится въ почтѣйшей соразмѣрности и въ совершенномъ согласіи; то безсомнѣнія послѣдуетъ изъ сего, что указатель мудрости возвѣститъ спранѣ время ея благополучія.

4. Такъ какъ часы разнствуютъ между собою: ибо для однѣхъ потребно болѣе колесъ, а для другихъ менѣе; то подобно имъ разнствуютъ въ семь отношеніи и Государства, для чего и не лзя положить опредѣленнаго числа Коллегій.

5. Для Государства Вашего Царскаго Величества, могутъ быть сначала назначены слѣдующія девять Коллегій, какъ главные колеса въ Вашемъ Государствѣ:

I. Государственная Коллегія.

II. Военная Коллегія.

- III. Финансъ-Коллегія.
- IV. Полицейская Коллегія.
- V. Юстицъ-Коллегія.
- VI. Коммерцъ-Коллегія.
- VII. Духовная Коллегія.
- VIII. Ревизионъ-Коллегія.
- IX. Ученая Коллегія.

6. Каждой изъ сихъ Коллегій попребно особенное описаніе, и именно:

1. Какіе люди должны принадлежать къ таковой Коллегіи.

2. Въ какомъ званіи и въ чемъ состоятъ ихъ должности.

3. Какую пользу, сіе принесетъ Вашему Величеству и Государству.

7. Я намѣренъ теперь описатьъ въ семь порядкѣ токмо послѣднюю Коллегію, и именно Ученую. Если Ваше Царское Величество примете сіе предложеніе благосклонно; то я готовъ послѣ того изложитъ свое мнѣніе о другихъ Коллегіяхъ, по Всемилосердѣйшему повелѣнію Вашему, исключая Государственнѣйшей и Военной Коллегіи.

8. Что касается до качествъ той особы, которая находится будетъ въ сей Коллегіи; то она должна имѣть не поверхностное, но основательное познаніе въ своемъ дѣлѣ; ибо отъ неопытнаго, странѣ нѣтъ никакой пользы. На примѣръ: строителъ долженъ знать свое реме-

сло до возможнаго совершенства, а слѣдовательно Медикъ, Химикъ, Механикъ, Испорикъ, и другіе такъ, какъ сопряжено съ ихъ званіемъ, въ которомъ они соспоашь.

9. Ихъ званіе и обязанность пребують:

1. Описать свою науку по лучшей методѣ и ежедневно оную пополнять для приобрьшенія новыхъ открыпій;

2. Надзирать, чптобъ юношество въ Государствѣ получало образованіе и воспитывалось въ наукахъ;

3. Чптобъ молодые люди путешествовали по чужимъ землямъ, и каждаго изъ нихъ испытывашь, къ чему онъ болѣе способенъ; о паковомъ повелише докладывашь Вашему Величеству, и чптобъ онъ наблюдаь, за чѣмъ онъ опправляется въ иностранныя земли.

10. Польза произтекающая отъ сего есть та:

1. Невѣжество непримѣннымъ образомъ изпребится въ Государствѣ.

2. Въ сомнительныхъ случаяхъ можно у паковой Коллеги пребоеать совѣта.

3. Иностранцы симъ привлекаемые, будущь спекаться шуда, гдѣ находинся сподь великое множество превосходныхъ мужей.

4. Молодые люди возвращашься будущь изъ чужихъ краевъ съ великою пользою, и большія издержки можно будешь замѣнить на пользу Вашего Величества.

5. Ваше Величество приобрететь чрезъ-шо изъ среды собственнаго народа людей, свѣдущихъ въ наукахъ, и столь же хорошихъ и еще лучшихъ, какъ въ нѣкоторыхъ странахъ Европы.

11. Если юношество должно въ какой-либо странѣ получить хорошее образованіе и воспитаніе; по нужно для сего учредить хорошую Академію.

12. Для сего потребно:

1. Большой и прочновыстроенный домъ, въ которомъ бы удобно могли жить Профессоры, или наставники съ воспитанниками.

2. Хорошая Библіотека.

3. Типографія.

13. Предметы, коимъ юношество должно обучаться сущь:

Познанію Творца и шварей. Чпобъ знать по и другое надлежащимъ образомъ, должны мы имѣть для сего свѣспильникъ Божій, который открываетъ намъ Священное Писаніе. Опъ сю-да произпекаетъ

14. Богословія. Она состоитъ не въ бесполезныхъ прѣвнѣяхъ и толкахъ объ обрядахъ касательно богослуженія; но въ опкровенной и чистой любви къ Богу и ближнимъ нашимъ.

15. Созданія сущь или души; о чемъ разсуждаетъ наука о духахъ (Pneumatica); или духовношѣлесныя, или шокмо шѣлесныя.

Духовношѣлесныя сущь:

Я самъ, или другіе человѣки.

Себя самаго должно познавать по душѣ и тѣлу.

Душа имѣеть двѣ главныя силы:

Разумъ и волю.

Въ чемъ состоить разумъ, какія его заблужденія, какъ можно его исправить, какимъ образомъ могу я изслѣдовать истину и долженъ сообщать ее другимъ, сіе показываетъ

Логика.

Исправлять зло отъ воли произтекающее и ея вредныхъ наклоненій, показываетъ

Нравоученіе.

Познавать свое тѣло по его свойству, сложению и строению, научающъ

Медицина и Хирургія.

Другіе человѣки суть мертвые, или живые. Знать объ умершихъ и что содѣлали они въ жизни своей, показываетъ

Исторія.

Познаніе о живыхъ пребуешь, чѣмъ каждому изъ нихъ я опредѣлилъ его собственное и благоразумно соображалъ свои поступки въ отношеніи къ нему. О семъ разсуждающъ

Естественная наука и Полишика.

Тѣлесныя созданія находящіяся или надъ мною, какъ Небо; познавать оныя научаешь

Астрономія;

Или онѣ окружающъ меня, какъ страны. Знать объ оныхъ показываетъ Землезнаніе,

Географія;

Или сданія, корабли, дома, крѣпости, о чемъ
разсуждаешь

Архитектура.

Искусство измѣрять оныя, открываетъ нау-
ку измѣренія.

Геометрія,

Ариѳметика.

А чтобы сохранить всё удобства въ домахъ,
справахъ, корабляхъ, сіе показываетъ

Механика.

На землѣ и въ водѣ, равно какъ въ воздухѣ,
находясь различныя созданія. Познавая ихъ
родъ, качество и свойство научаешь

Физика;

А разложеніе оныхъ,

Химія.

Но чтобы человекъ не упомылся въ безпре-
спанныхъ шрдахъ; по необходима для него

Музыка.

Если наконецъ, человекъ пожелаетъ сооб-
щиться другимъ по, чему онъ научился; по для
сего необходимо знать нѣкоторыя языки, ко-
торыя, если шокмо сообщать ему хорошія
объ нихъ правила, въ короткое время можно
имъ научиться. Сіе называется

Языкознание.

16. Изъ сего слѣдуетъ, что для такова-
го предпріятія необходимы большія издер-

жки. Но чпобъ найти средства къ онимъ, не упоиребляя на сіе доходовъ Вашего Царскаго Величества и не опягощая подданныхъ, я опкрою оныя по повелѣнію Вашему.

17. Если Ваше Царское Величество изьявите на сіе согласіе, и поручите опытному и благоразумному челоѣку, по можно надѣяться въ нѣсколько лѣтъ, подъ покровительствомъ Бога, явить пользу, которую нельзя здѣсь выразить, перомъ.

II.

Будучи принявъ споль благосклонно Его Царскимъ Величествомъ въ то время, когда я имѣлъ счастье принявъ присягу въ Торгау, и пославляя себѣ въ главнѣйшую обязанность прославление имени Бога и стремление къ пользѣ челоѣковъ распространеніемъ основательныхъ и общепользныхъ свѣдѣній, я былъ бы восхищенъ, еслибъ могъ содѣйствовать споль великому и высокому предпріятію Царя въ водвореніи наукъ и художествъ въ Его проспанной Имперіи, соединенной съ Китаемъ и Европою, и въ приобрѣшеніи познаній, какъ тѣхъ, такъ и другихъ народовъ.

Я признаюсь, что во время войны, Его Величество не можетъ довольно занятья симъ благороднымъ предпріятіемъ; но какъ всегда полезно уловявъ время, одно изъ драгоцѣннѣйшихъ нашихъ спяжаній, и какъ важно для попомства

что Его Величество при жизни своей совершаетъ споль великій подвигъ просвѣщенныхъ народовъ, поелику всегда хорошо, чтобъ таковое намѣреніе было совершено однимъ умомъ, который его начертаетъ, подобно какъ городъ всегда прекраснѣе, когда строится онъ въ одно время, нежели основывается мало по малу; по согласно съ сими доказательствами я думаю, что не надобно терять времени, и чтобъ Его Величество увидѣлъ Самъ успѣхъ и основательность Своего предпріянія и могъ бы вкусить плоды онаго еще при жизни Своей, которую желаю, чтобъ она была благополучна и продлилась на долго, но которая не можетъ быть споль долговременна, чтобъ хорошо исполнить предпріяніе продолжительное, разумѣя оное во всей его обширности.

Рѣшивъ сіе должно помыслишь о пригото-вленіи предметовъ для сего нужныхъ, и именно сначала начертать планъ во всѣхъ частяхъ согласный, и потомъ уже думать о средствахъ, необходимыхъ для его выполненія, по есть о людяхъ, вещахъ и дѣлахъ, равно какъ и объ издержкахъ, для сего потребныхъ. Люди избраныя способные, изъ коихъ большая часть будетъ находиться въ земляхъ Его Величества, а другая въ чужихъ краяхъ для поддержанія сношенія и для пріобрѣтенія новыхъ, полезныхъ открытій. Вещи составляютъ: сданія, сады, библіотеки, кабинеты, обсерваторіи, и проч.

снабженныя лѣчебными растеніями, инструментами, моделями, книгами, медалями, древностями и различнаго рода рѣдкостями природы и искусства. Дѣла, о коихъ надлежитъ также подумать, состоятъ наиболѣе въ Указахъ, Законахъ и Спашуцахъ, копорыя должно издашь, и въ основательныхъ повелѣніяхъ, необходимыхъ для введенія полезныхъ познаній, для принятія оныхъ народами, для лучшаго образованія юношества и для избѣжанія съ сихъ поръ злоупотребленій, копорыя могутъ при бытъ семь, и копорыя весьма не рѣдки въ Европѣ.

Что касается до издержекъ, то оныя умѣрить и опредѣлить, дабы онѣ не были опягощеніемъ Государству. Но какъ большая часть расходовъ должна выполняться въ земляхъ, Царю принадлежащихъ, гдѣ потребности находясь въ изобиліи и дешевизнѣ, гдѣ земля плодородна и сто крапъ удобна къ воздѣланію; то находясь средство успроишь всё такимъ образомъ, что бы Царю принесло и удовольствіе и пользу безъ всякаго неудобства. Что же касается до издержекъ собственно въ деньгахъ состоящихъ и потребныхъ внѣ Государства, то можно обрѣсти способы приличные и удобные, а можетъ быть такіе, копорыя Его Величеству, вмѣсто ущерба, принесуть выгоду.

Когда послѣдуетъ на сіе Его Царскаго Величества повелѣніе, тогда можно будетъ прислушаться къ начертанію подробнаго плана; но нуж-

но время, дабы собрать почтенныя и полныя свидѣнія о всѣхъ особенныхъ обстоятельствеихъ, къ оному прикосновенныхъ, а болѣе узнать мнѣніе о семъ Его Величества.

Можно шокмо предупредить, что сполитный городъ Москва, а попомъ Астрахань, Кіевъ и Пешбургъ, заслуживаютъ, какъ кажется, особенное вниманіе для учрежденія Университетовъ, Академій и Училищъ. Но надобно наиболѣе стараться объ изданіи хорошаго начертанія для воспитанія юношества и помыслишь объ уклоненіи злоупотребленій, вкравшихся до сего времени въ большую часть Университетовъ, Общесствъ и Училищъ Европы.

III.

Проекты, какими образомъ науки и искусства могутъ быть распространены въ Россіи.

Краткое сочиненіе объ успѣхахъ распространенія наукъ въ Россіи, сочинено на Французскомъ языкѣ, попому что должно оно послать къ Князю Куракину.

Но я прошу васъ, приказашъ перевести оное на Русскій языкъ и если возможно, чтобы переводъ былъ своеручный Посланника Его Царскаго Величества.

При семъ должно сказать, чтобы какъ можно скорѣе сдѣлали начертаніе сего важнаго дѣла, которое въ короткое время не можетъ привести но бышь къ совершенному окончанію и послѣ

ного, мало по малу и при удобномъ случаѣ, изложишь всѣ отдѣльныя части онаго: ибо приличнѣе, приготовамишь сначала совершенный планъ, или почную модель, нежели вдругъ начать строеніе. Во вѣсѣхъ нужно найти средства и пути къ сокращенію издержекъ. При семъ могъ бы я, можешь бышь, оказати нѣкоторыя услуги, какъ сдѣлалъ сіе въ Берлинѣ.

Мнѣ сказывали, что Его Царское Величество имѣеть особенное желаніе основати въ Санктпетербургѣ Академію Наукъ *); если сіе правда, то я не буду опговариваться и въ семъ случаѣ оказати пособіе.

Кромѣ сихъ намѣреній, можно услужити Его Царскому Величеству краткимъ начертаніемъ пайной Исторіи нашего времени, которое для Государственныхъ дѣлъ не бесполезно. Я могу также изложити лучшіе главные законы Правленія различныхъ народовъ, извлеченные изъ твореній Ученыхъ мужей; равно какъ и достопамятные примѣры знаменитыхъ Государей и Героевъ; но другія извѣстія, о коихъ можешь бышь, желательнѣе имѣть также нѣкоторое свѣдѣніе, должно прейти съ молчаніемъ.

Если Его Царское Величество пожелаетъ узнать, какимъ вѣрнымъ и прямымъ путемъ можно приступити къ началу введенія наукъ

*) Въ подлинникѣ недостаетъ слова *Академія*.

въ Россіи; но я охотно прибуду къ Нему. Я при-
емлю смѣлосшь переслать къ Нему изобрѣшенное
однимъ изъ моихъ друзей орудіе, посредствомъ
котораго весьма скоро можно снимать, не токмо
всѣ правильныя, но даже и неправильныя
укрѣпленія. Прошу васъ вручить оное Его Величе-
ству, въ знакъ всенижайшей моей покорности.

Въ случаѣ, если во время отсутствія Послан-
ника, нѣчто будетъ замѣтно: то я готовъ, по
особенной преданности къ Его Царскому Вели-
честву служить собою, какъ я и прежде по
желанію Урбига, сіе дѣлалъ.

Впрочемъ, моя главнѣйшая цѣль стремится къ
распространенію просвѣщенія и токмо въ нуж-
дѣ могу заняться Государственными дѣлами.

Если попадется вамъ Славянскій Словарь и
какая нибудь хорошая Грамматика, то про-
шу васъ прислать сіи книги ко мнѣ, дабы и я
могъ съ своей стороны чѣмъ нибудь вамъ услу-
жить. Чего онѣ будутъ стоить, я готовъ вамъ
заплатить.

Не сомнѣваюсь, что Г. Урбигъ, которому про-
шу засвидѣтельствовать мое почтеніе, въ этомъ
не откажетъ и даже какъ скоро ему возможно
будетъ помочь мнѣ въ семь дѣлъ. Недавно,
будучи въ Ганноверѣ, желалъ имѣть отъ ме-
ня нѣкоторыя извѣстія касательно Русскихъ
древностей; я послалъ оныя къ нему въ кон-

вертъ, на имя Г. Геннеберга; но не знаю, получилъ ли онъ ихъ или нѣтъ.

Г. Генераль Фельдъ-цейгмейстеръ Брюсъ и Г. Гюссень, оказавшіе мнѣ услугу въ Торгау, къ которымъ хопя я писалъ, но не получилъ отвѣта, вѣроятно обо мнѣ вспомнятъ. Прошу васъ, засвидѣтельствовать имъ мое нижайшее почтеніе. Г. Гюссень открылъ мнѣ нѣкоторое намѣреніе Его Величества, а Брюсъ увѣрялъ меня, что хопя въ то время и не возможно было изложить моего намѣренія письменно; но успѣхъ онаго не сомнѣнъ. Я тогда же отправилъ составленный мною прозкъ; но вѣроятно онъ въ памошной Канцеляріи заперялся. Надѣюсь, пеперь оный найпи, или вновь составитъ.

Въ прошедшую зиму, писалъ я также къ Канцлеру Головкину о Берлинѣ, желая знать, не дастъ ли повелѣнія Его Царское Величество о выше-помянутомъ предметѣ. Я надѣюсь пеперь оное узнать. Впрочемъ, прошу васъ засвидѣтельствовать мое почтеніе сему превосходному Министру, равно какъ и Князю Менцикову, хопя я ему и не извѣстенъ, а въ особенноспи же Его Царскому Величеству.

Вообще желашельно имѣть:

- 1) Роспись изданнымъ въ Россіи книгамъ.
- 2) Свѣдѣніе о Греческихъ и Россійскихъ рукописяхъ, находящихся въ Монастыряхъ и другихъ мѣстахъ.
- 3) Извѣстіе, какъ о Русскихъ, такъ

и иносправныхъ Ученыхъ, состоящихъ въ службѣ Его Царскаго Величества или живущихъ, въ Его Государствѣ. 4) Извѣстіе о Японцахъ, коихъ буря прибила къ Сибирскимъ берегамъ и о коихъ Г. Виниусъ имѣеть полное свѣдѣніе. Если онъ еще въ живыхъ; то можно бы было узнать отъ него о семь подробнѣе. 5) Извѣстіе о народахъ Сибирскихъ, удалившихся далеко на Сѣверъ и наконецъ перешедшихъ, какъ сказываютъ, въ жаркія страны. 6) Опыты сравненія языковъ народовъ, обитающихъ въ обширномъ Государствѣ Его Царскаго Величества. Сіи опыты могутъ заключаться въ Господней молитвѣ Отче Нашъ, Символѣ вѣры и десяти Заповѣдяхъ съ Русскимъ переводомъ между строкъ и изъ крапкой росписи существительныхъ и числительныхъ именъ, и глаголовъ. 7) Далѣе, желатель но имѣть Россійскій Словарь. 8) Славянскую грамматику. 9) Древнія Русскія лѣтописи. 10) Книгу Патерикъ. 11) Русскую Библию, преимущественно Новый завѣтъ исправленнаго изданія. 12) Служебникъ. 13) Русскій Кашихиазисъ.

Г.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

(Продолженіе).

Путешествіе изъ Константинополя въ Бруссу, на Олимпъ и оттуда обратно чрезъ Никею и Николидію. соч. Г. Гаммера. Съ рисунками, картами и надписями. Пестъ, 1818. 200 стр. 4. (Umblick auf einer Reise von Konstantinopel nach Brussa, и прот).

Въ 1811 году Гаммеръ доставилъ любителямъ древности превосходное описаніе путешествія по Леванту. Увлекаясь ревностною любовію къ Греческимъ художествамъ и духомъ рыцарскихъ временъ, онъ пропекъ эту страну, содѣлавъ Германцевъ участниками славы, которую въ изысканіи знаменитыхъ остатковъ древности, раздѣляли между собою Англичане и Французы. Руководимый Гомеромъ, съ почностію истинной крипки, онъ опредѣлилъ мѣсто, гдѣ былъ станъ Грековъ на Троянской-равнинѣ; мѣсто, гдѣ приставали корабли, (которое по за-

воеваніи Трои опустошено наводненіями); могилу Аякса и Ахилла, источники Скамандры, у коихъ палъ Гекторъ опъ руки Ахилла, и поле битвъ Траянъ и Грековъ. Онъ доказываетъ топографически, что печеніе Симоиса прежде склонялось болѣе Ретскому мысу и что соединеніе Симоиса и Скамандры было не въ нынѣшнемъ устьѣ моря, но далѣе влѣво; напоследокъ, разительными доводами защищаетъ онъ существованіе Трои и Гомера противъ нѣкоторыхъ своенравныхъ ученыхъ, спарающихся поколебать нашу увѣренность.

На островѣ Родосѣ по сѣдамъ историковъ, обошелъ онъ пространство крѣпости сего же имени, посвященной нѣкогда Религii. Опъ проницашельнаго взора сочинителя не могли укрыться—прежнее положеніе города; мѣста, гдѣ собирались рыцари различныхъ народовъ и посѣты, имъ вѣрныя. Къ симъ драгоцѣннымъ извѣстіямъ о Родосѣ приобщилъ онъ изображеніе многихъ рыцарскихъ гербовъ, кои по непремѣнному обѣщанію Сулимана сохранились большею частію на дворцахъ еще и по нынѣ неповрежденными.— Сей писатель открылъ на островѣ Кипрѣ развалины Амазонша и древняго Павоса, а подыкамями онаго стѣны древняго храма Венеры. Въ древнемъ Телмиссоѣ, нынѣшнемъ *Махри*, проходятъ своды (Sarkophagi) погребательныхъ пещеръ, выстроенныхъ въ горахъ, и описанныхъ Шуазелемъ де Гуфье. — Во

Фракійской Гераклѣ, древнемъ Периктосѣ, открылъ онъ между развалинами Греческой церкви храмъ, обращающій на себя вниманіе болѣе прежнею о немъ молвою, нежели нынѣшнимъ его состояніемъ. На обзорніе Хиоса и Яфы оставалось ему не много времени; однакожь онъ весьма хорошо онымъ воспользовался. Семдесятъ надписей (изъ коихъ семь начертаны неизвѣстными буквами), составляютъ важное прибавленіе къ прежнему его сочиненію, которое можно почесть началомъ наслоящаго.

Знаменитый сочинитель совершилъ сіе путешествіе еще въ 1804 году вмѣстѣ съ повѣреннымъ въ дѣлахъ Прусскаго Двора, Барономъ Бильфельдомъ и Великобританскимъ Посланникомъ при Опшоманской Портѣ, Спрапшономъ. Путешественники отправились въ Бруссу чрезъ Моданію, приморскій городъ, продолжая путь свой по восхищительнымъ берегамъ Нилуфера, украшеннымъ водомешами, банями, мечешами и п. л. Прелестное мѣстоположеніе Брусской долины изобразилъ онъ яркими красками Восточныхъ стихотворцевъ и описалъ въ особыхъ главахъ гульбища, воды, бани, мечеша, монастыри, гробницы и дворецъ Бруссы. Въ окрестностяхъ сего города считаешь онъ до 315 гульбищъ, коихъ описаніе весьма привлекательно. Брусскія бани въ большой славѣ. Потомъ сочинитель описываетъ большую мечешъ Улу-Джами и нѣкоторыя изъ числа многихъ, коихъ по увѣренію жителей

находится въ Бруссѣ 365. — Мечеть Улу Джами строили при Султана: Мурашь, Баязеть и Магомешъ I. Въ ней девятнадцать куполовъ, устроенныхъ такъ, что двадцатый представляеть круглое окно, обтянутое проволокою, въ которое проходитъ свѣтъ и падаетъ дождь, отъ чего вода собирается въ четверугольный бассейнъ въ срединѣ мечети. Мечеть Султана Магомеша I., именуемая Челеби (младый Госнодинъ) еще достопамятнѣе. По драгоценности разноцвѣтныхъ мраморовъ, богатству и вкусу украшеній, она почитается первою во всемъ Османскомъ Государствѣ. Одиъ врапа, сдѣланныя съ чудеснымъ искусствомъ стоютъ 40 тысячъ червонцевъ. Въ мечети, построенной Муфшиемъ Абдоллапифомъ, далеко за городомъ на высотахъ Олимпа, Турецкій стихотворецъ Молла Хозревъ сочинилъ романическое стихотвореніе *Хозру и Ширинъ*. Дворецъ представляеть теперь остатки сокрушеннаго величія и славы. — Въ гробницѣ Мурата II показывають въ придѣлѣ гробъ Христіанской Княжны, вѣроятно Сербской, копорой руку получилъ Мурашь съ завоеваніемъ сего царства и копорая сохранила любовь къ отечеству своему и вѣрѣ, а нынѣ покоится между Османскими Царями и Царицами. Кромѣ Султановъ, гробницы Бруссы заключають многихъ Магомешанскихъ Святыхъ, коихъ при разрядѣ: Опцы (Baba's), юродивые (Abdal's) и Султаны, Князья и значнѣйшіе Дервиши. Также

въ стѣнахъ Бруссы заключаются богатыя гробницы многихъ Законодательей, Спихопворцевъ, Шейковъ, Муфшѣевъ, Имановъ и Улемовъ. Турки и нынѣ ходятъ въ Бруссу для поклоненія Святымъ.

Изъ Бруссы они отправились къ Олимпу. Долины и высоты сей горы населены Туркоманами, коихъ до 800 семействъ. Они совершенно оплочаются опъ Турковъ. На пути изъ Никеи въ Никомидію, видѣлъ открытый грощъ на подобіе пріумфальныхъ врагъ. О таковой достопамятности природы никто прежде его не упоминалъ изъ путешественниковъ. Къ сему сочиненію приобщены три приложенія и одно собраніе надписей. Первое содержитъ извлеченія изъ Джиганнюма и Государственной исторіи Вассифа относительно соединенія рѣки Сакаріи съ озеромъ Сабанджа и Никомидійскимъ заливомъ; второе заключаетъ географическіе отрывки изъ Джиганнюма объ окрестностяхъ Бруссы и Никомидіи, а третіе—опредѣленіе положенія различныхъ мѣстъ по компасу безъ уклоненія. Всѣхъ надписей 21, изъ коихъ 7 списаны въ Никеѣ, 6 въ Никомидіи, 1 съ Тавжандшильскаго водомета (всѣ на Греческомъ языкѣ), а 4 въ Каполической Церкви въ Родосѣ. Въ сей церкви почиваетъ знаменитый Князь Францъ Ракоци (Rakoczy), Полководецъ его Графъ Берчени, Говфмаршалъ Себрикъ Шарваскендскій и Антонъ Эспергази Голландскій, одинъ изъ величайшихъ его приверженцевъ. Ополчасъ прошилъ своего опечеслва

и законнаго Государя, они не успокоились въ мѣ-
стѣ опцевъ своихъ, но въ опдаленности опъ
нихъ, на непріязненныхъ берегахъ Фракійскихъ.

Л.

ИЗВѢЩЕНІЕ.

Общество сообразно съ § 22 Впторой части Устава, доводитъ вновь до свѣденія чипашелей о слѣдующихъ пожертвованіяхъ при подпискѣ на изданіе Общества для благошворной цѣли поспутившихъ :

- Отъ Его Превосходительства Алексѣя
Петровича Орлова 20 р.
— Его Высокоблагородія Ивана Григорьевича Морозова 50.
— Ея Высокоблагородія Анастасьи Морозовой 30.
— Его Высокоблагородія Василья Протопопова. 10.
— Его Высокоблагородія Александра Скальковскаго 5.
— Его Высокоблагородія Тимофея Сухобовскаго 5.

Всѣ сіи пожертвованія приняты съ признательностію и причислены къ суммѣ, назначенной на благошвореніе. Объ употребленіи оной Общество извѣститъ Чипашелей чрезъ свой Журналь.

П Р О З А.

П И С Ь М О

Наслѣднаго Принца Шведскаго (*) къ
Барону Зедергелъму.

Стокгольмъ. 29 Октября. 1812.

Я просилъ Короля поручить вамъ воспитаніе сына моего, Принца Оскара, и Его Величество объявилъ на по свое соизволеніе. Ваши достоинства рѣшили его выборъ. Вы присступите теперь къ образованію ума и сердца моего сына; его счастливья дарованія облегчатъ труды ваши.

Спаясь преимущественно доставить ему свѣденія о нравахъ и обычаяхъ его земли, однимъ словомъ дать ему совершенное по-

(*) Нынѣшняго Короля Карла XIV.

Часть VI. Кн. V.

9

яшіе о народномъ характерѣ, вы вполне удовлетворите моему желанію. Пусть онъ будетъ воспісанъ, какъ Шведъ, и тогда нація одолжена вамъ будетъ всѣмъ благомъ, которое произойдетъ отъ попеченій вашихъ въ его наставленіи. Попыщесь утвердить въ сердцѣ его чувствованія вѣры, добра, любви къ законамъ и къ Опечеству. Напишайше духъ его примѣрами, почерпаемыми изъ царствованій добрыхъ Государей, и вы возбудише такимъ образомъ въ душѣ его соревнованіе къ истинной славѣ, имѣющее всегдашнимъ предметомъ своимъ пользу и благоденствіе человѣчества.

Сынъ мой теперь въ томъ возрастѣ, когда всѣ получаемыя имъ впечатлѣнія осѣкаются въ немъ на всю жизнь; и для того вы должны всячески осперегаться, чтобы онъ не соспавилъ въ мысляхъ своихъ ложныхъ понятій о томъ, что называемъ мы характеромъ. Твердость, полагающая первое основаніе онаго въ сердцѣ Государя, тогда только можетъ почестись добродѣтелью, когда ею руководствуешь благоразуміе.

Внушите ему, что во всякомъ случаѣ, когда пособіе его нужно будетъ несчастному, его обязанности не должны пропигворѣчь сердцу, и что его благошворенія должны всегда носить на себѣ печать великодушія, но никогда не производить ошщеславія или распочительности. Монарху надобно помышлять объ участи бѣдныхъ: я желаю, чтобы сынъ мой возчувствовалъ сію истину.

Монархъ не долженъ никогда увлекаться страхомъ и подозрѣніями. Онъ долженъ жертвовать и самую жизнь для утверждения славы и благосостоянія земли своей. Въ его судѣ спросить не могутъ участвовать; онъ долженъ изрекать свои приговоры съ шѣмъ спокойствіемъ души, которое вселяетъ благоговѣніе и составляетъ отличительную черту добрыхъ Государей. Спирайшее, Г. Баронъ, сколько можно шверже вкоренить шаковыя правила въ сердце моего сына: я его поручаю вамъ въ то время, когда онъ въ сословіи принимаетъ всѣ наставленія, дабы принести со временемъ пользу своему Отечеству. Повторяйте ему безпрестанно, что слабый Государь есть

одно изъ величайшихъ бѣдствій, коими Небо можеть обременить землю; что паденіе царствъ, внутренніе раздоры и рабство народовъ, суть обыкновенныя пагубныя послѣдствія робости Государей; что война есть самое большее зло для народовъ, но что бывають случаи, когда она почиается въ поже время самымъ спасительнымъ средствомъ, дабы доставить нація прежнюю ея силу, возстановить духъ народный и предохранить Государство отъ несчастія поперять свое имя, подпавъ подъ скипетръ враждебной державы. Скажите ему, что если Государству угрожаетъ подобная опасность и если нѣтъ уже другаго способа избѣжать посрамленія, какъ только возложить судьбу свою на успѣхъ оружія, то Монархъ не властенъ уже въ выборѣ: онъ долженъ на все отважиться и все предпринимать, чтобъ сохранить независимость своего народа. Въ сію-то рѣшительную минуту ему надлежитъ показать всю силу своего характера и окружить себя людьми праводушными и мужественными, каковы бы впрочемъ ни были ихъ понятія; вся цѣль его въ это время должна быть только

въ шомъ, чинюбъ спасши Отечество. Успѣшь въ семь подвигъ — значишь всѣмъ единодушно ополчиться противъ прицѣснишеля.

Приучише между прочимъ моего сына не довѣрять людямъ нескромнымъ или распущеннымъ; ибо первые измѣняютъ ему изъ самолюбія, послѣдніе безъ сомнѣнія предпочитаютъ свою корысть.

Законъ Божій, Исторія, Географія, Статистика, Математика, Письмо, Рисованье и тѣлесныя упражненія составятъ въ продолженіи двухъ лѣтъ начальный предметъ воспитанія моего сына. По прошествіи сего времени я буду просить Короля о позволеніи принять въ образованіи его другую методу.

Ученіе вѣры ведетъ къ познанію крошечной и благопшорительной нравственности: исполнише сими чувствованіями душу моего сына.

Ему должна бытъ извѣстна Исторія всѣхъ народовъ; но въ семь предметѣ вамъ надлежитъ преимущественно обратиться вниманіе вашего питомца на Историю внутренняго ихъ правленія и законовъ, вмѣстѣ съ цѣмъ

вліяніемъ, какое произведи они на нравы и народное благосостояніе.

Наука войны составишь главную цѣль вашихъ попеченій и занятій моего сына. Государю нашего времени надобно бышь искуснымъ Полководцемъ. Опытъ убѣдилъ уже насъ, сколь разительна противоположность между военачальникомъ, состоящимъ въ полной отвѣдственности предъ своимъ Монархомъ, и шѣмъ, кто непосредственно располагаетъ всѣмъ самъ собою. Для сего нужно заблаговременно приучать моего сына съ бодростію переносить всѣ перемѣны времени и извлекать большую часть средствъ изъ собственныхъ силъ своихъ, опасаясь того, чтобы слишкомъ сидячая жизнь не имѣла въ послѣдствіи вліянія на образъ мыслей его и дѣйствій. Прогулка на горахъ, въ рудоконни, упражненіе въ плаваніи и верховой ѣздѣ супъ такіа занятія, которыя развиваютъ душевныя силы, напоминающая нѣкошорымъ образомъ войну и возбуждая мысль о предстоящей опасности, которая тогда только можетъ обратиться въ навыкъ, если всегда будешь предъ глазами.

Ученіе Географіи должно соединено бытъ съ Сшатиспикою, и въ особенності опносящеюся до Шведскаго Государства. Сынъ мой долженъ знать оную во всѣхъ ея подробностяхъ, дабы имѣлъ истинное понятіе о способахъ, которые находящіяся въ Государствѣ, и шѣмъ предохранить себя отъ неосновательныхъ соображеній, вредныхъ какъ для него, такъ и для народа. Я желаю, чтобы сія часть его образованія неограничивалась однимъ только книжнымъ ученіемъ: поелику надобно ему знать сію науку въ совершенствѣ, то она болѣе еще утвердися въ его памяти посредствомъ путешествій и разсужденій съ просвѣщенѣйшими людьми во всякомъ состояніи. Поселяне и земледѣльцы, болѣе другихъ образованные въ селеніяхъ, гдѣ онъ въ проѣздѣ свой остановившя, доставяютъ ему свѣдѣнія о плодородіи земли своей, о родѣ произведеній, о цѣнѣ жизненныхъ потребностей и о налогахъ, съ нихъ собираемыхъ. Въ городахъ, Начальники оныхъ знакомятъ его съ внутреннимъ управленіемъ ихъ области, а искусные законовѣдцы будутъ съ нимъ бесѣдовать во время его шата пре-

быванія. Ихъ разсужденія неслужать ему къ предварительному познанію законоположенія и государственныхъ установленій Швеціи, покуда върастъ еще не позволитъ ему приступитъ къ изученію правовѣденія.

Весьма нужно будетъ пользоваться каждою минутою любопытства, которое возбуждять въ сынѣ моемъ первыя приобрѣтенныя имъ познанія, и показывать ему все, гдѣ онъ чему ибудь научиться можетъ. Это послужитъ вамъ поводомъ къ тому, чѣмъ заславлять его чинашь обо всемъ, что можетъ относиться къ симъ предметамъ, и такимъ же образомъ возобновлять оныя послѣ въ его памяти. Когда вы поведете его на корабль, надобно, чѣмъ онъ имѣлъ уже свѣденія о знашнѣйшихъ морскихъ сраженіяхъ и чѣмъ одинъ изъ опытныхъ мореходцевъ находился съ нимъ при этомъ случаѣ для изясненія разныхъ морскихъ оборотовъ, рѣшившихъ судьбу сихъ сраженій. Равнымъ образомъ и при осматриваніи какой ибудь крѣпости нужно, чѣмъ онъ былъ сопровождаетъ инженеромъ, который бы въ состояніи былъ исполковать ему на мѣстѣ искусство укрѣпленій, правила осады и обо-

роны. — Въ сочиненіяхъ Шмидта сыкъ мой почерпнешь нужныя свѣденія въ Государственной Экономіи и фабрикахъ. Творенія Винкельмана дадутъ ему надлежащее понятіе объ изящныхъ искусствахъ, и свѣдѣніи писатели въ разныхъ родахъ сочиненій познакомятъ его съ Словесностью.

Великая прудность въ воспитаніи состояишь въ томъ, чшобъ управляшь желаніемъ пишомца. По сему-шо необходимо нужно доставляшь моему сыну разные историческія книги, въ чшеніи кошорыхъ находилъ бы онъ удовольствіе и читалъ ихъ одинъ, съ пѣмъ однакоже, чшобъ послѣ онъ опщивалъ вамъ опченъ въ своемъ чшеніи, но болѣе на словахъ, нежели на письмѣ, ибо даръ слова для Шведскаго Принца болѣе нуженъ, нежели для всякаго другаго. Мнѣ кажешся даже, чшобъ сдѣланъ въ немъ навыкъ къ сей способности, должно вамъ будешь приглашашь къ нему разъ или два въ недѣлю для сообщенія его людей, кошорыхъ вы сами изберешь, и кошорыхъ доспоинства вамъ будутъ извѣстны.

Я желаю шакже, чшобъ сынъ мой посвящаль нѣскольکو минушь въ день для ино-

спранной словесности. Посредствомъ оной, онъ научился разпознавать отличительныя черты другихъ народовъ и бесѣдовалъ съ иностранцами о шѣхъ предметахъ, копорые рѣдко доходили до слуха и взора Государей.

Наконецъ теперь остается мнѣ опредѣлить часы и время занятій моего сына. Онъ долженъ вставать въ семь часовъ съ половиною, и отъ восьми до одиннадцати упражняться въ ученіи; въ одиннадцать часовъ завтракать съ своими наставниками и Кавалерами, а съ половины двѣнадцатаго по второй часъ назначается отдохновеніе. По однимъ только воскресеньямъ будутъ приняты къ его завтраку двѣ послеровнія осыбы по вашему выбору. Со втораго часа до пяти вечера, онъ долженъ продолжать свои занятія, а въ половинѣ шестяго приходитъ ко мнѣ и обѣдаетъ со мною по воскресеньямъ, вторникамъ и четвергамъ; въ прочіе же дни будетъ имѣть столъ на своей половинѣ. Во время стола можно мало по малу приучиться познавать людей и проникать въ ихъ характеры. Навыкъ въ свѣтскомъ обращеніи дѣлаетъ человека ловкимъ

и прилипчивымъ, и искореняетъ застѣнчивость, весьма обыкновенную въ дѣтяхъ, воспитанныхъ въ уединеніи, и весьма опасную для Государя, ибо люди смѣлые и дерзкіе легко могутъ воспользоваться тогда его слабостью и управлять имъ по произволу. За моимъ споломъ сынъ мой найдетъ первыхъ людей въ Государствѣ; и такое общество не заключая въ себѣ скучной единообразности обыкновеннаго ученія, также не мало способствовашъ будешь его образованію.

По вечерамъ, отъ семи до девяти часовъ, сынъ мой будешь попеременно посѣщать Ихъ Величества, или ѣдишь въ театръ и въ собранія, или наконецъ проводишь время въ собищенныхъ своихъ обществвахъ, копорыя будешь у него разъ или два въ недѣлю, и о копорыхъ было уже говорено выше. Въ десять же часовъ, онъ долженъ всегда ложиться спать.

Такимъ образомъ онъ будешь занимашся семь часовъ въ день, что по его лѣтамъ кажешся мнѣ доспащочно. Теперь отъ васъ будешь зависѣть, Г. Баронъ, учредишь по-

рядокъ ученія, расположивъ оное по часамъ согласно съ моимъ желаніемъ.

Главный предметъ, къ кошорему бы надлежало намъ прежде всего обратиться, естъ нѣжное почтеніе, кошорое сынъ мой долженъ всегда оказывать Королю. Всегда и во всякомъ случаѣ желанія его должны быть согласны съ волею Его Величества. Во всѣхъ своихъ поспупкахъ онъ долженъ имѣть цѣлю то, чшобъ быть украшеніемъ славы своего Государя и не терять изъ виду, чшо никогда и никакое разкаяніе не въ силахъ будетъ заглавить самадѣйнаго огорченія, кошорое онъ причинитъ ему. Съ полнымъ удовольствіемъ, я принимаю, Г. Баронъ Зедергельмъ, сей случай, чшобы возобновишь предъ вами увѣреніе въ шѣхъ чувствованіяхъ, кошорыя вы поселили во мнѣ съ перваго нашего знакомства, и молю Бога, чшобъ онъ содержалъ васъ подъ своимъ свяшымъ покровомъ и благословилъ шруды ваши.

Съ Франц. И. А.

ИЗВЛЧЕНІЕ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ
ВЪ ЮЖНУЮ АФРИКУ,

Дж. КЕМПБЕЛЛЯ. (*).

Г. Кемпбелль прибылъ на Мысь Доброй Надежды въ Ноябрь 1812 года. Онъ отпра- вился изъ Портсмута по желанію Миссіонерскаго Общества, въ то время, когда Докторъ Вандеркемптъ былъ опозванъ обращно. Сей послѣдній нарушилъ въ нѣко- торыхъ случаяхъ данныя ему предписанія,

(*) Изъ новой книги: *Travels in south Africa, etc.* ш. е. Путешествіе въ Южную Африку, со- вершенное по предписанію Миссіонерскаго Общества Дж. Кемпбеллемъ, Священникомъ Кингслендской церкви. Лондонъ, 1815 въ 4 долю, 582 стр. Сіе извлеченіе заимствовано мною изъ превосходнаго журнала, издаваемаго въ Женевѣ, подъ названіемъ: *Bibliothèque universelle des sciences, Belles-Lettres et Arts.* Genève, 1817. *Руск. Перев.*

и поступки его въ качествѣ Миссіонера были изслѣдованы извѣстнѣйшими спрансывовашелями, въ особенності же Профессоромъ Лихтенштейномъ. Г. Кемпбелль, не отвергая нѣкошорыхъ его погрѣшностей, оправдываетъ его въ сдѣланномъ ему упрекѣ, будшо бы онъ въ своей миссіи пренебрегъ пракшическое воспитаніе своихъ учениковъ, и не старался объ успѣхахъ ихъ въ механическихъ искусстввахъ. Будучи самъ одушевленъ искреннѣйшимъ усердіемъ къ временному и вѣчному ихъ благу, Г. Кемпбелль посѣдилъ сначала ихъ заведенія, и принявъ былъ съ величайшею радостію и благодарностію. Гошшеншошы, обращенные въ Христіанскую вѣру, вышли уже изъ униженія и бѣдности, въ кошорыхъ они дошолѣ находились, и начинаютъ занимать полезными прудами; они познають правила обязанности челошеческихъ, а одинъ изъ нихъ даже исправляетъ должность проповѣдника.

Но оставимъ Гошшеншошовъ, и поспѣшимъ вышши вмѣстѣ съ нашими путешественниками изъ предѣловъ сей колоніи, дабы слѣдовашъ за ними къ шѣмъ изъ при-

родныхъ шамошнихъ жилищей, которыхъ Европейцы почти никогда не посѣщали.

Таковъ на примѣръ городъ Липеку или Лашшаку (*), описанный, какъ намъ кажется, въ первый еще разъ Г. Трошеромъ, въ концѣ путешествія Г. Барро въ Кохинхину. Жители сего города, извѣстные подъ именемъ Букданасовъ, имѣютъ нравы шикіе, чѣмъ отличаясь отъ большей части дикихъ Африканскихъ племенъ. Извѣстіе о путешествіи Г. Трошера было довольно обстоятельно помѣщено извлеченіемъ въ *Британской Библіотекѣ* (**); сей путешественникъ былъ въ шѣхъ мѣстахъ за 10 или 12 лѣтъ прежде Г. Кемпбелля; но извѣстія шого и другаго совершенно согласны между собою.

(*) Г. Трошеръ пишетъ Leetakoo, а Г. Кемпбелль Lattakoo, слѣдуя Англійскому произношенію.

(**) *Bibliothèque Britannique*, tome 34, page 186. Подъ симъ названіемъ издавался въ Женевѣ журналъ, которому вышеприведенный, *Bibliothèque universelle*, служилъ продолженіемъ; сей послѣдній журналъ издается шѣми же особами, кои трудились надъ изданіемъ перваго. *Руск. Перев.*

27 Мая, Г. Кемпбелль увидѣлъ пространную долину, около ста миль въ окружности, на западѣ кошорой находилъ озеро, что можешь почесъся за рѣдкость въ сихъ степяхъ Африки. Приближаясь далѣе, онъ увидѣлъ *большую рѣку*. Въ такой странѣ гдѣ воды рѣдко попадаются, это есть споль великое благополучіе, говоритъ Г. Кемпбелль, что взоры напередъ уже онымъ наслаждаются. Наши путешественники переправились чрезъ рѣку и очутились въ странѣ плодородной, но совершенно освавленной на жилищество дикимъ звѣрямъ. Источникъ рѣки Крумала въ землѣ Мачапской, весьма величественъ, и Сочинишель съ удовольствіемъ его описываетъ.

Тогда былъ самый крапчайшій день въ сихъ странахъ и солнце заходило въ пять часовъ, какъ Г. Кемпбелль замѣнилъ слѣды другаго путешественника, Г. Борчилля, который также посѣщаль Лашпаку.

Г. Кемпбелль шель далѣе съ своими поварницами, и былъ настигнуть чепырьмя молодыми людьми, около 16 лѣтъ возраста, у кошорыхъ лица были намазаны красною краскою съ бѣлыми полосами, правильно раз-

положенными, что придавало имъ весьма спранный видъ. Одинъ изъ нихъ былъ сынъ умершаго Царя Малайбанга (*). Всѣ они были очень спройны, шло ихъ также разнисано красною краскою, а волосы напудрены какимъ-то синимъ порошкомъ. Они попросили весьма скромно у путешественниковъ шабаку, кошорый и былъ имъ данъ. У всѣхъ были на плечахъ сагаи или копья, а между самыми плечами нѣкошороя шемнаго цвѣта кожи, съ круглымъ лоскушкомъ изъ мѣха *мускусовой кошки*, пришитымъ къ ихъ епанчамъ; отъ чего они казались похожими на солдатъ, имѣющихъ за плечами ранцы.

Лапшаку, куда наконецъ они прибыли, и кошорый ешь сполица шой земли, имѣеть, по мнѣнью нашего путешественника, до 8000 жителей (**). Но входя въ оный,

(*) Мы предполагаемъ, что это былъ тотъ самый Царь или Начальникъ, въ правленіе котораго Г. Трошеръ посѣщаль Липеку, и коего сей путешественникъ называетъ Муліабаномъ. См. Брит. Библ. томъ 34, стр. 204 - 209.

(**) Сіе изчисленіе согласно съ Трошеровымъ, если полагать только по чешыре человека

Часть VI. Кн. V.

Р. Кемпбелль и щоварищи его были изумлены явнымъ недоспащкомъ въ населеніи и унылымъ молчаніемъ, господствовавшимъ въ городѣ. Они искали жилища Царя, и подошли къ нѣкоторой площади, безъ порядка огражденной деревьями и кустарниками, набросанными одни на другія. Они нашли тамъ около ста человекъ вмѣстѣ, а довольно значительное число высокорослыхъ людей, вооруженныхъ копьями, стояло въ боевомъ порядкѣ. Въ ту же минуту набѣжала съ шумомъ толпа женщинъ и дѣшей изъ всѣхъ частей города. Толпа сія скоро сдѣлалась цоль многочисленною, что путешествен-

въ каждомъ домѣ. Вотъ что сказано о семь предметѣ въ Брипанской Библиотекѣ (ш. 34, стр. 194): „Наши путешественники (Г. Трошеръ, Соммервилль и ихъ щоварищи) полагаали обширность города Липеку наравнѣ съ обширностію города Капа, заключаая въ то число всѣ сады Столовой долины. Но не-правильность улицъ и низость домовъ препятствовали изчислить сіи послѣдніе съ нѣкоторою точностію. Однакожь по замѣчаніямъ своимъ они могли заключить, что число оныхъ не менѣе 2000, и не болѣе 3000.“

ники были ею раздѣлены и пошерляли другъ друга изъ виду. При взглядѣ ихъ на женщинъ и дѣшей, пошчасъ сіи послѣднія въ спрахъ убѣгали. Наконецъ Г. Кемпбелль, воспользовавшись случаемъ, приласкалъ ихъ, и всѣ они шолько были симъ обрадованы, что каждый спарался привлечь къ себѣ шаковыя же ласки; съ шѣхъ поръ напрасныя спрахи ихъ исчезли. Пушешешивенники не безъ шруда могли посшавить шашеръ, который оградили повозками, дабы избавишся ошъ народной шолпы; имъ дали большой домъ для пригошвления въ ономъ кушанья. Многие изъ знашнѣйшихъ жшшедей пришли въ шашеръ, а народъ шолпился у повозокъ, крича весьма нескладными голосами. По знаку, посшавленному на шполъ, народъ разсѣлся. Пушешешивенники находились шогда шочши во власши племени дикарей, однакш не беспокоидись о себѣ. Довѣренность ихъ не обманула, ибо Лапшакусы явились имъ народомъ шихимъ и благоушпроенымъ.

За семь лѣшъ предъ шѣмъ Капскій Губернашоръ Лордъ Каледонъ, посшмалъ цѣлый опрядъ для обзорнїа Африки до самыхъ Поршугальскихъ селенїй въ Мозамбикъ; и съ

тѣхъ поръ ничего не слышно было о сей экспедиціи (*). Узнали, что спрванное безмолвіе, удивившее пушешешивенниковъ при вступленіи въ городъ, шопопъ и двусмысленные пошупки Лашпакусскихъ Начальниковъ, происходили опъ подозрѣнія, что Г. Кемпбелль и сопровождавшіе его пришли испишь за умерщвленныхъ своихъ соопешешивенниковъ. Царь Мешеби (**), былъ тогда на ловлѣ шакаловъ; и когда пушешешивенники прѣбовали переговоровъ и дали знашь о предметѣ своего посольства, то Начальники опшѣчали, что для вступленія въ переговоры и приняшія пословъ, они должны дожидашься возвращенія Царя.

Сей Царь по Магомешанскому закону имѣлъ двухъ женъ. Одна изъ нихъ принесла пушешешивенникамъ молока, и въ замѣнь за сіе получила въ подарокъ шабаку для себя и сопровождавшихъ ее. Она просила у Г. Рида нюхашельнаго шабаку, и когда сей

(*) Въ послѣдствіи было узвано, что всѣ люди, находившіеся въ семь опрядѣ, были умерщвлены Вашкеценами, коихъ племя живеть къ сѣверу опъ Лашшакусовъ.

(**) Matabee.

опывчалъ, что не употребляетъ онаго, шѣ она съ живоспшю сказала, что шѣмъ болѣе онъ долженъ былъ имѣть его, дабы раздавать.

Путешественники сдѣлали посѣщеніе жѣнѣ Селешоку, Царскаго дяди, кошорую засшали прущую шабакъ; попомъ посѣщили они Царицу. Та и другая имѣли красивыхъ дѣшей, но кои пугались, увидѣвъ бѣлыхъ.

Не взирая на мнимое безлюдство города, примѣченное при вшеспвіи нашими спранспвовашелями, шогда было въ немъ время праздничное, подобное Европейской масляницѣ.

„Внимание наще обратилось, говоритъ „Г. Кемпбелль, на шолпу жѣнщинъ, шедшихъ къ площади съ длинными просточками въ рукахъ; лица у нихъ были распсаны бѣлыми полосами, предспавлявшими „разныя фигуры. Онѣ шли шихими шагами, „шѣснясь одна подлѣ другой съ ужаснымъ „крикомъ. Нѣсколко жѣнщинъ, за ними слѣдовавшихъ, шакже кричали и плясали. При „входѣ на площадь, было примѣрное сраженіе между молодыми и спарыми. Первыя „изъ нихъ одержали побѣду и приближались

„съ шоржествомъ. Тогда народъ спалъ об-
 „ширнымъ кругомъ, по сторонамъ коего на-
 „ходились зрители въ шесть или семь ря-
 „довъ; въ шу же минушу въ средину круга
 „вспутили болѣе 40 дѣвочекъ ошъ 12 до
 „16 лѣтъ; лица ихъ были набѣлены известью.
 „Онѣ начали пляску, въ кошорой замѣнены
 „быль правильный размѣръ, и стучали весь-
 „ма сильно ногами о землю. Многія изъ нихъ
 „держали въ рукахъ небольшіе щипы, ко-
 „шорые поворачивали весьма искусно, выс-
 „шавляя ихъ впередъ шо правую, шо лѣвою
 „рукою, какъ бы для отраженія стрѣль,
 „въ нихъ бросаемыхъ. Каждая изъ нихъ по-
 „шупляла глаза въ землю и принимала важ-
 „ный видъ, что дѣлало во мнѣ большое
 „впечатлѣніе. По окончаніи пляски, продол-
 „жавшейся около четверти часа, онѣ выш-
 „ли изъ круга по данному знаку, и на нѣ-
 „сколько минушъ исчезли; пошомъ возвра-
 „щились и снова начали шо же. Пляска, онѣ-
 „дыкъ и возвращеніе продолжались около
 „полшора часа; наконецъ все собраніе ра-
 „ѣошлось.“

Сіе зрѣлище продолжалось нѣсколько дней
 сряду. Г. Кемпбелль имѣль случай видѣть

двухъ женщинъ, пригошьявшихся къ пляс-
кѣ, въ домъ одного изъ Начальниковъ. Одна
разписывала себѣ шѣло красною, а другая
черною краскою, смѣшанною съ жиромъ,
отъ чего волосы ея казались блестящаго
синеватаго цвѣта. Мужъ ея напирался
красною краскою, надѣвалъ епанчу изъ весьма
красиваго мѣха со множествомъ привѣ-
сокъ на груди. Домъ ихъ былъ опрятенъ, а
задній дворъ не уступалъ почти въ поряд-
кѣ шѣмъ, которые находящяся въ Англій-
скихъ домахъ (*). Вообще всѣ Начальники
имѣли хорошую наружность.

Наши Миссіонеры, видя, что они не мо-
гутъ исполнить даннаго имъ препорученія,
и что возвращеніе Царя весьма сомнитель-
но, хотѣли уже оставить Лашшаку. Но
прежде, нежели рѣшились на сіе, они по-
сѣтили Царскую жену и сестру. Царица

(*) Желаящіе знать постройку и разположеніе
домовъ въ Липшеку, которые весьма заслу-
живаютъ вниманіе, могутъ видѣть оныя въ
путешествіи Трошера, или въ извлеченіи
изъ онаго, напечатанномъ въ Брипанской
Библиотекѣ (Томъ 34, стр. 196), гдѣ нахо-
дишся чертежи одного изъ шаконыхъ домовъ.

договаривала ихъ оспашься, на что они и согласились. Она дѣлала имъ слѣдующіе вопросы, кои безъ сомнѣнія были послѣдствіемъ разговоровъ ея съ Миссіонерами и плодомъ многихъ размышленій: „Воскресающъ, ли мертвые? — на землѣ ли Богъ обитаешъ, и если нѣтъ, то гдѣ онъ находишся?“ — Ии и другимъ женщинамъ показали карманые часы, отъ чего онѣ пришли въ удивленіе и ужась. Видя сію машину въ движеніи, онѣ подумали, что это какое нибудь живое существо; а когда поднесли часы къ ихъ ушамъ, и онѣ слышали бой оныхъ, то поспѣшно опшаккивали ихъ отъ ушей, какъ бы ужасную змѣю.

Кажешся, что женщины шамъ не шеряшъ никакого принужденія, а мужчины мало ими занимающъся. Онѣ болшливы и гнѣдлы до крайности; но по голозу ихъ, не смошря въ лице, трудно угадашъ, сердяшся ли онѣ, или смѣющъся. Если предметъ разговора хошя мало ихъ занимаешъ, то онѣ кричащъ изо всей силы, хошя бы говорящій съ ними подлѣ нихъ находилъся.

Г. Кемпбелль изображаешъ Лапшакусовъ, народомъ добрымъ и мало наклоннымъ къ

жорокамъ. Однажды онъ былъ вспрево-
женъ необыкновеннымъ шумомъ; но ско-
ро узналъ причину онаго. Нѣкто изъ жи-
шелей сдѣлалъ воровство, ошорвавъ двѣ
пуговицы опъ плащя Переводчика. Всѣ жи-
шели обвиняли съ великимъ шумомъ другъ
друга въ покражѣ. Наконецъ воръ сысканъ,
обѣ пуговицы возвращены, а виновный оп-
данъ на судъ шуму, кого онъ обокралъ. Сей
назначилъ ему наказаніе, сошвѣшсвующее
важности преспуленія: а именно, осудилъ
его вышши изъ круга, соспавленнаго жовоз-
ками. Всѣ гражданае одобрили сіе унизишель-
ное наказаніе.

Г. Кемпбелль упоминаешъ о другомъ во-
рѣ, кошорый болѣе перваго дѣлаешъ вреда.
Дядя Царской, человекъ безпокойнаго и ди-
каго нрава, подъ какими нибудь пуспыми
предлогами нападаешъ на спада своихъ со-
сѣдей и уводишъ оныя. Царь изъявляешъ
въ шаковыхъ случаяхъ негодование свое и
кажешся въ самомъ дѣлѣ раздраженнымъ; но
малая часпъ изъ добычи ушолляешъ гнѣвъ его.

Сей народъ получаешъ мѣдъ и олово опъ
нѣкошораго племени, живущаго далѣ во
внушренности Африки, и кошораго имени

Лапшакусы не хотѣли ошкрышь. Горы, въ коихъ находилса мѣдь, говорили они, ошшоялть недалеко отъ Лапшаку. Но Г. Кемпбель думаетъ, что вещи, находящіяся у нихъ, Европейской работы, и что они получили ихъ отъ Поршугальцевъ. Жители сего города, будучи еще весьма далеки отъ насшоящаго образованія, кажутся однакожь довольно смѣшливыми и дѣлають изъ металловъ разныя вещи для пользы или для украшенія. Дома ихъ гораздо лучше, нежели у другихъ сосѣдственныхъ съ ними народовъ. (*) Покрой и шитье ихъ епанчей не хуже, нежели у Европейцевъ. Городъ раздѣленъ на части, изъ коихъ въ каждой есть свой начальникъ. Сии начальники угощали попеременно нашихъ путешественниковъ молокомъ и вареною пшеницею. Однѣ женщины занимаются тамъ полевыми работами; Царица копаеть землю наравнѣ съ другими. Знавшійшія въ городѣ женщи-

(*) Сосѣдственные съ ними Барролусы, по видимому, спроятъ дома по такому же плану, какъ и Букданасы; дома ихъ прочнѣе, нежели у сихъ послѣднихъ. См. Брит. Библ. томъ 34 стр. 210.

ны приходили къ нашимъ путешественникамъ промѣнивать свои запястья и серьги за малое количество табаку; а дѣши просили также табаку шершаго.

Мало по малу возвратились шѣ , кошорыхъ прогналь спрахъ мнимаго ищенія. Путешественники и жищели смопрѣли другъ на друга безъ недовѣрчивости, и свободнѣе могли взаимно себя разсмапривать. Вопшъ небольшая черпа лукавства, кошорую приводишь Г. Кемпбелль; однакожь она не заключаетъ въ себѣ ничего зловреднаго.

„Градоначальникъ Монашиць, помощникъ „его Мепири и еще два человекъ изъ шамошнихъ жищелей находились въ шапрѣ „во время обѣда путешественниковъ. Мепири, видя, что мы употребляемъ съ кушаньемъ Кайенской перецъ и любуясь краснымъ цвѣшомъ сего расшѣнія, попросилъ „у насъ онаго , въ чешъ мы ему и не показали. Опшѣдавъ и почувствовавъ ѣдкой „его вкусъ, онъ закрыль глаза, захвашилъ „рошъ рукою и опушилъ голову; но пересиливъ себя, скрыль свою боль, пронуль „попихоньку ногою Г. Рида, давая ему знакъ „къ молчанію и подчивалъ перномъ своихъ щер-

„варищей. Монашицъ и въ самомъ дѣлѣ онъ,
 „вѣдалъ онаго, и какъ скоро могъ говорить,
 „шо попросилъ перцу для жены своей.

„Напоследокъ Царь Мешеби возвратился.
 „Поутру еще явились два ошряда его
 „передовыхъ, а самъ опъ вспунилъ въ го-
 „родъ около полудня, въ сопровожденіи
 „многочисленной свишы. Люди, соспавляв-
 „шіе сію свишу, вооружены были копьями
 „или кольями, на кошорыхъ развѣвались
 „черныя спраусовы перья. Сіи колья вшы-
 „каюшъ въ землю вокругъ шого мѣста, гдѣ
 „Царь ошанавливается для ошдохновенія,
 „дабы прогнашъ чрезъ шо львовъ, на кошо-
 „рыхъ, какъ сказываютъ, сіе наводитъ ве-
 „ликой спрахъ.

„Прибышіе Мешеби не произвело въ го-
 „родѣ замѣтнаго волненія. Вспупая на пло-
 „щадъ, онъ не обрашилъ никакого вниманія
 „на насъ и наши повозки, и посшупилъ
 „шакъ, какъ будшо бы ему во все неизвѣ-
 „спно было, што иносшранцы прибыли въ
 „его столицу. Пошомъ онъ сѣлъ на землю,
 „што сдѣлали шакже и люди его сопровож-
 „давшіе сосшавя около него кругъ, и тогда
 „Мешери донесъ ему обо всемъ, случившемся

„въ его описаніи. Царь съ своей стороны
 „разказалъ ему всѣ общія свойства своей
 „охоты. Сей разговоръ продолжался не бо-
 „лѣе десяти минутъ, послѣ чего мы были
 „позваны къ Царю, и тотчасъ къ нему
 „явились. Онъ протянулъ намъ руку, не смо-
 „тря на насъ; мы поспрашили ее, говоря:
 „*Метиби о Иссы*, привѣтствіе, обыкновен-
 „но говоримое Царю. Въ продолженіе сего
 „обряда, онъ нисколько не перемѣнялся въ ли-
 „цѣ; но казался задумчивымъ, углубленнымъ
 „въ какія-то мысли и соблюдалъ важность,
 „чѣмъ весьма уподоблялся порфиредамъ Бо-
 „напарше, копорые мнѣ случалось видѣть
 „и копорые были списаны за 10 или за 12
 „лѣтъ предъ симъ.“

Государь Лапшакускій, не начиная еще
 говорить, окинулъ глазами принесенные ему
 подарки. Это были нѣкопорыя бездѣлки,
 доставленные на сей конецъ путешествен-
 нику дамами Кингслендскими; почему Г. Кемп-
 белль привезъ оныя въ числѣ прочаго гру-
 за. Какъ скоро Царь понялъ, что ему бо-
 лѣе ничего не поднесутъ въ даръ, то бро-
 сивъ еще взглядъ ожиданія, рѣшился нако-
 нецъ говорить. Онъ сдѣлалъ ласковое при-

вѣстивіе путешественникамъ и сказалъ:
„лишь только я узналъ о вашемъ прибы-
,,шіи, то и возвратился.“

Когда просили его о принятіи Миссіонер-
ровъ, то онъ сдѣлалъ на сіе возраженія,
Онъ далъ замѣнить, что его подданные не
имѣютъ времени учиться; что они непре-
спанно заняты паспвою сѣпдъ своихъ,
досѣвомъ и собираніемъ хлѣба и разными
другими работами; что предметы, кошо-
рымъ хоплять ихъ научить, совершенно
прошивны ихъ обычаямъ, отъ кошорыхъ
они не жаляютъ ошспать; что въ Лаш-
шаку нѣтъ приличнаго мѣсца для помѣще-
нія Миссіонеровъ; но если они согласны
поселился въ нѣкошоромъ распояніи, то
ошъ пришлетъ къ нимъ нѣсколько дѣшей
его подданныхъ для обученія ихъ Голланд-
скому языку. Однакожъ послѣ многихъ до-
водовъ, Путешественники получили его со-
гласіе. „Пришлише, сказалъ онъ, вашихъ на-
,,спавниковъ; я буду ихъ ошцемъ.“

Царь подарилъ двухъ быковъ шѣмъ, ко-
шорые пришли посѣлнить его.

Вошъ какъ Г. Кемпбелъ описываетъ о-
бѣдъ Царя, при кошоромъ ему случилось

быты: „Семейство Царево собралось объ-
 „дашь внѣ дома, въ одномъ углу двора. Оп-
 „личіе, дѣлаемое Царю, было по видимому
 „то, что ему предоспавлялось мѣсто под-
 „лѣ самаго горшка съ вареными бобами, въ
 „коихъ сосполялъ весь обѣдъ, и что въ его
 „разпоряженіи была единспвенная ложка,
 „копорую мы у нихъ видѣли. Сею ложкою
 „бралъ онъ для себя и подавалъ поваря-
 „щамъ своимъ бобы, кладя симъ послѣднимъ
 „въ руку, когда они ее подспавляли. Се-
 „спра Мешеби рѣзала мясо, копорое было
 „на видъ весьма нечиспо, и клала его въ
 „шопъ же горшокъ. Надобно, чшобъ Ан-
 „гличанинъ умиралъ съ голоду: шогда шолько
 „онъ рѣшился обѣдашь съ Царемъ Лап-
 „шакускимъ.“

Жишели его города съ великою охопою
 ѣдящъ мясо львовъ, шигровъ, камелопардовъ,
 и пр. Вообще они ѣдящъ довольно опряшно.

Мешеби сдѣлался обходисельнѣе, и раз-
 казалъ нашимъ пушешеспвенникамъ нѣко-
 шорыя подробности о народахъ, сопредѣль-
 ныхъ съ его Государшвомъ. Между прочи-
 ми онъ говорилъ имъ о Маканасахъ, опъ
 кошорыхъ всѣ прочія племена получающъ

одежды и бусы спеклянные Европейской работы; сей народъ ѳздишь на слонахъ и запрягаешъ въ повозки буйволовъ для перевозки тяжесшей. Лица жишелей смуглы, а волосы длинныя. Онъ упоминалъ шакже о нѣкоторомъ народѣ людоѳдовъ.

Чѣмъ чаще путешештвенники разговаривали съ Мешеби, тѣмъ болѣе онъ заслуживалъ ихъ пріязнь, и распался съ ними не безъ сожалѣнія. Прощаясь, онъ попросилъ у нихъ шейнаго плашка; ему дали два вмѣсто одного, изъ копорыхъ однимъ обвязалъ онъ шею, а другимъ голову на подобіе колпака; но шощъ и другой скоро вымарались краскою, копорою шѣло его было намазано.

Достошно замѣчанія, что хошя вся поклажа путешештвенниковъ и сами они оставались безъ всякаго охраненія, но никакого воровства со стороны Лапшакусовъ не было сдѣлано, за исключеніемъ двухъ пуговицъ, а копорыхъ было говорено выше.

Проводя около двухъ недѣль въ Лапшаку, Миссіонеры опправились опшоль, будучи окружены множештвомъ народа, копорый смонрѣлъ на нихъ съ великимъ любопытештвомъ. Они предположили обозрѣшь

неизвѣстныхъ странъ, находящаяся дальѣ къ востоку.

Въ самый день ихъ опшѣзда (8 Юля 1818 года) по ушру земля покрылась изморозью. Они убили буйволицу съ шеленкомъ, что доставило великую радость одиннадцати Мачаписамъ, служившимъ у нихъ проводниками. Они просили убѣдительно дасть имъ мозгъ молодого буйвола: ибо сія часть убившаго звѣря предоспавляется всегда на чальникамъ Букуанасскимъ; а сіи проводники, будучи просполоудимы, весьма хопѣди опшѣдашь запрещеннаго плода.

Цѣлые два дни дорога шла въ гору, и путешественники очутились наконецъ на ужасной высотѣ. Термометръ показывалъ по ушру 24° по Фаренгейшу ($-3\frac{1}{2}$ по Реом.), и ледъ былъ толщиною почвы на вершокъ.

По полудни, послѣ встрѣчи съ Бошимениами, копорые имъ угрожали, прибыли они въ одну худую Бошимень-Букуанасскую деревню, гдѣ появленіе ихъ навело великій ужасъ. Попомъ пришли въ другую, споль же худую деревню, обитаемую красными Кафрами. Жишели ушли изъ оной и скрылись на высопахъ. Дома ихъ сподъ низки,

что едва можно замѣшишь ихъ изъ за кустовъ мѣлкого лѣса.

Сія неизвѣстная часть Африки, по сказанію Г. Кемпбелля, производитъ весьма хорошо разныя расшѣнія. Коренные жители не только сами опіюдь не нападали, но весьма боялись нападеній со стороны путешественниковъ; когда же сіи успѣвали съ ними сблизиться и разсѣять ложные ихъ страхи, тогда всѣ ихъ поступки были дружелюбны, и оканчивалось тѣмъ, что по всюду начальники просили прислать къ нимъ Миссіонеровъ на жительство.

Хищные звѣри, а особливо львы, найдяся во множествѣ въ сихъ странахъ.

„При захожденіи солнца, говоритъ Г. Кемпбелль, примѣнилъ я, что одинъ изъ нашихъ людей стоялъ неподвижно на одномъ мѣстѣ нѣсколько минушь. Когда повозки шуда подѣхали, то онъ оборотился и подошелъ къ намъ, будучи весьма встревоженъ. Разспросивъ его, мы узнали, что онъ печально вспрѣмился съ двумя львами, и что какъ онъ, такъ и звѣри, смотрѣли взаимно другъ на друга, не прогаясь съ мѣста, пока сплукъ повозокъ,

„вдущихъ по каменному краю земли, при-
 „нудиль ихъ удалился. Еспьли бы сей че-
 „ловѣкъ не имѣлъ необходимой въ шакомъ
 „случаѣ швердоспи смопрѣшь не спуская
 „глазь на сихъ люпыхъ живошныхъ, по
 „неизбѣжно содѣлался бы ихъ добычею: по-
 „ка левъ видишь, что ему смопряшь пря-
 „мо въ глаза, до шѣхъ поръ не смѣешь на-
 „пасшь. Впрочемъ сей человекъ признавал-
 „ся, что не видя еще львовъ, онъ дро-
 „жалъ.“

Сочинишель изображаетъ природныхъ жи-
 шелей какъ бы въ нѣкошорой первобыш-
 ной невинности. Въ одномъ изъ сихъ селе-
 ній, казалось, что они сосшавляли одно се-
 мейштво. Огромный горшокъ съ мясомъ ква-
 шаса споялъ на огнѣ и гошовидся къ об-
 щему обѣду всѣхъ жишелей. Селиштра и
 морская соль во множешвѣ разѣяны шамъ
 на земной поверхности. Въ окрешностиахъ
 шого селенія, о кошоромъ мы здѣсь гово-
 рили, земля бѣлѣлась ошъ оныхъ, а мѣшпами
 была покрыпа на цѣлой вершокъ; вода
 однакожь не была солена.

Посѣщая Бошименовъ, Г. Кемпбелль за-
 шѣшилъ, что они весьма радовались, видя

*

ласки его къ ихъ дѣшамъ. Они плясали вокругъ огня, а женщины пѣли, хлопая въ ладъ руками, подобно Лапшкакусамъ. Тѣло-движенія ихъ во время пляски весьма странны и какъ будто бы выдуманы для внушенія ужаса. Впрочемъ сей народъ никогда не слыхалъ о Европѣ и жилъ благополучно при всемъ своемъ невѣжествѣ. Около двенадцати женщинъ вырывали душистые коренья, копорые онѣ шолкутъ и смѣшавъ съ жиромъ, мажутъ себѣ шѣло, какъ бы благоуханными маслами.

Дорогою наши путешественники, занимаясь охошою иногда болѣе, иногда менѣе, убили наконецъ камелопарда. Переднія ноги сего огромнаго четвероногаго были около шести фушовъ длиною, шакъ что большая лошадь могла бы пройти подъ его брюхомъ; отъ копытъ до верхушки головы было 18 фушовъ. (*)

Народъ, у котораго находились тогда наши путешественники Миссіонеры, называлъ

(*) Англійскій футъ въ сравненіи съ Парижскимъ содержится почти какъ 15: 16. — 18 фушовъ Англійскихъ составляютъ 14 Фушовъ 9 линей Парижскихъ.

ся сперва Басшардами. Но когда имъ дали выразумѣшь, что сіе имя имѣеть нехорошее значеніе (*), то они согласились называться Гриквасами, по имени одного изъ своихъ предковъ. Имъ данъ нѣкошорый родъ уложенія, сходственный съ Англійскими законами, по кошорому смершоубійство наказываеця смертною казнію, а воровство по соразмѣрности преступленія. Избраны девять Судей и учреждено высшее судилище, въ кошоромъ присуствовали также и Миссіонеры, основавшіе тамъ жителство. Народонаселеніе Гриквасовъ, вмѣстѣ съ нѣкошорымъ числомъ Кораннасовъ, съ ними смѣшавшихся, состоишь изъ 2607 душъ.

Доспигнувши до двухъ Караннаскихъ селеній, весьма опдаленныхъ отъ упоминаемыхъ выше сего, путешественники узнали отъ жителей, что далѣе къ сѣверу находится мѣста почти ненаселенныя и безплодныя. Въ самомъ дѣлѣ, цѣлые шесть мѣсяцевъ не было тамъ дождя, и земля совершенно превратилась въ пыль.

*) *Bastard*, какъ извѣстно, значитъ незаконно-рожденный.

Въ сихъ-шо сшепныхъ мѣсцахъ напала на Г. Кемпбелля и шоварищей его шолько вооруженныхъ Бошименовъ, которые дожидались шолько насшупленія ночи; одинъ изъ нихъ, пущивъ напишанную ядомъ спрѣлу, ранилъ въ шею почти самага сильнаго изъ проводниковъ. Несчастный прибѣжалъ къ своимъ шоварищамъ и просилъ ихъ вырвать роковую спрѣлу; но она переломилась и два опломка ошались въ ранѣ, шакъ чшо должно было вынимать ихъ шиломъ. Съ величайшею швердосшію перенесъ онъ сію жестокую операцію. Между шѣмъ Бошимены были ошражены и прогнаны; у нихъ взяли обратшо быковъ, коихъ они захватили, но раненный ими Голшенпошъ не перенесъ ужасной силы яда. Г. Кемпбелль описываетъ смерть его шакимъ образомъ: „Мы упош-
 „ребляли всѣ средшва, чшобы его спасти;
 „дѣлали нарѣзы около его раны и старались
 „ушолить боль его нашашырнымъ спиртомъ
 „и опиемъ; но онъ провелъ цѣлую ночь въ
 „шпенаніяхъ, а на другой день въ половинѣ
 „вшпораго часа шакъ жестоко спрадалъ,
 „чшо мы принуждены были ошпановишь-
 „ся у подошвы одной горы и положишь его

„подъ куспомъ, опколѣ онъ уже и не под-
 „нимался. Всѣ члены у него разпухли, а бо-
 „лѣе всего голова и шея. По словамъ его,
 „онъ чувствовалъ, что ядъ разливался въ
 „соснавахъ его даже до ножныхъ пальцевъ,
 „а пошомъ снова поднимался; шѣло неща-
 „сшнаго видимо пухнуло. Онъ безпрестан-
 „но мешадся, шосковалъ и часпо ворочался
 „къ землѣ лицомъ, призывая имя Иисуса
 „Христа; ему казалось, что вся сила яда
 „совокупилась въ одной щекѣ, почему онъ
 „просилъ отпрѣзать у него сію щеку; но
 „мы не хотѣли сего сдѣлать, ибо знали,
 „что все шѣло равномѣрно было заражено.
 „Находившіеся при насъ усмиренные Боши-
 „мены съ самаго ушра сказали намъ, что
 „онъ умрець при захожденіи солнца: это
 „дѣйствительно и сбылось. Не лзя было
 „видѣть шѣла его безъ содроганія; ужасная
 „опухоль совершенно его обезобразила; надъ
 „бровями сдѣлалась шишка величиною съ
 „гусиное лицо.“

Одно миссіонерское селеніе, называемое
 Пелла и сопредѣльное съ Намаками, описы-
 ваетъ Г. Кемпбелль, какъ самое бесплод-
 ное и малолюдное мѣсто. Почва земли по-

крыша пескомъ и по мѣстамъ селишрою, что мѣшаеть произрастѣнію. Одно обиліе воды можетъ привлечь шуда поселенцевъ. Миссіонеры шерпѣли шамъ нужду болѣе, нежели во всякомъ другомъ Африканскомъ заведеніи. Природные шамошніе обитащели живутъ шолько ошъ спадъ своихъ, кои по ушру уходящъ искащъ себѣ пици довольно далеко, а вечеромъ ошящъ возаращяющся. Никакихъ полезныхъ ремеслъ шамъ не находшся; но и нужды жшщелей весьма ограничены. Всѣ они честны и проводящъ время въ разговорахъ между собою.

Быщедъ ошшоль, пущещешвенники вспушили въ пространную песчаную штепъ. По нѣсколькихъ часахъ шещшвія, ревъ быковъ и вой собакъ, шомимыхъ жаждою, внушали въ нихъ горещшныя чувствованія. Быки, будучи освобождены ошъ ярма, вдругъ бросшлись и побѣжали во весь опоръ. Они послышали воду, кошорая и дѣйствшщельно находшлась на шомъ мѣстѣ, гдѣ они ошшановшлись; но была подѣ землею и никакъ неможно было досташъ ее. Быки спшщали повѣся голову и вшщивали въ себя влажный воздухъ, послѣ чего побѣжали въ другую

сторону, и наконецъ нашли то, чего съ
 щакую ачностію искали. „Вода, у копо-
 „рой они ошпановились, сосшояла въ двухъ
 „большихъ лужахъ. Весь скопъ бросил-
 „ся въ оныя; бараны и собаки, прибыв-
 „шіе къ берегу въ одно время, пролезли
 „подъ брюхомъ у быковъ; всѣ вмѣспѣпили
 „до пѣхъ поръ, пока доспавало воды въ
 „лужахъ. Тѣ, кои не находили мѣста, бро-
 „сались изо всей силы на другихъ, и успѣ-
 „вали шакимъ образомъ просунушь рыло въ
 „воду. Многія изъ сихъ живошныхъ выхо-
 „дили раза по два изъ воды, какъ буд-
 „шо бы напившись до сыща, и въ минушу
 „опяшь возвращались къ оной. Трудно бы-
 „ло удержашъ запряженныхъ быковъ, пока
 „успѣли сняшь съ нихъ ярмо. Какъ скоро
 „одинъ изъ нихъ былъ на свободѣ, шо бѣ-
 „жалъ къ водѣ, недожидаясь своего пова-
 „рища. 38 часовъ уже они не пили, а инье
 „можешъ бышь и болѣе, и при шомъ шянули
 „повозки по глубокому песку на разспояніи
 „90 миль. Досшойно замѣчанія, что ни одинъ
 „изъ нихъ не палъ въ сей пущынѣ.“

При возвращеніи въ колонію, путешешественники посѣщили разныя другія

заведенія, изъ коихъ большая часть была уже описана.

Многошрудное иушешествіе Г. Кемпбелля продолжалось около 9 мѣсяцевъ. Ни самъ онъ, ни поварищи его не страдали отъ споль упомишельнаго перехода. Сей почтенный Миссіонеръ заключаетъ извѣстія свои благодарственными молитвами къ Богу,

Орестъ Соловѣ.

Т А С С Ъ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Ei forse primo tra poeti dell'età sua diranno. Diede alla moderna Italia un monumento di genio col quale può essa garreggiar coll'antica. Se poi collocò in alto il suo affetto, ebb'egli ragione. Il suo cuore dovea parreggiare il suo ingegno.

Tasso. Veglia XII.

Торквато Тассъ принадлежалъ къ благородной фамилии, кошорая была отраслю древняго дома Тасси — имя, приняшее ошь нѣкошорой горы, находящейся между Коми и Бергамою. Бернардо Тассъ, дворянинъ по душѣ благородный, былъ извѣстенъ, какъ ошличный воинъ, свѣдущій Липераторъ и Поэпъ, украшенный скромностью. При сихъ достоинствахъ, будучи Авшоромъ славной

Поэмы: *Амаджил* (*) и многихъ прекраснѣйшихъ произведеній пасшущеской Поэзіи, онъ могъ въ мирѣ наслаждаться приобрѣтенною славою; но привязанность его къ сторонѣ Принца Салернскаго открыла ему неисчерпаемый источникъ бѣдсшвій. —

Санъ-Саверино, Принцъ Салернскій, принужденный оставитъ свое опечество, получилъ отъ Генриха II, Короля Французскаго позволеніе всшупитъ въ его службу. Увлеченный вліяніемъ Принца, Бернардъ за нимъ послѣдовалъ и добровольно подвергся изгнанію, кошорое вскорѣ его постигло.

Не сполько надежда на заслуженную благодарность со стороны знаменишаго своего друга, сколько собственное чувство великодушшой жершвы подкрѣпляло Бернарда, и онъ мужеспвенно перенесъ пошерю своего имвнія, кошорое шогда же было описано.

Приемъ Принцу Салернскому отъ Генриха II былъ самый леспный; но Бернардо Тассъ, несчастливецъ малозначущій неучаство-

(*) Взятая съ Испанскаго романа: *Гальскій Амаджилъ*.

валъ въ Королевскихъ щедропахъ. Оспавленный, едва замѣчаемый виновникомъ своихъ бѣдствій, всего лишенный, онъ былъ подкрѣпленъ добродѣшью, и не прежде какъ по смерти уже Санъ-Саверина, Бернардъ возвратился въ Ипалію. Онъ оспался при дворѣ Герцога Маншуанскаго и съ благодареніями владѣшеля умѣлъ заслужить и похвалы безприсрасшія. По возможности наслаждаясь щастіемъ, Бернардо просилъ о позволеніи возвратиться въ опечесство и о выдачѣ ему описаннаго имѣнія; но просьбы оспались тщешны; его не прешавали счишашъ мяшежникомъ, и вскорѣ съ новымъ ударомъ злаго рока, дошла до него вѣсть о преждевременной кончинѣ обожаемой супруги. Тогда не обращая вниманія ни на просьбы, ни на благодаренія Герцога, онъ мгновенно оспавилъ Маншуанской дворъ, дабы вмѣстѣ съ дѣшми своими, Корнеліей и Торквашо провести оспашокъ жизни.

Торквашо родился въ Соренто близъ Неаполя въ 1544 г. ошъ Бернарда Тасса и Порціи де Росси.

Вмѣстѣ съ ошцемъ своимъ осужденный на изгнаніе, юный Торквашо былъ осправ-

ленъ въ Римъ для продолженія съ успѣхомъ начатыхъ наукъ. Изъ Рима переведенъ въ Падую, гдѣ онъ учился Богословію и правамъ; успѣхи были быспрые, и по основательности и силѣ, опличавшихъ его сочиненія, онъ заслужилъ въ училищѣ лещныя названія Философа, Богослова и свѣдущаго Юрисконсульта. Превосходный во всѣхъ родахъ, Торквато предпочель важности наукъ сладость Поэзіи. На осмнадцатомъ году возраста онъ написалъ поэму: *Ринальдо*, поднесенную имъ Кардиналу Лудовику Эстѣ и напечатанную въ 1563; уже тогда можно было въ немъ предвидѣть то, чѣмъ онъ былъ въ послѣдствіи — Гомера Италіи, просвѣщеннѣйшаго человека своего времени.

Подобно нѣкоторымъ изъ Геніевъ обратившихъ на себя вниманіе Европы, Торквато былъ постоянно опвращаемъ опцемъ своимъ опш Спихопворсшва, не смопря на блеекъ его перваго опыта въ семь искусствѣ. Не извѣсно, что побуждало къ тому Бернарда: имѣлъ ли онъ въ виду трудности, не разлучныя со званіемъ писателя, или по ограниченности своего имущества

безпокоился о благосостояніи дѣшей; какъ бы шо ни было, только онъ принудилъ Торквашо продолжашь первыя его занятія. Но подобно попоку, копорой ошъ преградъ получаешь новую силу въ быспрошѣ своей и разрушаешь оплопы, Торквашо воспрощивилъ ошцу, ошклонилъ просьбы всего семейства, уничтожилъ всѣ препяшсвія и сдѣлался нѣкопорымъ образомъ споль же совершеннымъ, сколько неподражаемымъ.

Любя спрасшно Гомера, Торквашо рѣшилъ быть соперникомъ его въ славѣ: *Илиада* произвела *Освобожденный Иерусалимъ*. *Аминтѣ*, оригинальное сочиненіе засшавило всѣхъ съ воспоргомъ удивляшьяся и величественной спройности Иерусалима и очаровательности сего Аминша, споль милаго и прогашельнаго. *Вѣрный пастухѣ* Гваринія, *Циросская Филида* Бонареллія и еще нѣкоторыя паспушескія шворенія были шакже замѣчены, но сверхъ позднѣйшаго ихъ появленія, подражаніе явно, и *Аминтѣ* славился сугубымъ преимущесшвомъ: онъ явился первымъ и ошстался единственнымъ.

Изыскивая главныя спрасши Тасса, легко замѣнишь въ Іерусалимѣ шу жажду безсмертія, кошорая его сполько возвысила; а въ Аминшѣ его непобѣдимую спрасшь къ Елеорѣ Эспѣ, спрасшь споль живыми красками выраженную въ главномъ лицѣ сего шворенія.

Опѣ природы важный и меланхолическій, Тассъ преврапился наконецъ въ челоуѣка ирачнаго и опчаяннаго; почши вмѣспѣ съ жизнію началось его бурное поприще и характеръ самъ по себѣ уже безпокойный, сдѣлался еще порывистѣе, еще неукрошимѣе.

Не спарѣе осми лѣпѣ Тассъ позналъ изгнаніе; его водили по Университетамъ изъ одного мѣста въ другое, прошивились его наклонносшямъ; поэпѣ подѣ игомъ Юриспруденціи, Авшоръ прошивъ воли своего семейсшва, придворный незнавшій происковъ, искашель безъ честполюбія, Тассъ ежеминушно находился въ борбѣ со счасшіемъ, и во всѣхъ предпріяшяхъ своихъ, общесшвенныхъ и домашнихъ, предсшавлялъ собою взорамъ современниковъ несчастливца, жершву кораблекрушенія: погибая въ волнахъ, онѣ борется еще съ ними, въ опчаяніи напрягаешь послѣднія силы.... Тщевныя сшга-

ранія! Изнеможенный, онъ исчезаетъ въ пучинѣ.

Жаждащій славы Тассъ, былъ ею исполненъ; заставивъ пренешать вражду и зависъ; онъ обезсмертилъ имя свое, пожертвовавъ миромъ и покоемъ, спутниками-покровителями человѣческой жизни.

Если бы не сама природа влила намъ въ душу желаніе славы, то чего бы не лзя было сказать противъ сей мучительной спраси, источникъ копорой изпоргаясь изъ сердца разпространяется на нравственное и физическое бытіе наше?

Не заслуживаешь ли также величайшаго порицанія тотъ, кто давъ полную волю своему воображенію, въ прелестнѣйшихъ видахъ рисуешь себя красору, копорой онъ очарованъ, украшаетъ свой идеаль новыми совершенствами, волнуешь свои чувства, приходишь въ воспоргъ, съ каждою минушою воспаменяешься сильнѣе, и наконецъ забывъ должное уваженіе къ самому себѣ, осмѣливаешься гласно опкрыть свое неразуміе и хвалишься слабостію? Ахъ! неоспоримо, онъ весьма виновенъ; но причиною по-

му сердечная слабость и необузданность слишком пылкаго воображенія.

Не спанемъ же обвинять Тасса въ невольной снрасши, копорой онъ содѣлался жершвою; не спанемъ его упрекать очаровашельными мечшми, копорыя привели его къ обожанію Елеоноры: Елеонора была прелесшна, блескъ и могущество окружали ее, а Тассъ любилъ и былъ поэтъ.

Его предспавили ко двору Феррарскому. Предспешвуемый славою, покровишельспвуемый Кардиналомъ Лудовикомъ Эспъ, онъ умѣлъ привязать къ себѣ дружеспвомъ Альфонса Эспъ, Герцога Феррарскаго.

Такое начало превзошло его надежды и обратило на него вниманіе и милоспи Принцессъ Лукреціи и Елеоноры Эспъ.

Принцессамъ, копорыхъ просвѣщеніе ражнялось великодушію, пріянно было поощрять Тасса. Особливо общеспиво его нравилось Елеонорѣ; она любила въ немъ и шаданшы и самаго Тасса, и съ чрезмѣрною милоспшю распочала похвалы, очаровашельныя для поэта и слишкомъ льспивыя для царедворца. Елеонора оказывала слѣное присспасіе, а Тассъ, ошъ копорого ни что

не скрывалось, вѣсто того, чтооь попу-
шипъ свой шайный пламень, предался со-
вершенно порывистой спраспи, и угожде-
ніями и усердіемъ спарался доспичь по-
сѣдней благосклонности Принцессы, слиш-
комъ чувспвипельной. Счастливья спаранія!
вы доставили ему шайное доказательство,
что онъ былъ благополучнѣйшимъ любовни-
комъ сеспры своего повелителя.

Въ упоеніи ошъ любви и счастья, Тассъ
лишился покоя; мрачныя мысли обуревали
его и онъ невольнo препешалъ ошъ нера-
венства, кошорое каждую минушу могло
его удалить и разлучить на всегда съ Елео-
норою. Пораженный сею ужасною мыслию,
Тассъ съ каждымъ днемъ спановился болѣе
задумчивъ, мраченъ, нелюдимъ. Одинъ изъ
Феррарскихъ дворянъ, родомъ Неаполишанецъ,
ошкрылъ его шайну и разгласилъ ее.

Герцогъ, узнавъ о связи Тасса съ Елеоно-
рою, въ справедливомъ негодованіи былъ еще
ешоль умѣренъ, что удовольспивовался ошос-
лашь горестнаго и несчастнаго Тасса въ
одинъ Францисканской монастырь. Съ по-
мощію нѣсколькихъ вѣрныхъ слугъ Тассъ
успѣлъ обмануть своихъ приспавовъ, наба-

вился надзора, оставилъ монастырь и удалился изъ Феррары. Разныя мѣста избиралъ онъ для своего пребыванія; вездѣ принимали его съ ошлнчїемъ, но нигдѣ не могъ онъ найсти прежняго спокойствія, спокойствія споль необходимаго въ его положеніи. Влекомъ своею склонностію, побуждаемъ частпыми письмами Елеоноры, онъ возвратился въ Феррару: но тамъ все перемѣнилось! Герцогъ принялъ его съ холодностію, запрещилъ входъ на половину Принцессъ и оказанїемъ презрѣнїя, хопя пришворнаго, онъ подвергъ его сарказмамъ царедворцевъ и низкимъ насмѣшкамъ слугъ.... Въ сшдѣ, униженный, но въ шо же время попрясаемый бѣшенствомъ и ненавистію, Тассъ въ громкихъ жалобахъ излилъ свой пыщешный гнѣвъ; онъ забылся... И Герцогъ для усмиренїя челоувѣка, котораго уважалъ и опасался, и дабы опшсшпшть за оскорбленную честь всей своей фамиліи, приказалъ его содержать въ домѣ безумныхъ. Въ семь заключенїи Тассъ потерялъ совершенно разумокъ, покой и здоровье. Слѣдующее письмо, начерпанное имъ въ минуны памяти и безумїа внушаешъ истинное участіе къ судьбѣ сего знамени-

шаго писателя и вмѣстѣ показывается въ
 полной мѣрѣ свѣдающую силу спроси его
 къ Елеонорѣ.

Тассъ Герцогу Феррарскому.

„Вѣчная слава. —

„Герцогъ Феррарскій! Тассъ, жертва гнѣ-
 „ва швоего, запертый какъ опасный сума-
 „шедшій, изъ дома безумныхъ просишь у
 „тебя правосудія и свободы.

„Герцогъ Феррарскій, великодушный Го-
 „сударь, другъ-покровитель, благоволи вспом-
 „нишь о Торквашо, о Торквашо, кошорый
 „былъ осыпанъ швоими щедрошами и пре-
 „дверпѣлъ позоръ, — шомъ самомъ Торквашо,
 „кошораго ты предпочель Аріосту, шавиль
 „выше Камоенса, призналъ за равнаго Вир-
 „гилю и съ кошорымъ ты обходишься какъ
 „съ презрительнымъ гиспріономъ, какъ съ
 „поэшомъ-наемникомъ.....

„Кровь въ жилахъ моихъ штеуцал — не
 „подлая кровь.....

„Тассъ, безъ шинловъ, безъ могущешна
 „не ешь человекъ безъизвѣстный. Тассъ
 „великъ своимъ Геніемъ.....

„Продолжай, и удержи гнѣвъ свой.....
 „Я былъ предшавленъ къ швоему двору,

„удоспоенъ ешь себя дружбою. Это зна-
 „менише покровительство послужило силь-
 „нѣйшею пищею гордоспи и честолюбію
 „моему. Альфонсъ восхищался Торквашомъ,
 „почпиль его своею милоспію, осыпаль
 „благодѣяніями и по благосклонности не-
 „поспижимой, онъ ему дозволиль видѣшь
 „Елеонору и говорить съ нею Чпо я
 „напомнилъ? Покровишедь, Государыня, это
 „воспоминанїе оскорбляещъ васъ; я васъ
 „принудиль опннать у меня ваши благодѣ-
 „лїя, лишишь меня своей довѣренности,
 „возбранншь свое присуцствие Ка-
 „райше дерзоспнаго Икара, новаго Фаесто-
 „на, карайше Я обманываю васъ: про-
 „спнше меня!

„Le pardon est d'un Dieu, la vengeance est d'un
 homme. (*)

„А вы низкіе Зоилы, судьи не имѣющіе
 „вкуса, жалкіе клеветники, для васъ каза-
 „лось мало унижать мои шворенїя: надобно
 „было описаць меня самаго Государю, подпо-
 „рѣ мой, челоукомъ безнравшвеннымъ.

(*) Прощаешь божество, а свойство смертныхъ—
 мщенье!

„Герцогъ Феррарскій! я презрѣлъ бы по-
 добными обвинителями, если бы вѣро-
 ломство друга не подкрѣпило злобы ихъ:
 „другъ, коль эшо слово еще необходимо къ
 „его названію, другъ видѣлъ грусть мою;
 „подозрѣлъ въ ней шайну и вознамѣрился
 „узнатьъ ее изъ успъ моихъ, или выманивъ
 „у моего сердца. Живѣйшія просьбы, силь-
 „нѣйшія происки, искусство, докучливостъ
 „онъ употребилъ все: я былъ непоколе-
 „бимъ Низкая душа! видя мою швер-
 „дностъ, онъ грозилъ себѣ гибелью, въ гла-
 „захъ моихъ поразилъ себя и въ грусти
 „обливаясь слезами и кровію, палъ ко мнѣ
 „на руки Я болѣе не прошивился, при-
 „жалъ друга къ груди своей и удовлетво-
 „рилъ его любопытству Нѣтъ, онъ по-
 „хищилъ мою шайну!

„Герцогъ Феррарскій! одни уста откры-
 „лись къ моей гибели, а сто успъ спара-
 „лись обмануть тебя. Ихъ извѣщилъ вѣ-
 „роломный другъ мой, а тебя увѣрили, буд-
 „шо бы Тассъ былъ споль низокъ, споль
 „легкомыслень, что самъ рассказывалъ не-
 „скромнымъ о своей любви, надеждахъ и
 „предпріятіяхъ И Альфонсъ, вмѣсто

„того, чтобы отвергнувъ ложныя вѣсти,
 „вмѣсто достойнаго мнѣнія о человѣкѣ,
 „который въ такое время кровію измѣнни-
 „ка омылъ оскорбленное дружество, Аль-
 „фонсъ его винишь, осуждаешь и предаешь
 „заключенію, не вникая, виновенъ ли Тассъ
 „въ любви своей и справедливо ли обвиня-
 „юшь его въ нескромности?

„Долженъ ли былъ Альфонсъ Феррарскій
 „узнатьъ чрезъ свою опрометчивость, сколь
 „слабо человѣкъ противился спрашамъ, его
 „обуревающимъ?

„Склони на время вниманіе къ словамъ
 „моимъ и воздержи свои порывы.

„Сколь прелестенъ былъ день, когда я
 „въ первый разъ увидѣлъ Елеонору! Подобно
 „сему прелестному дню, Елеонора предша-
 „вляла собою Природу милую и шрогашель-
 „ную.

„Она сіяла прилпнностью и величіемъ, и
 „для смертныхъ внимательныхъ, Елеонора
 „была прекраснѣйшимъ произведеніемъ Твор-
 „ческой силы.

„Изъ блестящихъ глазъ ея лился пла-
 „мень, подобный пламени солнца По-

„добный? . . . я ошибаюсь: солнце согрѣваетъ
 „землю, но не сожигаетъ ее.

„Пораженный изумленіемъ, я успремилъ
 „взоры на божество свое; ее только видѣлъ
 „я и былъ ослѣпленъ. . . . Сила непонятная,
 „могущественная, непобѣдимая влекла меня
 „къ Елеонорѣ, но адскіе взоры царедворцевъ
 „оковали шаги мои.

„Предавшись совершенно восторгу, я
 „сдѣлался неподвижнымъ; прервался ходъ
 „мыслей моихъ; холодный потъ выступилъ
 „на челѣ и омывалъ лице мое. Казалось, я
 „готовъ былъ разрушиться. Толпа, почпи-
 „тельно удаляясь, указывала мнѣ ославить
 „мѣсто мое. Уже дерзкія руки гошовились
 „овладѣть мною; но въ ту минушу Прин-
 „цесса, къ ногамъ кошорой я невольнымъ
 „образомъ готовъ былъ упасъ, подала мнѣ
 „спасительную помощь. Великій Боже! Пе-
 „руны швои не быспрѣ дѣйствуютъ: при-
 „косновеніе Елеоноры возвратило мнѣ жизнь;
 „я взглянулъ на своего Спасителя, и уви-
 „дѣлъ въ глазахъ ея, успремленныхъ на мои,
 „выраженіе раждающагося, но сильнѣе обык-
 „новеннаго, проспаго участія. Расперяв-
 „шись отъ такой милоспи, я опвернулся

„проговорилъ: Торквато, ты будешь зло-
„получень!

„Мнѣ неизвѣстно, какое впечатлѣніе
„произвелъ эпизодъ случай; я удалился на
„время, неся спрѣлу въ сердце мое; я-
„ва ежеминутно спановилась мучительнѣе.

„Если любовь доставляетъ наслажде-
„нія, если ею развертываются, если
„черезъ нее множатся нѣжныя чувствованія,
„то сколь она пагубна любовникамъ, кошо-
„рыхъ разлучаютъ людскія приличія!

„Мигъ одинъ насладился я счастьемъ, мигъ
„будешь опшправляешь цѣлую жизнь мою....
„И эта будущность меня возмущаетъ, и мнѣ
„предполагаетъ блаженство человѣка поспо-
„яннымъ, когда въ небѣ кроются бури? —
„Нѣтъ, нѣтъ; сносишь и погибнуть подъ
„бременемъ, вопль общая участь: шаква
„будешь и моя. Я не ропщу на шо. Долго я
„наслаждался; завидно было мое положеніе:
„я не ропщу..... Но, о Герцогъ, шибѣ
„ли было присоединяешь власшь свою къ
„воплю моихъ злодѣевъ? Тебѣ ли было под-
„крѣпляешь ихъ бѣдшвенные замыслы? Имѣя
„въ виду лишь гордость рода своего, шибѣ

„ли было? Я обвиняю тебя Оп-
 „вѣпшуй!

„Для шого ли разгласилъ ты любовь мою,
 „чтобы покрышь ее вѣчнымъ поношеніемъ?

„Для пониженія ли полеша славы моей
 „обвиняешь ты меня въ замысль достиг-
 „нуть родства твоего?

„Для преграды ли поприща моего въ сло-
 „весности, ты меня выдалъ предъ всѣми
 „за безумнаго ?

„Поняшь тебя не шрудно, жестокій! Ты
 „не столько стараешься попушишь спрашшь
 „мою, сколько погрузишь меня въ шраданіе.

„Ты хочешь помрачить славу мою; шер-
 „зайся; мое имя переживешь меня. Помом-
 „шво, спрогой цѣнишель ожидаешь для
 „возвышенія ихъ шворенія Тассовы; пре-
 „пещи: обо мнѣ будущъ говоришь шогда,
 „когда Герцогъ Феррарскій и враги мои
 „будущъ шракомъ.

„Бойся грозной будущности, кошорую
 „отшкрываетъ тебѣ мое негодованіе.

„Спрашисъ бышь славнымъ лишь мою
 „ненавистію!

„Ахъ! лучше будь снова моимъ другомъ,
и позднѣйшія времена засвидѣтельствуютъ
неразлучность Альфонса и Торквато.

„Но я заблуждаюсь! ты желаешь гибели
моей, ты меня оставилъ, ты гнушаешься
мною, ты вѣришь разспроисву моихъ мы-
слей Ты долженъ шому вѣришь: раз-
спроисво сіе существуетъ; но я безу-
менъ шолько любовію, и любовь поддержи-
ваетъ мое безпамятство, шолько для шого,
шобы Елеонору содѣлать безсмертною.

„Суди объ моемъ забвеніи, вѣдай поло-
женіе мое, смотри люблю ли я, восхищай-
ся моимъ безпамятствомъ, восхищайся . . .
„Оно водить перомъ моимъ Боги!
„Вотъ Елеонора Вотъ она Она
„блѣднѣетъ Это ошъ волненія ду-
ши: нельзя спокойно видѣть любовника въ
„безпамятствѣ Но Елеонора прибли-
„жаешься Видишь ли, какъ она проспи-
„раетъ ко мнѣ руки свои? шихо шепчуть
„успа ея Слушай, я едва дышу: Тор-
„квато, ты будешь злополученъ! Елеонора,
„къ чему повшоряешь слова мои? Она
„плачетъ Она колеблется Или
„мнѣ видѣть ея паденіе? Спражъ,

„отвори двери моей шемницы; отвори, пу-
 „спи меня на помощь къ Елеонорѣ
 „Она одна О моя Елеонора Моя
 „Елеонора И шакъ ты моя? . . . Она
 „со мною? . . . Какъ! я могу на божешвен-
 „ныхъ ея устахъ сбирашь сладость ея ды-
 „ханія! могу изсохшими руками своими
 „сжимаешь ея прелестныя руки, прижашь
 „ихъ къ моему бьющемуся сердцу, положишь
 „на мою старающую голову Я могу на-
 „званъ Елеонору моею супругою, обожае-
 „мою супругою Но она бѣжитъ Она
 „меня покидаешь . . . Она оставяетъ меня
 „одного съ моимъ опчаяніемъ Жен-
 „щина легкомысленная, ненавистное шво-
 „реніе, съ сосудомъ блаженства въ рукахъ
 „предспала ты предъ меня; жаждущій сча-
 „стія, я спѣшилъ овладѣть имъ, ты усту-
 „пила; я пилъ, хотѣлъ возвращишь сосудъ,
 „но почувствовавъ оправу, разбилъ его
 „На гибель мою явилась ты; открылась,
 „чтобъ прельстишь меня, покинушь и по-
 „бѣгомъ своимъ нанесши мнѣ смерть
 „Но я снова вижу себя Ты мнѣ ка-
 „жешься еще прекраснѣе Какъ ты ла-
 „скова! какъ ты мнѣ улыбаешься! Что

„эпо? ты мнѣ подаешь мой Іерусалимъ?...
 „Подай!... Чшобъ бышь достойнымъ ше-
 „бя, ему бы должно бышь совершеннымъ;
 „тебѣ обязанъ я всѣмъ прогашельнымъ
 „въ моей пошѣ, всѣмъ величественнымъ,
 „изящнымъ; добродѣтели швои произвели
 „непорочную Софронію, любви швоей обя-
 „занъ я Герминіей, сшоль нѣжной и со-
 „спрадашельной, благородшву спрогой ду-
 „ши швоей Клориндою; но болѣе всего обя-
 „занъ я швоей очаровашельности: по ней об-
 „разована Армида.... Опяшь исчезла!...
 „Елеонора, я шебя любилъ, я на все бы
 „рѣшился, чшобъ сдѣлашь шебя достой-
 „нымъ, чшобъ заслужишь шебя, чшобы со-
 „спавишь швое счасшіе; но еспшли должно
 „жишь безъ надежды обладать шобою, шо
 „лучше я хочу пошеряшь шебя совершен-
 „но.... Елеонора, я жилъ безсмысленнымъ,
 „умру шеперь челоувкомъ

„Кровь, кошорую ты видишь на письмѣ
 „моемъ, о Альфонсъ, эпо кровь Торква-
 „нто.... Читай еще, ты будешь доволенъ
 „продолженіемъ.

„Лишенному убившвенныхъ орудій, мнѣ
 „оснавались спѣны моей шемницы: они

„приняли мою распроенную голову; но
 „вместо смерти я нашла одно спраданіе.
 „Упавъ съ раскрытымъ черепомъ, я вскорѣ
 „опяшь поднялся, сильно повшорялъ удары;
 „наконецъ не могъ болѣе продолжашь. Мой
 „спражъ, приведенный благодѣшельнымъ
 „учаспіемъ, нашла меня въ борьбѣ съ ос-
 „пашкомъ жизни; въ этомъ человекѣ былъ
 „шолько видъ его званія; онъ безкорыстно
 „прилагалъ обо мнѣ усерднѣйшія спаранія;
 „бывъ соспрадашельнымъ, онъ умѣлъ оп-
 „личить истинную скорбь мою, входилъ въ
 „мои предпріяшя, ласкалъ мои мечшы, ус-
 „покоивалъ мое бѣшенство и упошребилъ
 „все для облегченія моихъ спраданій....
 „Альфонсъ! вошь истинный другъ, и ему
 „обязанъ я не шолько признашельностію, не
 „и сильнѣйшею увѣренностію, что не въ
 „пышныхъ изъявленіяхъ, а въ привержен-
 „ности сосшощъ доказашельство истин-
 „ной дружбы.

„Прости: изображеніе добраго сердца нѣ-
 „сколько ушншаешь мои ужасныя мученія.“

Это письмо возбудило жалость въ душѣ
 Альфонса, онъ пролил слезы о спраданіи
 несчастнаго друга своего, велѣлъ возвра-

дать ему свободу и предложить благодарія; Тассъ ихъ отвергнулъ.

Проведя семь лѣтъ въ больницѣ Св. Анны, онъ не хотѣлъ уже болѣе оспаваться въ Феррарѣ, проѣхалъ всю Италію; но нигдѣ не могъ быть счастливъ.

Его жалкое положеніе, изнеможенные силы и мрачная шоска не позволяли ему болѣе надѣяться ясныхъ дней; онъ влачилъ жизнь въ забвеніи славы своей, изпаевалъ въ печали, какъ Климентъ VIII и племянникъ его Кардиналь Сенсъ Жоржъ обратили на него вниманіе, обнадеживъ въ своемъ покровительствѣ и дружбѣ. Они привлекли его въ Римъ и по обѣщанію своему, осыпали дарами и почестями; имъ удалось наконецъ нѣжнѣйшими ласками успокоить недовѣрчивость своего злополучнаго гостя.

Рѣже вспоминая прошедшее, успокоенный на степь будущаго, Тассъ снова занялся сочиненіями, окончилъ свою трагедію *Торизмонда*, исправилъ поэму: *Сотвореніе міра*, составилъ планъ еще двухъ поемъ.... Но его спираданія возобновились, онъ предчувствовалъ и все предвѣщало его склоненіе ко гробу. Соболезнуя о его изнеможеніи,

достоинные покровители желали ободрить его почестями, кошорыя за спо льшь до того получилъ Пепрарка; объявляя о томъ Тассу, Климентъ VIII. произнесъ слѣдующія лестныя для него слова: „Тассъ, вы полу-
 „чите вънокъ: онъ сполько же украсился
 „вами, сколько до сего времени украсалъ про-
 „чихъ собою.“— Я не желаю его, опивчалъ
 Тассъ; онъ оправиль послѣдніе дни Пеп-
 рарка, и коль мяшежна была жизнь моя,
 шо пусшь покрайней мѣрѣ будешь спо-
 койна моя кончина. Я уже не забочусь
 о щещной извѣстности и уклоняюсь сла-
 вы; хочу жить въ кругу друзей и посвя-
 тивъ имъ малой ошашокъ дней моихъ, я
 безъ спраха и надежды оспавлю современ-
 никамъ память свою, а шворенія попом-
 спву. — Мѣспомъ вѣнчанія была избрана Ка-
 ницолія, но болѣзнь Кардинала С. Жор-
 жа замедлила оное; въ эшо время Тассъ
 умеръ скороспшижно; вѣнецъ, назначен-
 ный сіяшь на чель Поша, украсалъ гробъ
 его.

Такъ кончилъ дни свои Тассъ, щакъ по-
 гибъ пятидесяти льшь жершвою своей

спрасни шопъ, кому бы она должна была
доснавить блаженство, если бы краемъ
всѣхъ необузданныхъ спрасней не была пу-
чина гибели, куда рано или поздно, съ мень-
шимъ или большимъ блескомъ, онѣ повер-
гають существа, имъ подвластныя.

Со — нб.

КАВИТУ и ТУНГИЛЬБИ.

ТУНГУЗСКАЯ ПОВѢСТЬ.

Полная, багровая луна освѣщала картину празднества Тунгусовъ. Дикіе вопли ихъ раздавались въ горахъ окрестныхъ, густой дымъ вился отъ множества разложенныхъ огней. Кавишу, юный Тунгусъ, лишенный на зарѣ дней своихъ родителей, ничего не оставившихъ ему, кромѣ бѣдности и чувствительнаго сердца, юный Кавишу сидѣлъ уединенно на скалѣ горы и смотрѣлъ съ уныніемъ на веселыя пляски. Коспанный лукъ, вѣрный другъ сираго, лежалъ близъ него; взоры Кавишу блуждали между огнями. Ахъ! они искали Тунгильбу, нѣжную, чувствительную Тунгильбу. Тихій вздохъ колебалъ грудь юноши; онъ хотѣлъ выразить чувства свои — и шомный голосъ его раздается въ шшинѣ вечера:

*

Тунгильби, милая Тунгильби!
 Ты пьешь веселіе рѣкой.
 А я? — а Кавиту? — спрадаешь!
 А Кавиту — одинъ съ шоской!...

*

Но можешь быть... увы! напрасно!
 Напрасно сердце: хочешь льстишь....
 Нещасный, плачь! какая дѣва
 Захочешь бѣднаго любишь?...

*

Ты о любви моей не знаешь,
 Тунгильби!.. можешь быть, другой
 Съ побоемъ счастье вкушаетъ;
 Быть можешь, онъ любимъ шобой!

*

А я? увы! всю грудь сѣдаетъ
 Жестока скорбь, и лукъ ужъ мнѣ
 Отрады больше не приноситъ....
 Тунгильби!.. радость вся въ тебѣ!...

*

Куда спремить стопы? — не знаю!
 Тунгильби! какъ забудь себя?..
 По всюду образъ твой встрѣчаю;
 Умру, прелестную любя!

*

Онъ умолкъ и погрузился въ задумчивость... О! какъ несчастливъ юноша, любящій безъ надежды! — Уже луна спояла прямо надъ его головою, огни пошухли, веселые клики умолкли, все было тихо; лишь шолько лай псовъ пробуждалъ спящее эхо окрестностей. Вся природа покоилась, одинъ Кавишу бесѣдовалъ съ своею любовію, одинъ Кавишу забывалъ объ успокоеніи. Иногда обманчивые луни надежды веселили сердце его, но единая мысль о гордомъ Танги, братѣ Тунгильби, разрушала очарованіе! Онъ видѣлъ въ немъ врага своего: искусство спрѣлять изъ лука, кошорое приобрѣлъ съ малолѣтства Танги, содѣлало его извѣстнымъ; но явился Кавишу — и слава Танги перешла къ крошечному, чистосердечному юношѣ; съ тѣхъ поръ мспишельное сердце брата Тунгильби всегда искало его погибели.

Кавишу все еще сидѣлъ; черныя тучи поднимались съ воспока, молнія извивалась въ нѣдрахъ ихъ, глухой громъ едва досягалъ слуха его. Наконецъ онъ вспавъ, взялъ со вздохомъ лукъ свой и медленно сходилъ въ долину. Вдругъ голосъ Тунгильби его осшанавливаетъ; онъ осшашривается — ■

вообразить удивленіе юноши! въ недалъномъ разстояніи онъ видитъ свою любезную; она сползла на колѣняхъ на могилъ матери своей; онъ слышитъ имя свое, сердце его воспламеняется; онъ лепитъ къ ней. — „Кавиту!“ вскричала изумленная — и пала въ его объятія. — Ахъ! если я необманываюсь, говоритъ юноша, если я необманываюсь, что ты меня любишь... то я счастливъ, счастливъ даже въ своей бѣдности! Тунгильби! рѣши участь мою; одно слово содѣлаетъ меня блаженнымъ, одно слово потрутитъ меня въ спраданія!... „Несчастный юноша! говорила дрожащимъ голосомъ Тунгильби, я люблю себя, люблю болѣе жизни; но скажи, къ чему послужитъ взаимная любовь наша? Ахъ! уже ли ты не знаешь, сколь велика къ тебѣ ненависть моего брата?“... Знаю, отвѣчалъ юноша, знаю; но оставимъ безумнаго своего брата! Тунгильби! если ты истинно любишь меня, если любовь твоя нелицемѣрна, удалимся, удалимся на всегда туда, гдѣ нога звѣроловца никогда не спускала! — Тунгильби въ молчаніи склоняла голову на грудь его. Кавиту съ сердечнымъ волненіемъ ожидала отвѣта; но вдругъ

шумъ идущаго челоуѣка заставляеть ихъ оглянувшись. Робкая Тунгильби препенещь: она узнаеть своего брата!... Онъ приближаеться, сморщивъ съ удивленіемъ — и видишь сеспру свою въ объятіяхъ похищеннаго славы своей: бѣщенство объемлетъ его. „Наконецъ! вкричалъ онъ дикимъ голосомъ, наконецъ ты мнѣ попался! А ты, пресшунная! ты не успрацилась на могилѣ матери твоей предашь любви беззаконной! завшра получишь достойное возмездіе обольстивъ твоей! завшра!“... Спрашный прескъ грома заглушилъ слова его. — Тунгильби лежала безъ чувствъ въ объятіяхъ Кавишу... Злобный хохотъ бѣгущаго Танги раздавался въ долину.

На другой день, лишь только заря озлапила врапа востока, Кавишу сидѣлъ въ убогомъ намешѣ своемъ; догорающія уголья шлѣли предъ нимъ; горестное чувство стѣсняло сердце его. — „Кавишу!“ сказалъ кто-то тихо; онъ поднялъ голову — и увидѣлъ Зайсана своего улуса, почтеннаго семидесятилѣшняго старца. „Кавишу, говорилъ онъ, я зналъ добродѣтельнаго опца твоего, люблю сына его, — и щелерь съ

горестію долженъ бытъ его судьбою. Юноша! Танги доказываетъ, что ты обольстилъ сестру его: можешь ли ты оправдаться?“ Одни Шайшаны видятъ невинность мою! — „И шакъ ты ничего не можешь предсавишь въ свое оправданіе?“ — Ничего! отвѣчалъ со вздохомъ юноша. Спарецъ шакже вздохнулъ, взялъ руку его и сказалъ; „Кавишу! ты знаешь законы наши: они повелѣвають тебѣ сразиться съ твоимъ обвинителемъ. Сами боги будутъ судить васъ, и если ты невиненъ, то они отклонятъ отъ тебя смертоносную стрѣлу прошивника! Лишь только солнце совершитъ половину пути своего весь улусть будетъ свидѣтелемъ распри вашей, ты долженъ явиться, Кавишу! Я не сомнѣваюсь въ твоей невинности, знаю добродѣтель твою и надѣюсь, что ты воспоржешествуешь!“ — Сказавъ слова сіи, спарецъ вышелъ. — Кавишу все еще сидѣлъ въ томъ же положеніи; онъ ни объ чемъ не думалъ; взоры его были неподвижны. — Какъ! сказалъ онъ наконецъ, какъ! я долженъ сразиться съ Танги, братомъ Тунгильби? увы! можешь бытъ боги захопятъ

наказать безумнаго — и я пролью кровь его кровь брата Тунгильби? Нѣшь! никогда! . . . пусть спрѣла Танги пронзишь сердце мое пусть но увь! смерть моя послужитъ мнѣ обвиненіемъ навлечетъ вѣчный позоръ на имя Тунгильби! Боги! укротите злобную ярость Танги Онъ умолкъ и съ ужаснымъ волненіемъ вышелъ изъ намета. Уже солнце во всемъ блескѣ лучей своихъ спояло на горизонтѣ. Кавипу видишь со всѣхъ сторонъ спекающіяся толпы, и ему кажешся, что только минуша осмается до часа, долженствующаго рѣшить участь его. Тысяча ужасныхъ видовъ представляеть ему воображеніе! — Онъ опять входитъ въ наметъ свой, опять выходитъ изъ него Уже солнце близко подошло къ срединѣ неба; вся долина покрылася густыми толпами. „Боги! сказалъ онъ, я предаюсь волѣ вашей!“ взявъ лукъ свой, колчанъ, и тихими шагами пошелъ въ долину. — Всѣ обраптили на него взоры свои; всѣ на него показывали. Онъ входитъ въ средину собранія. Тамъ, на возвышенномъ мѣстѣ сидѣли спарѣи улуca. Танги горделиво споялъ

предъ ними, опершись на лукъ свой. Кавишу подошелъ къ нему. — „Танги! сказала Заисанъ, ты обвиняешь Кавишу?“ — Такъ, вскричалъ злобный Танги, не давъ окончить ему рѣчь свою Такъ! онъ обольстивъ сеспирю мою: пусть судяшь насъ боги! — „Несчастный, сказалъ Кавишу, ты жаждешь крови моей, но развѣ не знаешь, что смерть моя навлечетъ безславіе сеспиръшвоей?“ Знаю, и Боги накажутъ преступницу! Она возмутила покой своей матери, она не устыдилась на гробѣ ея предаться гнуснымъ своимъ объятіямъ! — „Удержись! вскричалъ внѣ себя Кавишу, удержись! боги оправдаютъ невинность ея... ты умрешь!“ — Кидаютъ жребій, и Кавишу долженъ первый стрѣлять въ своего пропивника. Онъ съ бѣщенствомъ вынимаетъ стрѣлу изъ своего колчана, накладываетъ на лукъ, спановишся однимъ кодьномъ на землю, прицѣливается: уже стрѣла направлена прямо въ грудь Танги; всѣ ожидаютъ смерти его; но вдругъ — взоры Кавишу встрѣчаютъ Тунгильбу. Блѣдна, препенуща спюяла она и какъ бы умоляла пощадить своего брата. Кавишу смущаетъ

ся гнѣвъ его исчезаетъ рука прещептъ опускается стрѣла летитъ — и легко вонзается въ плечо Танги Кровь струится изъ раны; Танга выдергиваетъ изъ нее стрѣлу, накладываетъ на лукъ; грозно завывли рога его стрѣла взвилась — и пронзила сердце несчастнаго Кавишу. Онъ блѣднѣетъ, колеблется, упадаетъ и имя Тунгильби замираетъ на шрепещущихъ устахъ его.

Гранишный утесъ возвышался на ближайшей горѣ. Рука всеокрушающаго времени не смѣла коснуться его. Въ немъ самую природою изсѣчена была пещера. Она служила убѣжищемъ однимъ звѣрямъ, и изрѣдка, заспиженные бурей звѣроловы сокрывались въ ней. Тамъ погребли тѣло Кавишу. Часто, когда ночь покрываетъ долину. Моргуцехъ, и блѣдная луна изъ за сѣдыхъ облаковъ глядится въ струяхъ Урумонгая, когда холодный осенній вѣсперъ уныло завываетъ въ горахъ, споны Тунгильби соединяются съ воємъ его Она во мракъ пещеры, на могилѣ Кавишу бесѣдуетъ съ его тѣнью. Робкая лань, дрожа отъ холода, слушаетъ ошчаянные воп-

ли ея и боишся приближиться къ своему
убъжищу. Долго, долго спрадала несча-
стная — и наконецъ увяла подобно цвѣт-
ку весеннему.

В. Б.

СТИХОТВОРЕНІЯ

УРОКЪ ХЛОЪ.

Подъ сводомъ изъ вѣшвей лавровыхъ
 Какъ зеркало потокоъ сіялъ;
 Въ цвѣшущихъ муравахъ, шелковыхъ
 Волненья и тревогъ не зналъ;
 Укрытъ опъ вѣшровъ, гнѣва бури,
 Блещая ясностью лазури,
 Онъ мирно спалъ въ злашыхъ пескахъ:
 Долины шверди голубыя
 И звѣзды яркія, злашыя
 Сіяли въ серебряныхъ водахъ.

*

Онъ зеркаломъ служилъ природѣ,
 Спокоенъ, ясенъ, какъ шекло;
 День каждый солнце на восходѣ
 Смотрѣлось въ немъ, и въ пушь шекло....
 И съ ушренной златой зарею,
 Росистой блещущей спеземъ

Пастушка, робкою споной,
 Къ нему съ улыбкой подбѣгала;
 Невинность въ немъ себя встрѣчала
 И кланялась сама съ собой.

*

Но ахъ! въ объятіяхъ покоя
 Не долго онъ опочивалъ!
 Ручей сердитый, путь свой рою,
 Съ кремнистыхъ скалъ клубясь бѣжалъ....
 Бѣжалъ онъ съ шумомъ и стремленьемъ,
 И мутныхъ волнъ своихъ кивеньемъ
 Опустошалъ поля, луга;
 И вдругъ, по волѣ злаго рока,
 Кристального, прозрачна шокъ
 Ворвался въ мирные брега!...

*

Смутился шокъ спокойный, чистый,
 Вспревоженъ бурною волной;
 Прозрачный, зеркальный, сребристый
 Свой видъ ушрапилъ съ пишиной!
 Напрасно лилія счастлива,
 Высокимъ стеблемъ горделива,
 Склонялась зрѣть себя въ водахъ;
 Напрасно ласточки мелькали,
 Въ пошوکъ зеркала искали:
 Нѣшь блеску въ пасмурныхъ струяхъ!

*

О Хлоя! милый другъ, безцѣнный,
 Прими въ урокъ ты сей расказъ.

Сей токъ кристальный, возмущенный
Изображаетъ почто насъ! —

Теперь швой духъ спокойный, ясный,
Какъ первый вешній день прекрасный
Сіяетъ въ голубыхъ очахъ:

Но придетъ часъ, — нахлынутъ страсти,
Вспѣсняшся въ сердце грусть, налести,
И ты похонешь во слезахъ!

*

Ахъ, нѣтъ! пусть въѣкъ не угасаетъ
Веселье въ сердце и въ очахъ;

Пусть въѣкъ улыбка разцвѣтаетъ
На розовыхъ пвонкхъ устахъ!

О Хлоя! будь счастливей вѣчно

Ты можешь, полюбя сердечно

Природу, сладость простоты!

Мечны величя—отравы,

Пушь къ скукъ—свѣтскія забавы. . . .

А спроси? . . . Ахъ! спросишь ихъ ты!

О. Глинка.

ТРИ РОЗЫ ВЪ ПУСТЫНЬ.

Посреди пустынь унылыхъ,
Гдѣ сердитый шокъ шумишь,
Три цвѣтка, при розы милыхъ
Безприютный странникъ зришь.

Розы даръ ему небесный
Средь угрюмыхъ скалъ, сѣдыхъ;
Онъ красамъ обѣщъ нелестный,
Вмѣстѣ съ сердцемъ въ пошъ же мигъ!...

„Здѣсь, вѣщаешь, въ дикомъ мирѣ,
Плѣнникъ вашей красоты,
Пропую весь вѣкъ на лирѣ,
Славя дружбу и мечты.

Грозной цѣлью горь спѣсенный,
Пусть не зрю полей и нивъ:
Въ беззаботности блаженной
Съ вами другъ вашъ—и счастливъ!“

Что же смертнаго желанья?
 Что мольбы, что счастья лучь? —
 Сны крылашы, пѣнь, мечпанья,
 Блескъ огней подь мракомъ шучь!

Буря съ сѣвера завывла;
 Зашапалися лѣса;
 Ночь пустыню обложила;
 Темны, страшны небеса!

Изъ за горь уединенный
 Мѣсяць красный въ пучи вплылъ;
 Вѣсперь, лѣвникъ скаль спѣсенный,
 Возсненавъ и борь завывль!....

Что же вы, прелестны розы? —
 Странникъ, слыша бурей спонь,
 Небоишя бурь угрозы:
 Съ вами, вами счапливъ онь.

Но, ужасное мгновенье!
 Вихрь лепишь и розу рвешь:
 Вотъ другое дуновенье —
 И другой, и третей нѣшь!

Вотъ онъ въ волнахъ суровыхъ....
 — „Стой ручей! отдай мнѣ ихъ
 Гдѣ цвѣшовъ искашь мнѣ новыхъ?...
 Тонешь счастье дней моихъ!“ —

Часть VI. Кн. V.

Такъ, познавъ сей жизни грозы,
 Бѣдень, сирь и одинокъ,
 Такъ и я хотѣлъ при розы
 Вплесть въ мой шерновой вѣнокъ.

Всѣхъ алѣе — *роза-радость*,
 Всѣхъ милѣй была *любовь*
 И *надежда*, жизни сладость!
 Долголь зрѣлъ сихъ блескъ цвѣшовъ? —

Пришекли мятежны лѣпа:
Радость — вихрь страстей унесъ!
 Вошь *любовь*, — въ пустыняхъ свѣта
 Роза жизни, даръ небесъ!...

Я мечпаль, — но все минуло:
 Радость, счастье и любовь;
 Все въ *прошедшемъ* попонуло;
 Будь, *надежда*, мой покровъ!

Если жь вырвуть и надежды
 Бури жизни у меня:
 Смерть! сомкни тогда мнѣ вѣжды
 И возьми, земля, меня!

В. Глинка.

ВЕСНА НЕСЧАСТНАГО.

Съ лазурныхъ полей
 Надзвѣднаго міра,
 На крыльяхъ зефира,
 Въ одеждѣ лилей,
 Съ улыбкой слѣшла молодая Весна,
 И нѣжнымъ дыханьемъ опъ крѣпкаго сна
 Увявшу природу она возбудила,
 И землю небеснымъ лучемъ озарила.

Въ разцвѣпшихъ поляхъ
 Ручьи зашумѣли,
 И птицы воспѣли
 Въ пѣнистыхъ лѣсахъ
 Любовь и блаженство. — Долины, луга,
 И холмы, и горы, и водъ берега
 Мгновенно ковромъ изумруднымъ покрылись,
 И рѣки въ кристальныхъ струяхъ покапились.

И всюду покой,
 Невинная радость,
 Любовь, жизни сладость,
 И бѣкъ волошой

✱

Съ весной воцарились; одинъ только я,
 Не чувствуя прежняго въ сердцѣ огня,
 Печально взираю на мѣръ обновленной:
 Несчастному нѣтъ и весны во вселенной!

Ахъ! время прошло,
 Какъ волны въ печенѣи,
 И въ быспромѣ спремленѣи
 Съ собой унесло

Веселье и радость, на легкихъ крылахъ,
 Оспавя спрадальца въ тоскѣ и въ слезахъ.
 Подобно съ зарею, въ часы пробужденья,
 Какъ дымъ исчезающъ мечпы сновидѣнья!

Обманчивый гласъ
 Надежды - услады,
 Въ душѣ безъ отрады
 Умолкнулъ, угасъ.

Надежда святая! о Ангель небесъ!
 Что рано шакъ призракъ прелестный исчезъ?
 Тобою печальная жизнь украшалась,
 Съ шобою пустыня мнѣ раемъ казалась!

Ахъ! скороль пробьешь
 Мой часъ избавленья?...
 Вся горестъ мученья
 Съ нимъ вмѣстѣ пройдетъ!

Но въ мѣръ неизвѣстный со мной перейдешь
 Любовь, образъ милый, и шамъ оживешь

Надежда, надежда увидѣшься снова,
 Къ которой въ семь мѣрѣ спредся душою!

И снова красой
 Лѣса - исполины,
 Холмы и долины
 Заблещутъ съ весной!

Но пусть разцвѣтеть здѣсь младая весна:
 Меня въ лучшемъ мѣрѣ заспанеть она.
 Тамъ, тамъ вкусишь радость мой ужъ сво-
 бодный,
 Какъ фениксъ, изъ пепла опять возрожденный!

А. Кулибичъ.

Своимъ богатствомъ наслаждая
 Ужь взоръ его заранѣ веселия,
 Знакомые встрѣчая берега;
 Уже песпрѣются пригорки и луга
 Его страны родимой;
 Но вдругъ незримой
 Грозы предвѣстникъ налетѣвъ,
 Вдругъ вѣпръ ужасный засвѣдѣвъ
 И солнце ясное сокрылось;
 Мгновенно пучами все небо обложилось
 Ударилъ громъ съ небесъ, прилетѣвъ
 По сводамъ мрачнымъ раздробилъ,
 И Тирсисъ съ кораблемъ въ пучинѣ погрязся,
 Оставляя въ ней своихъ барашковъ и ягнятъ
 И все свое спяжаніе большое.

О вы, которые живя въ покой
 Довольны быть своей не можете судьбой
 Спрашитесь морей, себя имъ не вѣрятьше
 И родину свою всему предпочитайте:
 Въ ней ваше счастье, богатство и покой!

Ал. Дурстъ.

Д Ъ Л А С Т О Ч К И .

Б а с н я .

Две Ласточки, одна передь другою,
Хвалились пѣніемъ своимъ.

„Ну можно ли тебѣ со мною
Равняться голосомъ своимъ,
Сосѣдка дорогая?

Пришительно скажешь, пѣвица ты плохая:

Ни голосу, ни складу нѣтъ!“

— И полно хвастаться, мой свѣтъ!
Оставь хоша другихъ въ покоѣ.

Что у самой за пѣніе такое!

На мѣстѣ я своею

Съ утра бѣ до вечера молчала

И добрымъ людямъ не скучала. —

„Но что намъ спорить о пустомъ?“

Другая Ласточка сказала:

„Какъ можно о себѣ самимъ намъ говорить?

Вотъ лучше разсудишь

О нашемъ пѣнѣ

Малиновку мы позовемъ

И объ ей споемъ;

А послѣ будемъ ждашь мы ошь нее рѣшенья,

Въ комъ больше есть умѣнья.“

И такъ онѣ судьей
 Малиновку избрали,
 А сами между пѣмъ защебетали
 Наперерывъ одна передъ другой,
 И похвалы себѣ нелестной ждали.
 „Напрасно вы перекричать
 Стараешесь другъ друга,
 Опившсшвовала имъ подруга,
 По истинѣ скажашь,
 Опъ крика вашего спѣшу отсель убраться.
 Еще прибавлю я:
 Кто слышалъ соловья,
 Тотъ пѣньемъ ласпочекъ не будетъ восхи-
 щаться.“

А. Дуропъ.

Ш А Р Р А Д Ы.

1.

Безъ перваго скучна компанія друзей;
 Другое назовешь погибелью полей;
 Но первое съ другимъ когда соединится,
 То вдругъ попробовашъ желаніе родиться.

2.

Первоначальная шаррады половина
 Животнаго представитъ вамъ,
 Которое влачитъ по глыбистымъ браздамъ
 Тяжелый плугъ поселанина.
 Другая же есть слогъ, съ которымъ иногда
 Въ досадѣ чпо нибудь другому отдается,
 А цѣлое всегда
 И пѣнится, и бьется.

А. И.

Смоленскъ.

(Изъ шаррадъ, помѣщенныхъ въ 4 книжкѣ се-
 го журнала, первая значить *У-родъ*; а вто-
 рая *Су-рокъ*.)

С М Ъ С Ъ.

ШЕСТОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ ВЪ
ПЕРЕСЛАВЛѢ ЗАЛЪССКОМЪ.

Желая описать празднество, совершаемое въ Переславлѣ Залѣсскомъ въ день шестаго воскресенья послѣ пасхи, я намѣренъ разсказать напередъ о путешествіи моемъ отъ Москвы до сего города. Карпинныя окрестности великолѣпной столицы и множество памятниковъ древностей нашихъ достойно возбуждаютъ любопытство внимательныхъ странствователей. Но послѣ путешествія къ Троицѣ нашего почтеннаго Исторіографа, кладу перо мое и не смѣю описывать Алексѣевскаго, Братовщины и самой Лавры. Обращая благоговѣйный взоръ на обитель, знаменитую останками праведника, спасающаго ее и понынѣ отъ всякихъ золь, (*) обитель, украшенную богатѣйшими

(*) Въ 1771 году свирѣпствовавшая по всему посаду язва не коснулась Лавры. Въ 1812 году Наполеонъ не достигъ сего святынища.

утварями, а наче достоинствомъ мужей къ славословію святыя истины, къ пользѣ и чести опечества въ ней зрѣющихъ, я ѣхаль медленно и любовался при солнечномъ восходѣ очаровательными видами. Извивающіеся по цвѣточнымъ паствамъ ручейки, красивые холмики, усаженные рошицами, склоняли невольно духъ мой къ сладкой задумчивости. Въ близкомъ разстояніи отъ дороги встрѣмались богатыя села земледѣльцевъ и лѣпнія убѣжища доспашочныхъ помѣщиковъ. Тамъ именитое Богословское Князя Гагарина, пріятное селеніе Господъ Товаровыхъ, Е. К. Шубиной, Князя Голицына Новоселка, по сторонамъ дома Воейкова, Ярцова, нѣкоторыхъ другихъ и на большой дорогѣ слободка на Кубрѣ. Пошомъ не довѣжая до города десяти верстѣ село Макарова Глѣбовское, окруженное богатыми рощами, прекрасное по своему мѣстоположенію, обширному пруду, шестидесятилѣпному саду. Тамъ деревня Щелканка, въ которой скромные домики Гг. Коблукова и Барыкова съ плодовитыми садами. Смошря на затѣйливое устройство сихъ дачъ, кажешся, что ѣдешъ по Петергофской дорогѣ. Наконецъ, взобравшись на высоту, подобную той цѣни горѣ, копорую отъ Троицы проѣжжалъ, называемую Редриковскою и Лисавскою, пушешеспвенникъ находишь каменный крестъ, для встрѣчи Царей древлѣ устроенный. Отшолъ прощаяся съ быспрошекущими источниками, косо-

рами, пашнями, лугами, напоминающими дикою и прелестною разнообразностію своею живописную Швейцарію, онъ видитъ великолѣпное зрѣлище. Воззрѣніе на Переяславль наполнить душу самаго хладнокровнаго спранспивователя восхищительнымъ чувствомъ. Взоръ его съ высокой крупизны обтекаетъ неизмѣримый горизонтъ. Величественные монастыри Горницкій (*) и Даниловскій, одинъ противъ другаго на горахъ поставленные, и Никитскій, по ту сторону расположенный, какъ будто бы сливаясь съ церквами, въ самомъ городѣ находящимися, представляютъ Переяславль, построенный въ ущелинѣ двухъ горъ при рѣкѣ Трубежѣ, впадающей въ Клешино или Плещеево озеро, большою громадою спроеній, Амфитеатромъ расположенною, лежащею на скопищѣ водъ необозримою. Здѣсь, восхищенный удивительнымъ мѣстоположеніемъ, вспомнилъ я начало Россійскаго флота, и воскликнулъ:

О Норда Пиндарь, Ломоносовъ!
 Ты ледовитый славишь край;
 Я пѣшь дерзаю флоты Россовъ,
 Мнѣ лиру Фебову отдай.
 Пѣвецъ, рожденный въ Холмогорѣ!
 Ты мѣсто зрѣлъ на Бѣломъ морѣ,

(*) Нынѣ онъ градскій Соборомъ.

Гдѣ флотъ на подвиги дерзнулъ ;
 Я вижу днесь, зрѣлъ въ юны годы
 Плещева знамениты воды,
 Гдѣ онъ вѣтрила развернулъ.
 Я памъ дышу, гдѣ нашей славы.
 Петромъ открыта колыбель.

Лишь вѣхалъ я въ городъ, продолжительный
 звонъ колоколовъ и безчисленное спеченіе наро-
 да, возвѣспили мнѣ о началѣ поржеспвеннаго
 водосвященія на озерѣ. Изъ бывшаго градскаго
 Собора, духовенство съ крестнымъ ходомъ въ
 девять часовъ утра отправляется на рѣку
 Трубежъ, гдѣ сѣвъ на лодки плывешъ къ набе-
 режной Чепыре-десятской церкви. По совер-
 шеніи здѣсь Божественной Липургіи, садится
 въ священномъ же облаченіи съ иконами въ лод-
 ки, при пѣніи молебна и достигаетъ середины
 озера на двенадцати судахъ и болѣе. Градскій
 глава, Магистратъ, судьи, чиновники, дворяне,
 старики, женщины, всѣ съ веселымъ духомъ и
 въ богатыхъ пластьяхъ плывушъ по озеру.
 Множество пылающихъ свѣчъ, благовоніе ка-
 диль, изливающееся въ воздухъ на занимаемомъ
 проспранствѣ, при ясномъ времени въ весен-
 нюю погоду, на большомъ числѣ судовъ разно-
 образіе лицъ, одеждъ, возраста и пола людей
 производяшъ надъ чувспвами зрителя очарова-
 тельное дѣйствіе. Крестный ходъ по оконча-
 ніи водосвященія возвращается въ Соборъ, оп-

плывая тѣмъ же порядкомъ чрезъ рѣку Трубежь; а Глава Рыбацкїй и всѣ рыболовы просящъ Архимандрита, дворянъ и чиновниковъ посѣщаютъ рыбацкую приказную ихъ горницу, гдѣ угощаютъ конченою разнородною рыбою. Сельди, извѣстныя во всей Россїи и почти во всей Европѣ, не уступаютъ Голландскимъ. Озеро Переяславское, обильное рыбою и по берегамъ дичью, имѣетъ въ глубину двадцать пять сажень, въ длину десять верстъ, въ ширину восемь. Теперь слѣдуетъ сказать о времени, съ котораго началось водосвященіе на озерѣ Клещинѣ. Лѣтосчисленіе сего духовнаго обряда шрется въ древности. Истинно, что каждою весною водосвященіе и ходъ были, но только изъ малаго числа церквей на берегу Трубежа споящихъ, а не со всего города. Учрежденіе сего духовнаго празднества въ настоящемъ его великолѣпїи принадлежитъ Петру Великому, и есть лѣтосчисленіе флота Россійскаго. Сей Государь, влекомый великимъ духомъ своимъ къ обладанію водъ въ самой молодости, съ дозволенїя родительницы часто посѣщаль Переславское Плещево озеро, гдѣ благодарасудиль здѣлать начало флота и повелѣль для пребыванїя своего поставилъ на самомъ берегу онаго въ селѣ Вельковѣ *Гремячъ дворцъ*. Когда же строилель судовъ, иноспранецъ Борнспейбрантъ по приказанію Его приготовилъ два фрегата и при яхты: те Великїй Цетръ

прибывъ снова въ Переяславль купно съ матерію своею Царицею Напаліею Кириловною, изъ рода Бояръ Нарышкиныхъ, и сестрою Напаліею Алексѣевною 1692 года Маія 1 дня, случившагося въ шестое Воскресење послѣ Пасхи, забавлялся управленіемъ сего малаго, но перваго Россійскаго флота и самъ во время погруженія креста, изволилъ спрѣлать изъ пушекъ. А послѣ совершенія духовнаго обряда благоволилъ указать въ сей день бытъ ежегод-но изъ всѣхъ монастырей, соборовъ, приходскихъ церквей ходу и водосвященію на озерѣ, что и по нынѣ продолжается. Дворецъ на мысѣ Гремячъ уже не существуетъ, но что дворецъ великаго въ сравненіи съ духомъ его? Мѣсто, на коемъ онъ былъ, посвящено употребленію почтеннѣйшему. На ономъ 1803 года съ Высочайшей воли иждивеніемъ Переяславскаго дворянства и попеченіемъ бывшаго тогда Владимірскимъ Губернапоромъ Тайнаго Совѣтника Князя Ивана Михайловича Долгорукаго, извѣстнаго своими прекрасными стихотвореніями, воздвигнуто каменное зданіе, имѣющее два жилья. Въ нижнемъ находится ботикъ, оставшійся цѣлымъ. Сей истинный опецъ Россійскаго флота охраняется двумя заслуженными мореходцами. Вотъ памятникъ, предающій село Веськово безсмертію! Въ верхнемъ жильѣ одна комната, въ коей бархатный фушляръ вмѣщаетъ Указъ о сбереженіи бывшихъ

Намъ тогда судовъ, Указъ собственною рукою Петра Великаго написанный и воеводамъ Переславскимъ данный. На столъ малый монуменьшь, а на стѣнѣ портретъ создателя Россійскаго флота. Присутствуя при описанномъ священномъ обрядѣ, нельзя не вспомнить и дѣпскаго зрѣлища флота Переславскаго, дѣпскаго въ сравненіи съ безпредѣльною пользою, каковую Россія приобрѣла отъ флота своего, плавающего по неизмѣримымъ пространствамъ водъ. Такъ! благодѣянія великаго человѣка неизчислимы: Россійскій флагъ вѣетъ на Евксинѣ; Купузовы и Суворовы дерзаютъ въ Океанъ и привозятъ добычи, съвернымъ народамъ чуждыя; Рюрики и Камчатки обшекаютъ вселенную и распространяютъ кругъ просвѣщенія; но польза, отъ того происходящая, есть ли собственно польза Русскаго? Нѣтъ! усовершеніе наукъ и взаимной промышленности должно быть собственностію всѣхъ человѣковъ вообще. Холмъ Гремячъ! зданіе вмѣстилище бошика! вы пребудете свидѣтелями знаменитости Переславля Залѣскаго до позднихъ родовъ.

Графъ Хвостовъ.

АНЕКДОТЪ О СУМАРОКОВЪ.

Въ журналѣ: *Сынъ Отечества* (1818 No 49) напечатано изъ переписки Барона Гримма письмо Императрицы Екатерины II къ Трагику Сумарокову, гдѣ она съ шонкосію дѣлаешь ему замѣчаніе на счетъ неблагоприспойнаго поступка. Поэтъ поссорился съ одною актрисою и не хотѣлъ, чтобы она играла въ его Трагедіи; но Главнокомандующій въ Москвѣ желалъ видѣть піесу и актриса взошла на сцену. Сіе такъ раздражило Поэта, что онъ въ гнѣвѣ вбѣжалъ на сцену и прогналъ за кулисы театральную Царицу. Опасаясь худыхъ послѣдствій, написалъ онъ къ Екатеринѣ сіи стихи:

Екатерина, зри! проснись Елисаветъ!

Одна отъ гроба зришь, другая зришь отъ
прона;

Отъ нихъ и съ небеси мнѣ будешь оборона.

Сіе письмо, какъ справедливо замѣчаетъ Г. Переводчикъ, есть *грамата для архива Руской словесности*. Полагая, что читателямъ нашимъ приятно будетъ узнать о происшествіи, которое было послѣдствіемъ сего случая, я намѣренъ рассказать оное.

Сумароковъ, огорченный насмѣнками на его счетъ по случаю опзыва Императрицы къ Фельдмаршалу Графу Салтыкову, написалъ басню: *Кукушка*, помѣщенную послѣ въ собраніи его сочиненій. Между цѣмъ Державинъ, не будучи еще извѣстенъ на поприщѣ словесности, проѣзжая чрезъ Москву въ Казань, услышала о сей баснѣ и написалъ на Сумарокова небольшіе стихи, подъ названіемъ: *Сорока*, кошорые заключилъ такъ:

Сорока что совреть,
То все слыветъ сорочій бредъ.

Сіи стихи разпространились по городу съ подписью: Г. Д. и дошли наконецъ до Сумарокова, кошорый будучи симъ раздраженъ, употребляя все стараніе опыскаеть сочинителя. На домашнемъ театрѣ Князя Петра Михайловича Волконскаго игрывалъ молодой человекъ Гаврила Дружеруковъ, упражнявшійся въ словесности. Для Сумарокова было сего и довольно. Онъ призываетъ его къ себѣ. Молодой Лицерапоръ, почитая за честь приглашеніе знаменитаго Поэта своего вѣка, приходитъ къ нему. Сумароковъ осыпаетъ его ругательствомъ за Сапиру, и не принимая никакихъ оправданій, опшускаетъ также, какъ и встрѣпилъ.

Молодой человекъ имѣлъ благородное сердце: онъ простилъ слабость Поэту. Дружеруковъ вмѣстѣ съ нѣкошорыми Московскими Вельмо-

*

жами, участвовала въ пожертвованіи деньгами на погребеніе Сумарокова, приличное званію и славъ сего Автора, умершаго въ крайней бѣдности, и сочинила въ честь ему стихи, подъ названіемъ: *Разговоръ съ царствъ жертвѣхъ Сумарокова и Ломоносова.*

А. Р.

ПРИМЪРЪ СХОДСТВА ДРЕВНЯГО БОГЕМСКАГО НАРЪЧІЯ СЪ ДРЕВ- НИМЪ РУСКИМЪ НАРЪЧІЕМЪ.

Его Сіятельство Г. Государственный Канцлеръ Графъ Николай Петровичъ Румянцовъ поручилъ мнѣ, для сличенія съ Россійскими древними сочиненіями, разсмотрѣть древнюю Богемскую царедворскую рукопись, принадлежащую къ первой половинѣ XII столѣтія, которая не давно омыскана и напечатана въ Прагѣ сего 1819 года, съ приложеніемъ перевода на употребляемое нынѣ въ Богеміи нарѣчіе.

Въ сей рукописи заключается весьма любопытное сочиненіе подъ названіемъ: *Ярославъ*, по содержанію коего можно заключить, что сей Ярославъ былъ Руской Князь. Я не имѣлъ еще времени хорошенько разсмотрѣть сіи древности, и пошому не могу представить важнѣйшихъ предметовъ, кромѣ двухъ при семь прилагаемыхъ. Я не заботился при переводѣ ни о плавности слога, ни о красотѣ онаго; ибо желаніе мое было показать сходство двухъ дре-

дихъ языковъ; а посему и самый открьвокъ древней Богемской Словесности, я написалъ не Богемскими, но Рускими буквами.

РОЖЕ.

Ахпи роже красна роже

Цъ зиранѣ розквепла
Розквепавши помрзла
Помрзавши усвѣдла
Усвѣдевши опадла
Вецѣрь сѣдѣхъ дугосѣ-
дѣхъ

До курепѣнѣ сѣдѣхъ
Нацѣ дождаши не можехъ
Всѣ дрѣсѣги лучки сежегъ
Уснухъ снѣсемисе веснѣ

Якобы мнѣ небосце

Напвѣи руже спраша

Смексѣ златы прсте-
некъ

Смексѣ драги каменекъ

Каменекъ ненадидехъ.

Змилипкасѣ недождехъ

ЗЕЗГУЛИЦЕ.

Всырѣ поди дубецстои

На дубцы зезгулице

Закукасе заплакасе

Женѣ везди яро

Какбы ало жишко вполи

РОЗА.

Ахъ ты, роза, красна
роза!

За чѣмъ рано разцвѣла,
Разцвѣвши, померзла,
Померзши, увяла,
Увявши, опала.

Вечеръ сидѣла, долго си-
дѣла,

До пѣшуховъ сидѣла,

Дождашъ не могла,

Всю дучину сожгла.

Уснула, снилося мнѣ во
снѣ,

Какъ бы у меня бѣднень-
кой,

На правой рукѣ съ пер-
ста,

Снялася златой персте-
некъ,

Исчезъ дорогой камешекъ;

Камешекъ не нашла,

Миленькаго не дождалася.

КУКУШКА.

Въ широкомъ полѣ дубо-
чикъ споишь.

На дубочкѣ кокушечка

Закуковала, заплакала,

Что не всегда весна.

Какъ бы зрѣдо жишо въ
полѣ,

Выведи яро было!	Еслибъ всегда весна была!
Какбы зрало яблоко всадѣ	Какъ бы зрѣло яблоко въ саду,
Выведи лето было	Еслибъ всегда лѣто было!
Какбы мрзли класи вспо- зе	Какъ бы мерзли класы въ сногу,
Выведи іесень была	Еслибъ всегда осеңь была!
Какбы дѣвѣ шѣско было	Какъ бы дѣвицѣ пляжко было,
Выведи сама была.	Еслибъ всегда одна была!

Яковъ Пожарскій.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ВЫПИСКИ ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНА- ЛОВЪ.

Извѣстно, что покойный Шлецеръ показывалъ весьма глубокія познанія въ Исторіи и Литературѣ Славянскихъ народовъ вообще. Попытка его была весьма чувствительна для Германіи и Россіи. Черезъ основательное изученіе природнаго своего языка, онъ приготовился къ путешествію по восточнымъ странамъ, но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ изъ восточнаго путешественника превратился онъ въ Русскаго. Въ восьмилѣтнее пребываніе свое въ Петербургѣ научился онъ весьма хорошо Русскому языку и церковнымъ письменамъ. Его всеобщая сѣверная Исторія, опыты Русскихъ летописей, послѣднее твореніе его жизни: слѣпленный Несторъ на древле-Славянскомъ языкѣ и многія другія сочиненія, помѣщенные въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, суть плоды глубокихъ его познаній и упражненія въ Славянскомъ языкѣ. Сколько открытій по части Исторіи и словесности, могли бы мы ожидать

опъ него, сіе смѣло заключаемъ изъ нѣкоторыхъ мѣстъ его твореній, гдѣ для почтнѣйшихъ свѣденій въ языкахъ и Исторіи, онъ вызывалъ къ соучастію Австрійскихъ ученыхъ. Въ то время онъ не обрѣлъ сотрудниковъ въ своихъ занятіяхъ, но нынѣ когда науки и искусства воскресли, всѣ соединились для общаго блага — повсемственнаго просвѣщенія.

Какъ усердно умолялъ Шлецеръ въ своемъ Неспорѣ о сочиненіи Грамматики и Словаря на Сербскомъ народномъ языкѣ! Но пять лѣтъ спустя уже послѣ его смерти (1814) вышла въ Вѣнѣ первая Сербская Грамматика, сочиненная Вукомъ Стефановичемъ, и въ тоже время первая часть собранія Сербскихъ народныхъ пѣсень, которыми преимущественно богатъ сей народъ. Въ слѣдующемъ году издана была вторая часть сихъ пѣсней, въ числѣ коихъ заключаются семнадцать Эпическихъ. Третья и четвертая совершенно изгошовдены къ напечатанію.

Вуку Стефановичу вскорѣ увидя необходимость въ Сербскомъ словарѣ для совершеннаго познанія сего языка, издалъ нынѣ оный подъ названіемъ: *Сербскій Рѣчникъ*. Въ немъ заключающся сверхъ 30.000 употребительныхъ Сербскихъ словъ, поясненныхъ на Нѣмецкомъ и Латинскомъ языкахъ, любопытныя свѣдѣнія для синтаксическаго показанія и народныхъ пѣсней.

Въ началѣ помѣщено любопытное предисловіе (prologus galeatus) о нынѣшней Сербской словесности, которое хотя не понравится пѣмъ, кои вмѣсто нынѣшняго языка старающа ся воскресить Славянской, но для Сербской литературы, оно будетъ имѣть хорошія послѣдствія. За онымъ слѣдуетъ крапкая, но по части этимологической довольно полная Сербская Грамматика. Въ самомъ словарѣ помѣщено болѣе 115 статей о Сербскихъ обычаяхъ и народныхъ происшествіяхъ, подавшихъ поводъ къ пословицамъ. Все швореніе напечатано въ большую осмью долю листа. Желательно, чтобы сочиненіе сего Сербскаго литератора подвержено было здравой критикѣ и послужило многимъ какъ къ изученію сего языка, такъ и къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ письменныхъ памятникъ Сербскаго народа, сохранившихся до нашихъ временъ. Въ 4 части Вѣнскихъ Jahrbücher der Litteratur помѣщено подробное извѣстіе о Сербскомъ рѣчникѣ, и вмѣстѣ съ пѣмъ показана неосновательность примѣчаній, сдѣланныхъ на сіе сочиненіе въ 260 No *Австрійскаго Наблюдателя* нынѣшняго года. Кто бы повѣрилъ, что въ наше время спорять о помѣ, должно ли писать на мершвомъ языкѣ — Славянскомъ, или на языкѣ, нынѣ пятью милліонами жителей употребляемомъ — на Сербскомъ? (*)

(*) Г. Вуль Стефановичъ находится нынѣ въ Санктпетербургѣ и занимается переводомъ Библии на Сербскій языкъ

— Въ Лондонѣ вышла первая часть Историческаго и Біографическаго Словаря о всѣхъ Англійскихъ Писателяхъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, жившихъ съ начала XIII столѣтія до нынѣшнихъ временъ. Заключая богатые матеріалы для Исторіи просвѣщенія сего Государства, онъ можетъ сполна на ряду со многими вышедшими въ свѣтъ твореніями сего рода въ Германіи, Франціи и Польшѣ. — И мы Рускіе имѣемъ также подобный Словарь, сочиненный Преосвященнымъ Евгеніемъ, Епископомъ Псковскимъ, Лифляндскимъ и Курляндскимъ. Словарь сей въ 1812 году представленъ былъ Московскому Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ; а въ прошедшемъ году изданіемъ Его Сіятельства Графа Н. П. Румянцева, напечатаны особо двѣ части сего творенія объ однихъ только бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина Грекороссійской церкви.

— Въ Франкфуртѣ вышло въ свѣтъ новое сочиненіе: Исторія Византійской торговли до конца Крещовыхъ походовъ, сочиненная Гюльманомъ, бывшимъ Профессоромъ Исторіи во Франкфуртѣ, потомъ въ Кенигсбергѣ, а нынѣ Профессоромъ и Ректоромъ въ Бонскомъ Уни-

по препорученію здѣшняго Виблейскаго Общества. Можно надѣяться, что онъ возложенный на него трудъ совершитъ съ полезными успѣхами.

верситетъ. (*Geschichte des Byzantinischen Handels bis zum Ende der Kreuzzüge* von D. Hüllmann). Она одобряется съ большею похвалою не только для одной публики, но и для всѣхъ вообще ученыхъ и любителей Исторіи. Гюльманнъ представилъ сіе сочиненіе Геттингскому Университету и получилъ за то большую награду. Весьма удачно уподобляетъ онъ всемірную торговлю въ среднемъ вѣкѣ юношѣ, который въ нецвѣтності образуетъ нравственныя и физическія способности, но возбуждаетъ удивленіе только въ совершеннолѣтіи. Онъ раздѣляетъ Византійскую торговлю на Восточную, Западную и Сѣверную, и описываетъ караваны и разнообразныя предметы торговли въ точности, показывая глубокія свѣденія въ Исторіи.

— Архимандритъ Аноида Гази издавалъ въ Вѣнѣ на Греческомъ языкѣ ученый Журналъ, подъ названіемъ: *Меркурій*. Сіе периодическое сочиненіе содержило въ себѣ весьма многія хорошія статьи, относящіяся болѣе до Натуральной Исторіи и Физики. Нынѣ возникаетъ въ Венгріи подъ тѣмъ же именемъ Журналъ, въ которомъ между прочимъ будутъ помѣщаемы статьи, касающіяся до Исторіи и языковѣднн, подобно издававшемуся некогда въ Вѣнѣ *Греческому Телеграфу*, содержащему отборныя и уважаемыя учеными Филологическія сочиненія.

вія. Изъ Презбурга не получено еще подробнаго извѣстія, кто именно предпринимаетъ на себя таковой трудъ въ справѣ, богатой народными произшествіями и заключающей разсѣяныя оспашки многочисленныхъ племенъ Славянскихъ. Какой нестерпаемый источникъ предлежишь пому, кто съ достапочными для сего познаніями и разборчивымъ вкусомъ, вознамѣрится повѣрить уцѣлѣвшія памятники со-бытій съ нравами, языкомъ, обычаями и учрежденіями народа! Ни одна изъ Европейскихъ справъ не заключаетъ въ себѣ стола великаго соединенія племенъ народныхъ на такой маломъ пространствѣ, какъ Венгрія, въ коей почти каждое племя имѣло свои собственные письменные памятники. Дегвинъ, Прай и Фишеръ оказали большую услугу ученому свѣту въ повѣспиваніяхъ своихъ о древнѣйшихъ народахъ сей страны, обративъ также вниманіе и на языкознаніе. Не должно забыть и того, что Венгрія сопредѣльна съ землею, коей народъ, владѣя уцѣлѣвшими памятниками просвѣщенія Воспока, но ончуждаясь общаго образованія, скрываетъ присвоенныя сокровища сплн прозорливаго Европейца.

— На берегахъ рѣки Ориноко близъ Кайкара, гдѣ лѣсистая страна граничитъ съ равниною, Гумбольдтъ нашелъ вырѣзанныя на утѣсахъ изображенія солнца и различныхъ животныхъ,

но въ Льяносахъ не открылъ слѣдовъ сихъ гру-
 быхъ памятниковъ древнихъ обиташелей. Къ
 сожалѣнію мы не получили никакого извѣстія
 о томъ памятникѣ, который отправленъ былъ
 во Францію къ Графу Морепа и который по
 повѣствованію Кальма найденъ былъ Верандрие-
 ромъ во время отправленной къ берегамъ Юж-
 наго моря Экспедиціи, въ 900 миляхъ отъ Мон-
 реала въ лугахъ Канадскихъ. Сей путеше-
 ственникъ встрѣтилъ по срединѣ равнины не-
 обыкновенной величины каменная громады, воз-
 двигнутыя рукою человѣка. На одной изъ оныхъ
 видѣлъ онъ нѣкоторое начертаніе и почелъ за
 Татарскую надпись. Вааленсей полагаетъ, что
 нѣкогда образованные народы проходили чрезъ
 сію равнину. Многіе Квебекскіе Іезуиты увѣ-
 ряли Кальма, что они имѣли у себя поману-
 лую надпись. Она вырѣзана была на досчечкѣ. —
 Верандриеръ утверждаетъ также, что въ лу-
 гахъ западной Канады видѣлъ онъ на пупи сво-
 емъ длинныя борозды, воздѣланныя плугомъ.
 Другіе до него бывшіе тамъ путешественники
 подтверждали тоже самое. По мнѣнію новѣйша-
 го путешественника Гумбольдта, земледѣльче-
 скія орудія не извѣстны были кореннымъ на-
 родамъ Америки. Сверхъ того, недоспапокъ въ
 скоповодствѣ и обширное пространство, зани-
 маемое сими бороздами подтверждаютъ пред-
 положеніе, что поверхность земли единствен-

но оны сильнаго движенія воды получила споль удивительный видъ воздѣланнаго поля.

— Въ Швеціи занимаются нынѣ новымъ переводомъ Библии и молищвенника, а Новый Заветъ въ скоромъ времени приведенъ будетъ къ окончанію. По напечатаніи онаго въ 1695 году, оны не былъ съ пѣхъ поръ исправляемъ.

— Въ недавнемъ времени присланы были въ одинъ Французскій журналъ три сочиненія: онѣ касались до *Поля Убѣжища* (Champ d'Asyle) и были приняты. Первое изъ нихъ было подписано: I. N. Dignes, второе: Du-Nom, а шрестіе: Français. Читая сіи имена вмѣстѣ выходилъ: Indignes du nom Français. (Недостойные имени Французовъ).

— По вѣрному изчисленію, бальное платье одной знатной дамы въ Лондонѣ имѣло тяжести не болѣе 16 лоповъ. Такихъ дамъ Англичане называютъ обыкновенно дамами въ восемь унцій. — Сіе напоминаетъ объ одномъ каламбурѣ Маркиза Биевра. Оны спросилъ однажды: кто ѣдитъ на лошади въ одну унцію тяжести? Но какъ все собраніе не могло разрѣшить предложеннаго имъ вопроса, то оны ошѣчалъ, что это Папскій Посоль, ибо лошадь его называли: le cheval du Nonce (d'une once).

Г. . . .

ЗАПИСКИ ОБЩЕСТВА

1.

Общество получило прискорбное известіе о смерти одного изъ дѣйствительныхъ членовъ своихъ, Г. Ученаго Форшмейстера Александра Васильевича Кирѣевскаго. Онъ скончался послѣ долговременной болѣзни 2 Февраля сего года въ городѣ Махновкѣ Кіевской Губерніи. Общество, увѣдомляя читателей своего Журнала о сей потерѣ, приноситъ тѣмъ послѣднюю дань признательности ревностному члену, въ которомъ оно видѣло всегда готовность прудиться для пользы отечественной Словесности и жертвовать для блага нуждающихся собратій, коихъ онъ былъ исполненнымъ другомъ. А. В. Кирѣевскій еще не успѣлъ сдѣлаться известнымъ произведеніями своими, но онъ останется навсегда въ памяти сочленовъ, уважавшихъ его за труды, усердіе и чистую нравственность.

3.

Общество, согласно съ § 22 второй части Устава, изъявляетъ совершенную благодарность за пожертвованія, для благотворной цѣли по-

ступившія при подпискѣ на Журналь, ошь нижезвѣдующихъ особы:

- Ошь Его Королевскаго Высочества Герцога Александра Виртембергскаго 20 руб.
- Его Сиятельства, Г. Почетнаго Члена Общества, Князя Ивана Михайловича Долгорукаго 30 руб.
- Его Превосходительства, Г. Почетнаго Члена Общества Антона Антоновича Прокоповича-Аншона 50 руб.
- Его Превосходительства, Г. Генераль-Маіора Чорба 20 руб.
- Его Высокородія Александра Ивановича Рикорда 20 руб.
- Его Высокоблагородія, Г. Члена-Корреспондента Общества Степана Александровича Исакова 20 руб.
- Его Высокоблагородія Г. Члена Корреспондента Общества Карла Ивановича фонъ Гибеншала 20 руб.

Всѣ сіи деньги причислены къ суммѣ, опредѣленной на благошворенія и употребляются вмѣстѣ съ другими приношеніями, согласно съ цѣлю Общества, на вспоможеніе немущимъ ученымъ и семействамъ ихъ.

Изъ пожертвованныхъ на благошвореніе суммъ, Общество на основаніи §. 15 второй части Устава, выдало пособія нижеслѣдующимъ лицамъ:

1. Коллежскому Ассессору Н. С. Я.... у за представленный имъ переводъ выдано сто рублей. — Сверхъ того ему же, по добровольной подпискѣ; бывшими въ засѣданіи Членами собрано 52 рубля.

2. Типулярному Совѣшнику, Гравёру М. Ф.... у выдано 50 рублей. — Общество сдѣлавъ въ своей сторонѣ небольшое пособіе сему Художнику, обремененному многочисленнымъ семействомъ, котораго онъ при всемъ своемъ трудолюбіи содержать не въ состояніи, долгомъ своимъ поставяеиъ обратить вниманіе благошворительныхъ особъ на судьбу сего несчастнаго, заслуживающаго ихъ состраданіе.

П Р О З А.

ЗИНОВІЙ БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ ИЛИ ОСВОБОЖДЕННАЯ МАЛОРОССІЯ.

(Продолженіе.)

Знаменишость въ народъ Крымскомъ, общее уваженіе и всеобщая любовь спали удѣломъ Хмельницкаго. Аглаимъ изыскивалъ всѣ средства, чѣмъ доказать ему привязанность свою, и Хмельницкій, пользуясь довѣренностію сына Ханскаго, желалъ употребить ее въ пользу его же опечесства. Замѣня однажды, что Аглаимъ съ воспортомъ вспоминалъ о недавно одержанной побѣдѣ и непришворно радовался освобожденію Крыма, Зиновій говорилъ: „мало еще, очень мало сдѣлалъ Государь, кошорый умѣлъ

шолько отвратишь отъ народа мимо-шекущее бѣдшвіе, опклоня смѣло или искусно грозу неволи. Чшобъ жишь въ сердцахъ, чшобъ жишь въ испоріи, надлежишь устроишь прочное, посполянне счастье ввѣренныхъ ему Провидѣніемъ людей.“ — Въ чемъ же соспоишь сіе посполянне счастье?—воскликнулъ съ живымъ любопытствомъ Аглаимъ. — — — — — „О мой другъ!“ продолжалъ Хмельницкій: „желая навѣдашься о судьбѣ челоувѣчества, раскрой бышописанія міра. Ты увидишь, чшо общества людей съ давнихъ временъ были поприщами, на копорыхъ *своевольство* непрерывно препираешся съ *правомъ*. Голосъ Бога, отзывающійся въ священномъ гласѣ законовъ, миришь могущесшвенныхъ соперниковъ, приводя въ равновѣсіе силы каждаго.“ — Аглаимъ слушалъ внимашельно; но Хмельницкій видѣлъ ясно, чшо первоначальные законы обществъ и права челоувѣка мало еще были ему знакомы. Желая объяснить другу своему важнѣйшія истины, онъ бесѣдовалъ съ нимъ просшранно, стараясь бышь хладнокровнымъ и яснымъ. „Было, говорилъ онъ между прочимъ, было, ввѣроашно, время—Испорія не-

запомнишь его — когда люди, въ состояніи гражданского, спраншвовали по землѣ, еще ни кому не подвластной, одинъ по одному, или небольшими семействами. Полный властелинъ двухъ наслѣдственныхъ даровъ Провидѣнія: силы и свободы, человекъ, ничего не имѣлъ еще тогда собственнаго, но зато и самъ не былъ ни чьею собственностію. Бодрый, величавый, но дикій, какъ конь степей вашихъ, онъ готовъ былъ всякую минуту перзашъ свои и чуждые оковы (*)

Послѣ сего говорилъ Хмельницкій другу своему о непреодолимой пайной склонности, влекущей и связующей людей въ общества; говорилъ о первоначальномъ населеніи земли, еще необитаемой; какъ разсѣянные шаташи рыбаей и пасырей совокупились въ вѣси, и какъ мирныя вѣси, обогащенныя поргами и промысломъ, спановились городами

(*) Преданіе говоритъ, будто степные Крымскіе кони, съ дерзостію звѣрей плопоядныхъ, нападали нѣкогда на обозы, перзали зубами упряжь, все что обуздывало лошадей домашнихъ и уводили сихъ послѣднихъ съ собою въ необозримостъ степей, далеко отъ жилищъ человеческихъ.

пораженъ былъ повѣстествованіемъ спарца Ваесіана. Тому мечпались шогда гремящія бипшвами поля и грозное движеніе спроевъ: этому воображеніе предешавляло въ сей часъ спраны цвѣшуція подь благословеннымъ владычешвомъ закона и народы спенящіе въ рабспвѣ подь шяжкимъ игомъ своевольства, слѣпо правящаго судьбами миллионъ по единому внушенію спрастей своихъ. — Аглаимъ живо чувспвоваль различіе и съ жаждою испины въперяль слухъ свой въ бесѣду друга мудраго. —

Тупь раскрыль постепенно Зиновій Аглаиму всѣ шайны счаспія народнаго. Онъ совѣноваль собрапъ *старѣйшимъ* изъ всѣхъ племень для сешавленія законовъ, свойспвенныхъ духу народа и времени, а посему швердыхъ, ненарушимыхъ. — „Но чшо и въ законахъ, говориль онъ, если всякой безнаказанно попираешъ ихъ ради личныхъ своихъ выгодъ? Нѣшъ! всѣ постановленія Государспвенныя должны бышь какъ древа въ садахъ ошцовъ швоихъ: всякой можешъ поливашъ ихъ и никшо рубиль не дерзаетъ. Я хвалю, продолжалъ Хмельницкій, древній обычай вашъ производиль судъ подь опкры-

птымъ небомъ предъ очами народа, даже при большихъ дорогахъ, чѣлобъ и самый мимоходящій могъ слышать приговоръ и судить о безприсрасшн самихъ судей.... Истина не имѣеть нужды скривашься. Небо и землю призываетъ она во свидѣтели дѣйствій своихъ; но сколь не многія Государства, даже гордящіяся опличнымъ просвѣщеніемъ, могутъ похвалиться такою опкровенностію и чистотою въ дѣйствіяхъ правосудія! — Одна свобода мыслишь и говоритъ способна обнаружить зло въ сокровеннѣйшихъ улусахъ его. Свобода, разумѣется законная, благо-разумная, естъ одна изъ главнѣйшихъ составныхъ частей счастія народнаго. Она споль же необходима для Государства, какъ свѣтъ для цѣлаго мірозданія и воздухъ для земли нашей. Коснешя ли мыслишь и чувствъ — они пробуждаются съ невѣроящною быспроною, изливаются съ удивительною истиною. Осѣните ли алмазнымъ щитомъ своимъ храмы молебные — и раздоръ съ адскимъ пламенникомъ его не посмѣеть возмущать священнаго спокойствія ихъ, и шмеечю различныхъ нарѣчій воспоются хвалы единому Богу. — Коснешя ль наконецъ

благодатное дыханіе свободы ремесль и шор-
 говли—и пысячи, миллионы рукъ, медленно
 двигавшихся для пользы чуждой, весело при-
 нулся за шрудъ имъ самимъ прибышочный.
 Движеніе, дѣятельность и выгодная мѣна
 огласяшь шумомъ веселой жизни безмолвіе
 скучныхъ пустынь, и мирные шпрои кораб-
 лей забѣлюшь на синевѣ моря, неся съ со-
 бою богатства далекихъ странъ. . . . Вопль
 слабое только изображеніе блаженства на-
 роднаго при полномъ развитіи свободы, спа-
 сительной для цѣлаго Государства, благо-
 дѣтельной для каждаго гражданина, закон-
 наго участника въ общемъ благѣ своего
 ошечества.“ —

Таковыя и подобныя сей бесѣды просвѣ-
 щали умъ, облагороживали сердце и возвы-
 шали духъ Аглаима.

Между шѣмъ всѣ Ташарскія войска, обез-
 печась одержанною побѣдою, расходились въ
 жилища свои. Хмельницкій, зная сколь опас-
 но осшавляшь берега безъ надежной обо-
 роны, предложилъ въ совѣтъ Эмировъ или
 шпарѣйшинъ, что для будущей безопасности
 Крыма необходимо оградить берега его крѣ-
 постями, способными предохранить шпра-

ну ошъ внезапнаго нападенія и удержашъ стремленіе враговъ. Совѣсть сей принявъ, уважень, и шому же, кшо его подалъ, поручено усироеніе сихъ крѣпостей.

Хмельницкій, убѣжденный Эмирами и Ханомъ, съ скромною благодарностію принявъ порученіе, осмошрѣлъ берега, и руководшвуясь всѣми правилами ученія, сдѣлалъ начертаніе искусное для пвердынь необоримыхъ. Тысячи рукъ ревностно принялись за сію работу. Хмельницкій вездѣ былъ самъ, вездѣ совѣщовалъ, наспавлялъ—и все принимало совѣщы его за законъ. Послѣдніе мѣсяцы лѣта, осень и зима протекли въ успѣшныхъ шрудахъ. Уже жишели степной и каменистой полосъ Крыма смѣло могли надѣляться пасши въ мирѣ шпада свои подѣ сѣнію грозныхъ оплошовъ. Надлежало шолько обозрѣть и если нужно вооружить южную полосу полушрова, жмянуемую *счастливою*. Зиновій и Аглаимъ назначили наспушающую весну для сего обозрѣнія, и вскорѣ присушствіе ихъ шамъ сдѣлалось необходимымъ. Быспрые гонцы ошъ мирныхъ жишелей счастливаго Крыма извѣщили Хана о ихъ опасностіи. Турки, пылая мщеніемъ и

не смѣя нападавъ ошкрыпою силою, прислали въ нѣсколькихъ легкихъ судахъ Анадольскихъ разбойниковъ. Сии свирѣпые злодѣи, подобно хищнымъ волкамъ, пробѣгали изъ долины въ долину, и неся повсюду мечъ и огонь, наполняли ужасомъ обласпи южнаго Крыма. — Тотчасъ оба друга подняли знамя брани. *Бирюги* кликнули вольныхъ людей; и шолпы конныхъ и пѣшихъ полекли въ слѣдъ за Героями. Теперь — то Хмельницкій увидишь край, новый красопами, край благодащный, обильный и можетъ быть счасливѣйшій на всей земли. Едва переспупили Салгирь — и прелеснѣйшая волшебная спрана начала ошкрывашься глазамъ его, спрана, копторой онъ еще доселѣ не видываль. Теплый вѣшеръ, занявъ благоуханіе опъ горныхъ долинъ и шихо вѣя въ чувства неизъяснимую сладость, встрѣшилъ пришельцевъ; гладкія равнины, покрывшя шучною зеленью, улыбались предъ ними. Множесиво рѣчекъ съ шумною быспрошою бѣжали къ морю по разноцвѣпнымъ камениспымъ пупямъ, неся съ покорностію въ дань черной лучинѣ серебряныя воды свои. Спекловидныя озера въ шихой дремошѣ свѣщились въ зе-

лени долинъ; безчисленное множество рыбъ съ златыми, розовыми и сребристыми чешуями изпещряли поверхность ихъ; и вся сія спрана, сей волшебный садъ увѣнчивался синевою опшдаленной цѣли горь.—Но никакая кисть не сильна изобразить шѣхъ совокупныхъ красотъ дикой и вмѣстѣ предеспной природы, кошорыя предспавились изумленному Хмельницкому въ горахъ Крымскихъ. Ошкрытое море являлось пушь во всемъ необозримоъ, во всемъ грозномъ великолѣпнн своемъ. Подоблачныя горы гордились вѣнцами древнихъ снѣговъ; угрюмыя, зубчатыя скалы граниша, насупясь глядѣли въ бездонныя пропасти, и дремучіе, наклоненныя лѣса, висѣвшіе на прилѣпѣ, голшны, казалось, были упасш въ бездны сіи, ошломаясь отъ ребрь крушыхъ ушесовъ . . . Все, что можетъ бытъ дикаго и ужаснаго въ природѣ, сосшавляло здѣсь разишельное прощивуобразіе съ очаровашельною красотою веселовидныхъ долинъ, орошенныхъ шысячами гремучихъ испочниковъ, изпещренныхъ множеспвомъ цвѣшочныхъ радугъ, окуренныхъ благоуханіемъ цѣлебныхъ шравъ и ушянныхъ вѣчно-зеленѣющими роцями пло-

доносныхъ деревъ!... Спрана сія, осыпанная неизчепными дарами неба, называется *счастливою*. Жипели ея въ свободномъ правленіи, въ проспоштѣ непорочныхъ нравовъ, наслаждаются счасшіемъ, вовсе въ другихъ спранахъ неизвѣстнымъ. Въ семъ новомъ мірѣ Хмельницкій нашель новыхъ людей: онъ не видалъ ни одного лица, на кошоромъ бы спрасни или горесшъ углубили слѣды свои. Величавый видъ древнихъ Грековъ и добродушіе Ташаръ сливались на лицахъ покойныхъ жипелей счасливаго Крыма. „Мы счасливы!“ говорили Хмельницкому спарцы, у кошорыхъ и подь сѣдинами еще алѣли ланишы румянцомъ здравія: „Небо у насъ всегда свѣшло: бури, глухо воющія за горами, не дерзають возмушишь шишины долинь нашихъ. Криспальная влажностъ водопадовъ не видимо сѣшся по зеленому пуху нашихъ луговъ и придаешъ всегдашнюю свѣжесшъ долинамъ. — Самая зима, пожирающая загорныя обласши, едва емѣешъ навесши на нихъ шолько нѣкошорую блѣдностъ и легкую дремошу. Мы не видимъ зимою снѣга, а лѣшомъ пыли. Земля наша возвращаешъ спорицею посѣянное;

безчисленныя спада даряшъ насъ богатшми рунами и гуспымъ, аромашнымъ млекомъ; виноградныя лозы спруяшъ сладчайшій винный сокъ; пысячи пернашыхъ, сучая унылою пуспопою спепей, слешающа на вольный плънь въ сіи горы и ушомляющъ эхоразнозвучными пѣснями. У насъ деревья не рѣдко бывающъ покрышы плодами осени и цвѣшомъ весны. Дикія пчелы, извлекаая сладость изъ цвѣшовъ и душиспныхъ шравъ, соспавляющъ яншарный, аромашный медъ и наполняющъ имъ пуспопы деревьевъ, ошколъ расшопленный лучами спруишся онъ и окропляешъ вѣшви и лешья древесныя злашою, благоухающею росою. По истинѣ земля наша можешъ назвашся землею млека и меда. И мы сами спшраемса во всемъ добромъ, во всемъ прекрасномъ унодобляшся нашей природѣ. Нравы у насъ просшы, сердца кропки, узы брака шверды, узы дружбы ненарушшмы; ложъ почишашся здѣсь порокомъ; хищныя звѣри и злыя спшрасши не смѣющъ переходш къ намъ изъ-за горъ. У насъ юноши благоговѣющъ предъ спшрцами, спшрцы предъ Иманами. Поученія предлагашся съ крошосшю, приешшся съ

благодарностию. Достоинство и добродѣтель никогда не шепляли у насъ обиды; пресупленія мы ихъ не вѣдаемъ, а слабости охотно другъ другу прощаемъ. Мы составляемъ - народъ паспырей: миръ обитаетъ въ семействахъ нашихъ; ни мы, ни отцы наши не имѣли ссоръ и самыя древнѣя спарцы не запомнятъ, чтобы когда нибудь долины сіи обагрѣлись кровію чело-вѣка, чело-вѣкомъ же убитеннаго.

„До сихъ поръ мы знавали о войнѣ только по слуху и въ первый разъ еще изъ серповъ сковали мечи, увѣдавъ о приближеніи врага свободы. Но теперь мы несчастные дожили дней споль злополучныхъ, что въ очахъ нашихъ льется кровь чело-вѣческая и кровь spada нашихъ какъ вода проливается Слѣды злодѣевъ опустошительны. Жены наши рыдаютъ, дѣвы шепещутъ, убиты паспыри, рѣдѣютъ spada, свирѣли онѣмѣли, олшари разрушены, узы любви распоргнушы, женихи пронзены желѣзомъ и невѣсты плачутъ на могилахъ возлюбленныхъ. Наши дѣти, не зная что такое вражда, съ любовію привѣщивали враговъ, хотѣли забавляться ихъ свѣшлымъ оружіемъ,

но сіе оружіе мгновенно погружалось въ шрепещущую грудь злополучныхъ! Въ первый разъ еще кровь невинности закипѣла на цвѣпахъ мирныхъ долинъ. Кровь сія громко вопіешъ къ небу и къ вамъ о мщениі. Избавьше насъ олъгъ сихъ ужасныхъ золь. — Такъ говорили сшарцы. „Спасише! защишите насъ!“ восклицалъ весь народъ пасшырей. — Хмельницкій и Аглаимъ обѣщали испребитъ злодѣевъ и спѣшили исполнитъ обѣщы свои.

Оба предводителя, избравъ надежнѣйшихъ изъ воиновъ, успремились въ горы. Сначала мѣспа были не споль дики: долы и подгорія покрышы плодоносными кустарниками; виноградъ, кизиль, айва и черешня росли тамъ въ изобиліи. Хмельницкій предпочиталъ всему просшую черешню. Эшопъ любимый плодъ Малороссіянъ напоминалъ ему обѣ ошечесшвѣ. Съ углубленіемъ въ горы, вездѣ усугублялась дикосшь мѣспъ, вездѣ являлась природа въ ужаснѣйшемъ видѣ: намѣспо виноградныхъ лозъ и злашовидныхъ жашвъ, песпрѣвшихъ на бедрахъ скалъ, ничего не видно спало, кромѣ дикаго шерна и каменныхъ громадъ. Съдые, дремучіе шуманы, проливные дожди, море біущее въ под-

ножіе скаль, рѣки падающія съ высочайшихъ утесовъ и въ бурномъ стремленіи своемъ сдирающія съ горъ бугры, каменя, древнія дубы; глухо-воющія пропасти, вездѣ изрыпья спези и ниспроверженныя лѣса содѣлывали путь сей опважныхъ рашниковъ едва проходимымъ. Но мужество и великодушіе все превозмогаешъ. Хмельницкій былъ повсюду, гдѣ предшояла опасность: всѣхъ ободрялъ рѣчами, всѣхъ подкрѣплялъ и дивилъ примѣромъ. Ложемъ его были жестокіе гранишы; онъ опвергалъ пищу, когда воины его терпѣли голодъ и оцдалъ собственную обувь испомленному юношѣ, который не могъ итти далѣе по камнямъ обнаженнымъ шопами. Воины богошворили Хмельницкаго, Аглаимъ удивлялся ему. Вопли паспырей служили извѣщеніемъ о злодѣяхъ, копорыхъ герои неоднократно доспигая всегда поражали и наконецъ въ обширной долинѣ на берегахъ свѣшлой Эндоли послѣ упорнаго боя разбили совершенно. На возвращномъ пути Провидѣнію угодно было предшавишь Хмельницкому случай спасши жизнь своего друга съ пожертвованіемъ собственной.

Пробираясь узкими пропями среди каменных громадъ, неосторожный Аглаимъ скользиль, упадаешъ и въ одно мгновение уже крупился въ горномъ прощокъ Всъ испускающъ вопль: одинъ Хмельницкій бросаешся въ слѣдъ за другомъ, борешся съ волнами, съ смерщю и наконецъ извлекаешъ его на брегъ. Оба изранены остріемъ камней; Аглаимъ лишаешся чувствъ, но дружба и усердіе возвращили ему чувства и жизнь. — Умолчимъ о благодарности. Между щѣмъ досстигающъ опяшь благословенныхъ долинъ, гдѣ прежнее спокойствіе воспановилось.

Вокругъ смерщносныхъ копій уже вились виноградныя лозы и на щипахъ, пригошвленныхъ къ брани, кропкія машери качали дѣшей своихъ. „Ты герой и побѣдишель!“ кричали войны Хмельницкому. „Ты избавишель нашъ!“ восклицалъ благодарной народъ.

„Ты спасишель жизни моей!“ говорилъ Аглаимъ, обнимающъ своего друга. — Все благословяло Хмельницкаго, все спремилось дѣлашь его счастливымъ — и онъ не былъ счастливъ! шайная грусть объ отечествѣ

снѣдала его. О спрасшь изъ всѣхъ священ-
нѣйшая, спрасшь вдыхаемая самимъ небомъ,
любовь къ опечесшву! ты ограждаешь цар-
ства, ты блюдешь свободу ихъ, какъ зени-
цу ока, ты укореняешь народы въ предѣлахъ
положенныхъ предками и ушверженныхъ
временами Удалишься ли опъ лица зем-
наго—и все придетъ въ смяшеніе; народы
забудушь права и законы свои, посмѣюшся
мѣспамъ родины, гдѣ въ первой узрѣли
свѣтъ, гдѣ нѣжныя машери качали ихъ въ
колыбеляхъ. Съ презрѣніемъ оспавяють они
обычай и дома опцовъ своихъ, покинушь
гробы предковъ, и подобно бродящимъ спа-
дамъ, предпримушь странствіе изъ предѣла
въ предѣлъ, изъ царства въ царство
Нѣтъ, *священная!* не лишай смертныхъ не-
оцѣненныхъ благъ швоего присутствія! Жи-
ви, *о небесная!* живи вѣчно въ опечесствѣ
моемъ, да каждый Россъ шобою воспаленный,
подобно великимъ предкамъ своимъ, не у-
коснешъ принеси жизнь, имущество и всѣ
дары счастья для блага роднаго предѣла! . . .
Не вездѣ ли согрѣваетъ единое солнце?
Не вездѣ ли шипаетъ одинъ воздухъ? Опъ
чего же люди прилѣпляюшся сердцемъ къ

степямъ дикимъ, къ лѣсамъ дремучимъ, къ спранамъ, засыпаннымъ снѣгами? . . . Кшо виною чудесной привязанности сей?— Никпо, кромѣ себя, о любовь къ отечеству! Ты вселяешь въ душу неизъяснимую привязанность къ роднымъ источникамъ, къ роднымъ лѣсамъ, даже къ самымъ бесплоднымъ пещамъ отечества. Ты вселяешь неодолимое влеченіе къ родинѣ! . . . И сіе-то влеченіе, усилясь въ душѣ Хмельницкаго до степени спраси, ушвердило въ немъ рѣшимость оспавить Крымъ.

Аглаимъ проникнулъ намѣреніе друга и спарался опвратити, или по крайней мѣрѣ замедлити исполненіе онаго, надѣясь очаровать его своею дружбою и красотами Крымской природы. Въ одинъ прекрасный вечеръ вышли они на цвѣшущія долины поморія. Природа во всѣхъ разнообразностяхъ представилась глазамъ ихъ: море обьясное пишиною синѣло въ неодолимомъ проспранствѣ, злашая шѣнь вечеряющаго солнца слабо мерцала въ шомномъ колыханіи зыбей; алая заря занималась въ небѣ и опсвѣчивалась въ водахъ; разсѣяныя скалы, шемня въ видѣ развалинъ древ-

нихъ городовъ, осребренныя блескомъ луны, изображались въ зыбучемъ зеркалѣ морей. Испещренныя цвѣтами берега украшались въ разныхъ мѣстахъ разсѣянными оливковыми, миндальными, розовыми и померанцовыми рощицами. Громкое пѣніе пшницъ, раздавалось въ окрестностяхъ; благовонный меспиль и душистые мясы окуривали теплый воздухъ. Неизъяснимая сладость вливалась въ чувства вмѣстѣ съ ароматами. Хмельницкій погрузился въ безмолвное восхищеніе. Аглаимъ воспользовался минутою и говорилъ: другъ мой! не благодатна ли природа наша, не прекрасенъ ли край сей? — Ужели всѣ наслажденія его не сильны заставилишь тебя позабыть Малороссію и останешься навсегда съ нами? — „Забыть мое опечесство! развѣ ты считаешь меня сподь малодушнымъ?“ — Нѣтъ, мой великодушный другъ! но сія очаровательная прелесть мѣстъ, сіе изобиліе, сей благошворный воздухъ, сіе пѣніе разногласныхъ пернатыхъ, сіе повсемѣстное благоуханіе... Хмельницкій не далъ ему окончить и возразилъ: „Правда, здѣсь можно распаять сердцемъ и забыть о всемъ на свѣтѣ, кромѣ отца и

*

опечесства. Ничто, о Аглаимъ! не можешь сравниться съ шѣми проспыми наслажденіями, кошорыя вкушаемъ въ мѣсцахъ нашего рожденія. Другъ мой! ты не испышалъ еще гореспной разлуки съ опечесствомъ и не можешь знашь, какъ жаждеть душа сего вождельннаго свиданія, какъ сладки бывающъ для оплученнаго спруи рѣкъ, выпекающихъ изъ его опечесства, какъ любезень каждый спранникъ, облагоуханный воздухомъ его родины, какъ нѣжишь, исцѣляешь сердце вѣшеръ, дующій опъ предѣловъ родной спраны! . . . Знай, что дымъ опечесства пріятнѣе всѣхъ благоуханій въ мѣрѣ, и голосъ родины упѣшительнѣе всѣхъ сладчайшихъ гласовъ пернапыхъ и пѣвиць. Аглаимъ! вспомни еще, что я имѣю родителю, что спарець Филомаръ ожидаетъ сына своего, что можешь быть . . . кто знаетъ что безъ меня могло случиться? . . . Намъ должно разспаться; но мы оспанемъся вѣчно друзьями; я оспанусь вѣчно благодарнымъ госпепримному Крыму и екорю, скоро можешь быть, воззову его къ помощи имянемъ моего опечесства. Теперь не удержидай меня: “—Аглаимъ уважилъ непоко-

лебимостъ намѣреній друга, и поспѣшилъ съ нимъ къ ошцу.

Напрасно пресшарѣлый Ханъ предлагалъ Хмельницкому злато и сокровища; напрасно предспавлялъ, что богатства опняпыя у Турокъ принадлежатъ ему, ибо по обычаю земли всею добычею располагаетъ верховный начальникъ войскъ; онъ опказался опъ всего рѣшишельно. — „Мнѣ ничего не нужно, кромѣ вашей дружбы; а все, чѣмъ желаете наградишь лично меня, соблюдишь лучше для пользы моего опечесства. Скоро, можешь быть, воззовешь оно ко всѣмъ народамъ земли о зашищѣ правъ и свободы своей.“— Ханъ оплакалъ Хмельницкаго, какъ роднаго сына; народъ осѣпховалъ его какъ друга. Аглаимъ и нѣсколько воиновъ сопуществовали ему до самаго *Перекопа*. Они прибыли къ *Тафрѣ* въ поздний часъ ночи: все было шихо на поляхъ, только эхо вспорило шумныя крики ночныхъ пщицъ и звонкіе свиспы подземныхъ жипелей спешныхъ. Спада и пасшыри дремали; угасающіе спешные огни курились... Серебрянное сіяніе луны разшекалось по сѣдому проештранспву кovyди. Тамъ-шо надлежало имъ разешашья.

Аглаишь повель друга своего на ближайшій холмъ, положилъ руку на сердце, указаль на звѣздное небо и произнесъ: „Поняшія о вѣрѣ, обряды богослуженія различны въ народахъ; но чувспва ихъ къ Существу Верховному одинаковы: вселенная покланяешся единому Богу. Сему - по Вождю свѣшлыхъ легионовъ, сему блюспителю сей земли и сихъ небесъ поручаю шебя, другъ мой! — Клянусь Богомъ присущспвующимъ въ священныхъ мракахъ ночи и взирающимъ въ сію минупу, сквозь свѣшлый кругъ луны, на цѣлую половину земли сей, клянусь, что пребуду вѣчно, до исплѣнія послѣдней искры жизни моей, швоимъ вѣрнымъ, неизмѣннымъ другомъ!“ — Тупъ оба обнялись, зарыдали и распались на долго, а можешъ бышь и навсегда!...

Для чего убыспряешъ шпопы свои, о, пупникъ дальнихъ спранъ? Для чего пламенѣешъ шпакъ желаніемъ доспигнушьпредѣловъ родины своей? Ты мечтаешъ, что дружба и родштво, что милые сердцу швоему вспрѣшпашъ шебя, какъ прежде, опшверспыми объяшіями... Увы! завѣса невѣденія лежишь на очахъ швоихъ: непроницаема завѣса сія!... Ты не

знаешь, что въ опсушспвія швоемъ алчный гробъ разверзалъ успа свои и смерть захо-дила въ хижину швою; шы не вѣдаешь, что сладкій миръ уже нарушенъ въ жилищѣ шво-емъ, что злоба и прищѣсненія разрушили убогій швой кровь, что бурныя воды пошо-пили долину спокойспвія, что величавое древо, подъ копорымъ игралъ шы въ мла-денчеспвѣ, медленно умираеть, сломленное на корнѣ своемъ, что спранникъ не ищеть болѣе гостепріимства въ обихели добрыхъ и вѣшеръ пуспынный рыдаеть въ развалинахъ ея!.... Но слабый смершный не вѣдаеть бу-дущаго и счасливъ невѣденіемъ своимъ!...

Неописанно восхищеніе Хмельницкаго, достигшаго предѣловъ опчеспва. Съ жадноспію дышалъ онъ воздухомъ вѣю-щимъ отъ спранъ Мадороссіи. Онъ желалъ бы оспановишь, заключишь въ объапія, какъ друга, каждую бѣгущую волну Днѣпра, лобы-завшую берега его родины!... Но скоро на быспромъ Арабскомъ конѣ, подъ косашю Ташарскою буркою, достигъ онъ и самъ Ци-гирина. Чшожь вспрѣчаеть въ мѣспвахъ сво-ей родины?... Запусшѣніе!... Долина, гдѣ спшояла хижина, наполнилась водою, нивы

попонули, всѣ признаки бывшаго жилища изгладились. — Древнее печеніе рѣки *Иркаля* преграждено огромною новою площиною; и сославившееся опъ того обширное озеро попопило всѣ окрестности. — Изумленный не могъ ничего поспигнуть; онъ взглянулъ на противу-лежащій берегъ — увидѣлъ новый садъ и движеніе въ замкѣ Чаплинскаго: эпо доказывало, что вельможа сей, жившій до того времени въ Варшавѣ, возвратился въ помѣстья свои. Тайное предчувствіе осыпало мразомъ сердце его. Онъ идешь прямо къ церквѣ и къ усугубленію грусти своей едва находить одни шолько развалины ея! Далѣе на возвышенномъ холмѣ, гробъ мащери его уцѣлѣлъ — онъ приближаешся и видишь еще другую свѣжую могилу. На дикомъ камнѣ начертаны слова: „Здѣсь послѣ бурнаго дня жизни опочилъ Филомаръ“... Горестный сынъ, какъ громомъ пораженный, не могъ дочиташъ эписафим и упалъ на гробъ родителя. Обильное печеніе слезъ облегчило наконецъ спѣсненіе скорьби. Онъ пришелъ въ себя. Но куда обратишься? гдѣ преклонишь главу? гдѣ искашь изъясненій? Рѣшаешся ийти на прежнее

жилице родицелей Осмундовыхъ; находишь ихъ еще въ живыхъ. Добрые окропили пришельца горячими слезами состраданія и рассказали ему печальную исторію случившагося. — Туть узналъ Хмельницкій, что вскорѣ послѣ его Вассіянъ, по обѣщанію своему, переселился къ Филомару вмѣстѣ съ родицелями его друга, что нѣкоторое время наслаждались они покоемъ, дружбою и независимостію; но пріѣздъ изъ столицы могущаго сосѣда ихъ, Чаплинскаго, внезапно разрушилъ сіе мирное счастіе. Чаплинской, обогащая древній замокъ свой вымыслами новой роскоши, пожелалъ окружить его великолѣпными садами и облить водою. Высокомѣрный вельможа едва удостоилъ посласть къ Филомару съ пребываніемъ, чтобы уступилъ ему долину и срылъ сооруженный имъ храмъ. „Я не могу, ошвѣчалъ Филомаръ, сдвинуть храмъ Божій и перенести кости предковъ моихъ. Хижина пеперь еще мнѣ необходима; пусть повременитъ немного: я чувствую, что скоро переселюсь изъ нее въ могилу.“ Но своенравный вельможа не вытерпѣлъ: онъ приказалъ преградить шеніе рѣки — и съ злобною радостію смот

рѣдъ, какъ разлишіе водъ поглощало долину и хижину. Рабы Чаплинскаго разрушили церковь. Все ополчалось прошиву злощастнаго Филомара. Одна полько дочь Чаплинскаго со слезами умоляла опца своего пощадить мирныхъ жипелей долины. Сія прелестная дѣвица нарочно приходила утѣшать опечаленныхъ и сама приносила цѣлишельныя пишія болящему Филомару, который однакожь вскорѣ, удрученный болѣзнію и горестями, перешель къ неизмѣннымъ радостямъ. Вассильнъ, успокоивъ прахъ своего друга, возвратилсѣ въ прежнюю пущыню, гдѣ надѣялся умереть спокойнѣе въ опдаленіи опъ людей.

Сіе повѣшвованіе возмушило душу Хмельницкаго; онъ рѣшилсѣ ипши къ гордому Поляку и поспавить мечъ судіею между имъ и собою. Родители Осмундовы не могли опклонишь его опъ смѣлаго предпріятія. Съ полною надеждою на Провидѣніе и съ чувстввомъ своего достоинства, пошелъ Хмельницкій въ замокъ Чаплинскаго. Опшважностъ и благородный видъ доспавляюшь вездѣ свободный досупъ. Многочисленныя рабы вельможи объявля, что владѣлецъ ихъ гуляетъ въ садахъ своихъ, не смѣли опшанго-

вишь *неизвѣстнаго*. Величественная осанка, Ташарской мечь, осыпанный дорогими камнями, висѣвшій на серебряныхъ цѣпяхъ и богатое одѣяніе возбуждали въ нихъ благоговѣйное почтеніе. И самъ Чаплинскій пораженъ былъ внезапнымъ появленіемъ незнакомаго. „Я шебѣ неизвѣспенъ, говорилъ Хмельницкой, но выслушай меня... Зиновій Богданъ, сынъ Филомара Хмельницкаго, вопрошаешъ вельможу Липовскаго: кто повергъ во гробъ моего родишеля? кто разрушилъ сооруженный имъ храмъ? кто покрылъ водою мѣсца родины моей и вымылъ изъ земли еще недошлѣвшія кости предковъ? Ошвѣчай! — и суди чего долженъ я шребовать ошъ человѣка, все сіе совершившаго?“ — Хмельницкій умолкъ. Глаза героя горѣли шѣмъ спрашнымъ огнемъ негодованія, копорый нѣкогда приводилъ цѣлыя ополченія въ шрепешъ; кровь его кипѣла и мечь, блистая алмазами, при бедрѣ колебался.... Чаплинскій воззрѣлъ кругомъ себя: не было рабовъ! Видъ Героя приводилъ его въ шрепешъ. Онъ сокрылъ злобу и ошвѣчалъ съ пришворною кропосшію: удержи гнѣвъ штвой, сынъ Филомара! Единая спароспъ ви-

жою смерши своего родителя, весеннее разлипие рѣки пошопило вашу долину и.... „Нѣшь, воскликнулъ Хмельницкій, пы, злодѣй! пы единый всему виновникъ! Ты принесъ на жерпву ненасышной роскоши древнее достояніе мирныхъ семействъ! пы, дерзкій святошашъ! разрушилъ храмъ Божій, пы, погребъ въ живыхъ родителя моего! . . . О вы, змѣи сосущія грудь моего опечеснва! Доколѣ будете пипаться слезами и кровію нашею? Доколѣ?... Но пы первой долженъ приняшь мзду опъ руки мспителя Маллороссіи: извлекай мечъ и защищайся!“.... Чаплинскій испустилъ вопль опчаянія и оцѣпенѣлъ опъ спраха. Хмельницкій блеснулъ мечемъ какъ вдругъ жалобный крикъ осшанѣвилъ его. Дѣвица, прелесшная какъ ангель, успремляешся изъ - за деревъ, восклицая сквозь слезы: „Пошцади, пошцади родителя моего!“ Прелесши ея были неописанны, мщеніе покорилося красопѣ и мечъ выпалъ изъ рукъ Хмельницкаго. — О! сколь могущешвенно возрѣніе красопы!... Такъ великодушный царь лѣсовъ смягчаептъ гнѣвъ свой при видѣ Андрокла, или укрощаепся спшомъ опчаянной машери въ шу

минушу, когда уже гошовился поглотить младенца ея. Но малодушный соперникъ коварно пользуешя минушой; онъ хвапашеть лежащій мечъ и предаешя подлomu бѣгсшву, громко скликая рабовъ своихъ. „Ахъ! кто бы ты ни былъ, уйди, уйди скорѣй, отсюда, несчастный!“ говорила шрепещущая дѣвица Хмельницкому: „опецъ мой ужасень во гнѣвъ своемъ, ты погибнешь, юный воинъ Бѣги!“ — Но Хмельницкій не могъ послѣдовашь совѣшу прелесшной Онъ не умѣлъ спасашься бѣгсшвомъ. Между тѣмъ раздраженный ширанъ, съ пѣною на устахъ, скрежеща зубами и задыхаясь отъ ярости, послѣшно ведеть за собою шолпу рабовъ, гремящихъ оружіемъ и цѣпями.

Хмельницкій хочеть защищашься Но мечъ его въ рукахъ злодѣя! Малодушные шрепещущь однихъ взоровъ героя и долго не смѣющь еще къ нему присшупишь. Наконецъ, бросясь всѣ шолпою, обременяющь обезоруженнаго шяжелыми веригами. Теперь докажи мужештво свое, восклицаешть Чаплинскій съ коварнымъ удовольствіемъ. Ты погибнешь, дерзкій рабъ! Всѣ мученія испощу на шебя! Но Хмельницкій, сей пи-

помощь свободы и чести, невѣдавшей оковъ, безмолвно внимала укорамъ злодѣя, роняя невольно крупныя слезы, выпѣсняемыя скорбію изъ пошупленныхъ очей. Такъ плачешь могущій левъ, внезапно опуханный сѣпьями хиприхъ ловишелей „Повергните его въ преисподнюю башенъ моихъ! Пусть вериги и гладъ усмиряють буйный духъ сего мяшежника!“ Рабы повиновались голосу властелина и повлекли Хмельницкаго! Онъ слышалъ изъ-далека, какъ нѣжная дочь умоляла о помилованіи свирѣпаго родителя... Но открылся зевъ подземной могилы: несчастный узникъ опущенъ въ нее, и при желѣзныхъ двери заскрыпѣли на ржавыхъ веряхъ, и громко зазвучали запоры, и глухо опозвался спукъ камней, кошорыми заваливали входъ въ темницу сію.

Конецъ II Книги.

(Продолженіе впрѣдъ.)

ЗАМѢЧАНІЯ

О ПРАВАХЪ И ОБЫЧАЯХЪ ВѢКА ТЕОДОСІЯ
ВЕЛИКАГО И СЫНА ЕГО АРКАДІЯ.

(Позерпнуто изъ творенія святаго
Іоанна Златоуста.)

Свяшій Іоаннъ Златоустъ въ сочиненіяхъ своихъ оставилъ драгоцѣнныя свѣдѣнія пошомству, о нравахъ и обычаяхъ вѣка Теодосіа Великаго и сына его Аркадія (*). Въ нихъ находится повѣспованіе о всемъ шомъ, что происходило при дворѣ Императоровъ, Консуловъ, вельможъ и въ народѣ. Онъ писалъ цирки, шеашры, всѣ роды увеселеній, видъ и украшеніе домовъ, споловъ, празднесшвъ и многія другія предметы, даже иногда съ особенною подробностію.

Императоры, говорипъ онъ, носили корону, осыпанную драгоцѣнными каменьями, пурпуровую шунику, кошорая опшлчала ихъ

(*) Сии извѣстія ошносящся до 4 и 5 вѣка.

опъ подданныхъ, и шелковыя плашья, вышитыя золошомъ, съ изображеніями драконовъ (*).

Тронъ ихъ былъ изъ числаго золоша. Іоаннъ Злапоустъ, описывая въ одномъ мѣстѣ, какимъ образомъ представляли Императоровъ на каршинахъ, говоритъ, что Императоръ изображенъ на тронѣ; по сторонамъ его лошади, шѣлохраништели и побѣжденные непріатели, окованные цѣпями.

Когда Императоръ выѣзжалъ изъ своихъ чершоговъ, по всѣ слѣдовавшіе за нимъ Вельможи и шѣлохраништели были въ богатѣйшихъ одеждахъ. Два мула запрягались въ колесницу; они опдичались особенною бѣлизною и бдиспали великолѣпнымъ уборомъ (**).

(*) Китайскіе Императоры носятъ желтое платье. украшенное драконами. На гербѣ сего Государства изображается также драконъ. Удивительно, опъ чего произошло такое сходство въ Императорскихъ украшенияхъ, когда по преданіямъ исторіи извѣстно, что Европа тогда не имѣла сообщенія съ Китайцами.

(**) Мулы и бѣлыя лошади почитаемы были въ древности принадлежностями Царскими.

Обратимся теперь къ Консуламъ, Архоншамъ и Вельможамъ. Они носили шелковыя плашья, поясы и башмаки, богато вышитыя золошомъ. Архоншь, копорый предъдательствоваль въ судилищъ, опличался ошь прочихъ поясомъ. Герольдь всегда ходиль предъ нимъ и возглашалъ его шешивіе. Евнуховъ одъвали весьма пышно; а что говораяшь о множествѣ слугъ, находившихся у Вельможъ и богатыхъ людей, превосходишь върояшіе. Нѣкошорые имѣли до тысячи, а другіе до двухъ тысячъ, и большая часть ихъ носила драгоцѣнныя ожерелья и браслешы. Они набирались обыкновенно изъ Варваровъ.

Дворцы Вельможъ были храмами роскоши и поражали взоры чудеснымъ великолѣпіемъ. Кровли оныхъ были вызолочены, двери изъ слоновой кости, стѣны внутри комнашь обложены мраморомъ; нѣкошорые даже украшали стѣны комнашь дорогими камнями и мешаллами.

Полы были позолоченныя или мозаической работы и покрывались превосходными коврами. Вкусъ богачей ко всему необыкно-

венному, говоритъ Иоаннъ Злапоустъ, за-
снавливалъ ихъ презиравъ посредственное.

Въ сихъ пышныхъ черпогахъ стояли
большія мраморныя колонны съ позлащенны-
ми капителями, статуи превосходнѣйшихъ
архипсовъ, множество картинъ и мозаи-
ческихъ вещей. Кровати были обыкновенно
изъ слоновой кости, иногда изъ позлащен-
наго дерева, и не рѣдко всѣ изъ чистаго
серебра. Всѣ мебели великолѣпна удивитель-
наго: стулья, скамейки были также изъ
слоновой кости; домашніе сосуды изъ дра-
гоцѣнныхъ металловъ. При дворцахъ Вель-
можъ и богашыхъ людей находились бани,
большіе портики, длинныя аллеи для про-
гулки, проспранные сады, иногда и водо-
проводы для орошенія земли.

Въ сихъ блестящихъ домахъ давались ве-
ликолѣпнѣйшія празднества. Тогда столы,
поставленные полукружемъ, украшались пре-
краснѣйшими и драгоцѣнными сосудами; во-
кругъ столовъ клали подушки, на коихъ ро-
скошныя покоились въ нѣгѣ, при звукахъ
громкой музыки. Индѣйскія, Арабскія и Пер-
сидскія благовонія наполняли комнату при-
ятнѣйшимъ запахомъ и услаждали чувства.

На споль подавали разныя кушанья; между прочимъ фазановъ и превосходное Фазское вино, споль прославленное Греческими и Лапинскими Поэтами.

Когда Вельможа прогуливался по городу, шо впереди его шель крикунъ, великолѣпно одѣшый; за нимъ слѣдовали Клиентшы (*) и множество Ликшоровъ, кошорые разгоняли народныя шолпы.

Знашныя женщины въ семъ роскошномъ вѣкѣ испощали все, чшобъ блиспашь и нрависься. Кромѣ серегъ они носили и другія драгоценности для украшенія щекъ. Румяны покрывали все ихъ лице; а наряды отличались богатствомъ и вкусомъ. Башмаки ихъ были черныя, весьма свѣпые и ошроконечныя. Онѣ выѣзжали съ шолпою Евнуховъ, прислужницъ и рабовъ на колесницахъ, запряженныхъ бѣлыми мулами.

(*) Приписываютъ Ромулу введеніе въ Римъ обычая, по кошорому всѣ простыя граждане должны были избирать папроновъ или защипниковъ между Сенаторами и благородными. Покровительствуемые назывались *Клиентами*.

*

Увеселенія сего времени сосполяли въ конскихъ ристаніяхъ, Олимпійскихъ играхъ, шеашрахъ и другихъ забавахъ.

Въ играхъ Гимнастическихъ, побѣдителей награждали лавровыми и оливными вѣнцами. Императоры всегда присутствовали при конскихъ ристаніяхъ и гимнастическихъ играхъ. Они раздавали бойцамъ награды. Во время сихъ игръ часто случались несчастія, и народъ смотрѣлъ на оныя равнодушно, по привычкѣ къ шаковымъ позорищамъ. Многіе падали подъ ударами сильнѣйшихъ бойцовъ, но горестною смертію не могли возбудить состраданія зрителей. Они отвращали взоры отъ побѣжденнаго, и громкіе клики хвалы неслись со всѣхъ сторонъ къ побѣдителю!

Къ играмъ Олимпійскимъ бойцы должны были приготавливаться тридцать дней, и сражались нагіе. — При открытіи сихъ игръ Герольдъ спрашивалъ у народа, можетъ ли кто доказать, что въ числѣ бойцовъ находится воръ или человекъ порочнаго поведения? Таковымъ не позволялось вступать на поприще.

На шаапрахъ предспавляли какую нибудь старинную баснь или произшесствіе древности. Въ сочиненіяхъ сего рода молодые люди ничему не могли научиться, кромѣ изнѣженности; спыдливосшь и благоприспойносшь были предметомъ насмѣшекъ. Театры были наполнены молодыми людьми, копорые распуспивъ по плечамъ волосы, помными взорами, одеждою и жестшами спарались подражать женщинамъ; спарики же брили голову и вмѣспѣ съ своими волосами оспавляли совершенно спыдъ и благоприспойносшь. Женщины здѣсь являлись съ непокрытою головою и со всѣмъ вообразимымъ безспыдсшвомъ; развратъ доходилъ до шакой спепени, что нѣкопорыя изъ нихъ появлялись предъ зрителями нагія.

Плясуны по канашу были издавна въ славъ; они не только прыгали на немъ, но и раздѣвались и одѣвались шаже свободно, какъ бы на своей поспель. Фигляры обрашщали ни себя вниманіе народа и знапныхъ людей. Они кидали оспрыя шпаги на воздухъ и ловили ихъ голыми руками. Другіе спавили на лобъ шесшь, а на конецъ шесша мальчика, копорый споя на немъ ломался.

Въ Антіохіи находились люди, которые кормили львовъ и медвѣдей, дѣлали ихъ ручными и крошкими какъ барановъ, и показывали за деньги:

Когда роскошь и спраспи всѣхъ развратили и опвели отъ прямаго пуши испины и добродѣтели, тогда суевѣріе заглушило совершенно гласъ разсудка; воцарилось повсюду заблужденіе, и люди начали вѣрить предсказаніямъ, примѣпамъ, вліянію дня рожденія на жизнь, шаинспвеннымъ знакамъ, очаровашельнымъ буквамъ и чернокнижію.

Но ничшо не сравнишь съ суевѣріемъ женщинъ, опносительно дѣшей. При рожденіи младенца обыкновенно засвѣчали лампы и давали ему имяна шѣхъ людей, которые жили долго, думая шѣмъ продлишь жизнь его.

Ихъ души всегда наполнены были спрахомъ, и онѣ на всякой случай имѣли свои замѣчанія. Думали, что ежели встрѣшатъ шакого-шо человѣка, то сіе предвѣщаетъ великія несчастія. Если прислужница подавала лѣвый башмакъ прежде праваго, то опасались обиды; а кшо выходилъ изъ дому

лвою ногою, пошъ былъ увѣренъ, что его оклеветушъ.

Правосудіе соблюдалось не весьма строго. Зала, гдѣ собирались судьи, задергивалась занавѣсомъ, кошорый препящспивоваль ихъ видѣшь. Когда судья уходилъ за занавѣсъ, чшобъ взойти на прибуналь, тогда войны приводили изъ шемницы преступниковъ; когдажъ кто изъ оныхъ былъ осужденъ на смершь, шо его проводили по общенародному рынку, завязавъ ротъ веревкою, чшобъ запрепящспивовашъ ему кричашъ и говорилъ прошивъ своихъ судей и обвинителей.

На свадьбахъ проводили время въ пляскѣ, цѣли неблагоприспойныя дѣсни и гимны Венерѣ. Послѣ обѣда гости, по большой части пьяные, водили съ пѣніемъ невѣсту и жениха по городу, великолѣпно одѣшыхъ и разрумяненныхъ. Погребенія совершались за городомъ. Тѣло богатого несли въ гробъ обшпомъ шелковою матеріею и на позлащенномъ одрѣ. Слуги и служанки шога надѣвали на себя мѣшки и посыпали голову пепломъ.

Іоаннь Злапоустъ замѣчаетъ, что дороги въ его время находились въ лучшемъ сосшояціи, нежели прежде. Для безопасно-

спци путешественниковъ построены были на извѣсномъ распояніи гостиницы, и въ каждомъ домѣ находились воины, кошорые день и ночь спояли на спражѣ.

Онъ говоришь съ великимъ презрѣніемъ о языческихъ Философахъ своего времени, кошорые опшличались длинною бородою, особеннымъ покровомъ маншии и палкою, кошорую всегда носили въ рукахъ.

Вопшь нѣкошорыя извѣспія, оставленные намъ Злапоустомъ о нравахъ и роскоши, его вѣка. Многія изъ сихъ! любопытныхъ подробностей опшались бы на всегда погребенными во мракъ забвенія, ежели бы сей знаменишый Орашоръ не передалъ ихъ попомшву въ безсмертныхъ своихъ швореніяхъ.

А. Р.

ГОРА Св. БЕРНАРДА.

(Отрывокъ изъ Матиссоновыхъ
воспоминаній).

Послѣ дневнаго путешествія, весьма тягостнаго по причинѣ лѣшняго зноя, какъ обрадовался я, увидя предъ самымъ закатомъ солнца древнюю церковную башню Сень-Пьера! Между шѣмъ, какъ гоповили къ ужину рагу изъ сурковаго мяса, предпринялъ я еще небольшое спранствіе къ паденю *Дрансы*, которое можешъ сравниться съ великолѣпнѣйшими водопадами Гельвеціи, не смотря на то, что кромѣ Соссюра, никто изъ путешественниковъ не упоминалъ объ немъ. Окрестное мѣстоположеніе суровымъ своимъ величіемъ привело мнѣ на память одинъ изъ самыхъ бурныхъ ландшафтовъ Сальвадора-Розы, гдѣ также обильный, быстрый пошокъ, сжашый между скалами,

е спремится въ пропасть, и нависшая громада угрожаетъ въ слѣдъ за нимъ обрушиться. *Дранса* имѣетъ свое начало въ ледяной горѣ (Глешчерѣ) *Валзарейской*, достопримѣчательной по своей ледяной пещерѣ, и изливаеиша недалеко отъ Маршини въ Рону.

Отъ Сенъ-Пьера, послѣдней Валлійской деревни, по дорогѣ, ведущей чрезъ большую Бернардову гору въ Ишалю, должно при часа всходить до монастыря. Съ восходомъ упренней зари пустился я въ путь. Не въ дальнемъ разстояннн отъ моста поражается взоръ видомъ скалы, кошорая подобно обелиску возвышается изъ пучины, ревущей въ мрачной глубинѣ *Дрансы*. Ее украшалъ собою, какъ бы порфиною багряноцвѣтннй *рододендронъ* (*), и крестъ на его округленной вершинѣ придавалъ сему зрѣлищу видъ живописный.

Нѣсколько шаговъ далѣе, изобразилась неизгладимыми чертами въ душѣ моей одна изъ прнятнѣйшихъ и оспроумнѣйшихъ картинъ, когда либо созданныхъ пишпическимъ воображеніемъ художника. Прекрасная гор-

(*) Распеніе.

ная бабочка *Аполлонъ* съ яхоншовыми крыльями сидѣла на лазоревой урнѣ большой *Энсуаны*; долго съ восхищеніемъ лобызала она великолѣпный цвѣшокъ сей, пока дыханіе воздуха не согнало ее. Казалось, что Психея воспарила изъ урны.

Мѣстоположеніе безпреспанно спановилось угрюмѣе и ужаснѣе; деревья давно уже не проспирали шѣни своей, и дернъ, украшенный нѣжно окаймненными лиловыми колокольчиками *сальданейны* сокрылся вскорѣ подъ необозримою снѣжною поверхностью. Тихое пѣніе Альпійскаго жаворонка сливалось со звонкимъ свиспомъ скачущихъ сернь; но и сіи звуки вскорѣ замолкли, и я до самаго монастыря не слыхалъ никакого голоса, кромѣ ошдаленнаго грома снѣжныхъ глыбъ. Здѣсь-то нерѣдко пупешественники погибають отъ снѣжной мятели и погребаящся лавинами; здѣсь-то Каноники, сіи герои челоувѣколюбія помощію своихъ собакъ и длинныхъ щесповъ, находили споль многихъ подобныхъ несчастливцевъ и вторично ихъ призывали къ жизни. Наконецъ, пробираясь чрезъ глубокой снѣгъ, я почувствовала упомленіе силъ своихъ и

намѣревался опдохнуть на мшистомъ обломкѣ камня, какъ внезапно глухо-раздавшійся изъ дикихъ ущелинь звонъ монастырскаго колокола возобновилъ швердось и мужество спранника, и вскорѣ показался надомною и самый монастырь, взгроможденный на краю ущесиспаго вала, кошорый, какъ казалось, защищаль его своею неприсупною стѣною. Видъ сего правильнаго и знаменистаго спроенія производишь неописанное дѣйствіе въ такой спранѣ, гдѣ глазъ, привыкшій видѣшь сады, луга, селенія, лѣса и попки, находишь повсюду однѣ исполинскія вершины, копхъ подошву опоясывающъ угрюмыя облака; одни ледяныя поля, кошорыя въ печальномъ единообразіи сквозь доли и пропащи въ изгибахъ простирающся.

Госпепримныя врапа высочайшаго жилища чемовѣческаго на нашемъ полушаріи опворились для успалаго Алпійскаго спранника, и приашное вкусу пишіе, приготоовленное на берегахъ *Доры*, предъ пылающимъ огнемъ оживило сердце его.

Въ сей спранѣ, возвышающейся на 1246 шаазовъ надъ морскою поверхностью, господствуетъ вѣчная зима. Небольшое, къ югу

опъ монастыря лежащее озеро, на печальныхъ берегахъ коего даже шросшникъ не зеленѣеть, никогда совершенно не освобождается опъ льда, и въ Августѣ мѣсяцѣ ршушь въ шермомешрѣ нерѣдко доходить въ полдень до почки замерзанія. Здѣсь дрова соспавляютъ первую пошребность жизни и исходяшь въ невѣрояшномъ количествѣ; они доспавляются сюда на лошакахъ по крупымъ и опаснымъ дорогамъ, удобнымъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ въ году.

Вспунивъ въ монастырь, нашель я Канониковъ, собравшихся къ завшраку; иные изъ нихъ, судя по разговорамъ, были весьма образованы. Споловая зала обширна, украшена не великолѣпно, но со вкусомъ, и — что въ моихъ глазахъ превосходитъ всѣ карпины, зеркальныя спѣны, вазы и бронзу — чистота была въ ней повсюду соблюдена. Каноники приняли незнакомца съ непришворнымъ чистосердечіемъ и убѣдительно просили меня, во все время пребыванія моего въ монастырѣ, совершенно почипашъ себя козляномъ.

Находишься посреди шакого общества, кошорое я давно уважалъ по его благодѣ-

щельной цѣли, и много многіе члены заслуживали болѣе нежели гражданскій вѣнецъ, было для меня исполненіемъ любимѣйшаго моего желанія. Жершвуя всѣми благами жизни, отказывая себѣ во всемъ, что услаждаетъ дни смертнаго въ пріяшномъ очарованіи женскаго общества, въ необитаемомъ краю земли, холодномъ и неприязненномъ, подобно туманамъ Гренландіи, съ какимъ удовольствіемъ исполняютъ мужи сіи обязанности человѣчества! Безденежно, не взирая на различіе состояній и религіи, угощаютъ они упомленнаго спранника, съ рачительностью ходятъ за больнымъ до его выздоровленія и избавляютъ отъ смерти лишеннаго уже голоса.

Ежедневно, въ жесточайшее время года, въ снѣжную или туманную погоду, ходятъ нѣкоторыя изъ нихъ съ шестами и въ сопровожденіи прекрасныхъ собакъ своихъ на большую дорогу, кошую сіи твари не смотря на мрачнѣйшій туманъ и густую снѣжную мятель никогда не перяютъ. Бываетъ ли путешественникъ заваленъ лавиною, или въ безчувственномъ онѣмѣннѣ погребенъ снѣжными хлопками, и глубина покрываю-

щаго снѣга не весьма значительна, — собаки непременно пронюхаютъ сіе мѣсто и ни минушы не упустятъ указать его различными знаками вспомоществующему челоуѣку. Пошерпѣвшаго несчастье вышаскиваютъ и относятъ въ монастырь, гдѣ опшираютъ его снѣгомъ, кладутъ въ согрѣтую постель, и упопреляютъ всѣ спасительныя средства, чшобы призвать его къ жизни. Число погибающихъ на сраженіи знаютъ во всей Европѣ; но число спасенныхъ челоуѣколюбиемъ въ сихъ пустыняхъ никому неизвѣстно. Геній Йорика являешся на необишаемыхъ высотахъ сихъ во всемъ своемъ божественномъ величїи.

Между тѣмъ при непрестанномъ хожденіи сихъ друзей челоуѣчества и ихъ вѣрныхъ собакъ для подобныхъ отккрытїй, не проходяшь года, чшо бы лѣпомъ, когда спашетъ снѣгъ, не находили прупы путешественниковъ, копорые здѣсь, удалены отъ всего, чшо сердцу ихъ было въ мїръ драгоценно, безъ всякой помощи погибали. Такъ какъ природа въ каменистой степи сей отъказываетъ умершимъ въ подземномъ жилищѣ, шо собираютъ ихъ въ находящейся

съ восточной спороны монастыря часовнѣ; въ снѣгахъ ея сдѣланы большія ошверстія съ желѣзными рѣшешками, сквозь копорыя свободно продуваетъ воздухъ. Зрѣлище сихъ въ надоблачной высотѣ изъ разныхъ странъ свѣта и вѣрно не одинаковою судьбою соединенныхъ собратій, шлоноу меня до глубины души. Каждый изъ нихъ окушанъ покрываломъ; и какъ въ сухомъ и оспромъ воздухъ тѣла не изплѣвають, но постепенно сжимаются и изсыхаютъ, лице сохраняетъ черты свои, не будучи обезображено, такъ, что по прошествіи двухъ лѣтъ и болѣе распознавали еще многихъ изъ сихъ несчастныхъ друзья и родные безъ большаго затрудненія. Они всѣ сидятъ прямо, только что каждый вновь поступающій наклоняется головою на грудь своего предшественника; положеніе сіе имѣетъ въ себѣ нѣчто брашское и всѣ они кажутся погружены въ глубокой сонъ. Цѣлые чешыре ряда уже наполнены ими. Цвѣтъ лица, рукъ и ногъ, не совсѣмъ накрытыхъ покрываломъ, близко подходитъ къ темно-коричневому цвѣту Египетскихъ мумій.

Непринужденный и веселый разговор занималъ монаховъ во время обѣденнаго стола, и вообще, сколько я ни замѣчалъ на счепъ ихъ связей по должности, все утверждало меня въ шомъ мнѣніи, что они живутъ между собою въ брашскомъ согласіи. Вопросы ихъ о новѣйшихъ происшествіяхъ міра доказывали, что сіи предметы представляются имъ какъ бы въ опдаленіи, не ясно и въ уменьшенномъ видѣ; но за шо не убивая времени сравненіемъ и соглашеніемъ газетныхъ прошиворѣчій, и не рисуя пророческою кистию на завѣсѣ будущаго спранныхъ чудовищъ, занимающія они въ свободное время каждый своимъ любимымъ упражненіемъ, какъ шо: Физикою, Минералогіею или Бошаникою; но коль скоро спраждущее человѣчество пребуешъ ихъ помощи, поспѣшающъ они съ воинскою шочношью каждый къ своему посту.

Съ шой минушы, какъ они узнали о шомъ *Прусскомъ* опечешствѣ, великій Фридрихъ какъ бы съ общаго согласія сдѣлался главнымъ предметомъ нашихъ разговоровъ. Самъ *Шоазель-Гуфье* на ошровѣ Пашмосѣ не могъ бы шакъ сильно удивиться освѣдом-

деніямъ одного монаха о Руссо и Вольшерѣ, какъ изумился я вопросамъ облачныхъ жителей сихъ о Герое семилѣтней войны; всѣ они показывали хорошія свѣдѣнія въ Исторіи правленія сего Государя. *Г. Далевъ*, Экономъ монастыря, человекъ услужливый и почтенія достойный, сопровождалъ меня на Юпитерову равнину, гдѣ нѣкогда посвященъ былъ Громовержцу знаменитый храмъ, ошъ коего получила гора сія свое древнее Римское названіе: *Mont Jovis*. Въ разныя времена искали древностей въ основаніи сего храма, но всегда безъ желаемого успѣха; ошрыпо было шолько нѣсколько маловажныхъ монешъ и довольное количество мѣдныхъ *обѣтныхъ таблицъ* (*Wolüstafeln*), копорыя можеть бышь не совсѣмъ недостойны замѣчанія Аяшикваріевъ и могушь служишь доказательствомъ, какимъ опаснымъ подвигомъ считали во времена Римлянъ путешествіе чрезъ большую Бернарову гору.

Недостатокъ времени воспрепятствоваль мнѣ сходишь къ *Зеркальной скалѣ*, одной изъ первыхъ естественныхъ и историческихъ достопамятностей окрестной страны. Сія вертикальная каменная стѣна зна-

чисельной высоты получила сполн совершенную натуральную полировку, что по увѣренію *Г. Далера* можно смотрѣться въ нее, какъ въ самое чистѣйшее зеркало. Ни одному испытанію, не исключая *Соссюра* и *Доломь*, не удалось разрѣшить сей чудесной геогностической задачи. Слегка, и подъ завѣсою непроницаемаго мрака шлифовала Природа скалу сію (*).

Наконецъ, въ слѣдующее утро, не смотря на бурную погоду, сошелъ я съ южной стороны горы. Вправѣ парилъ орелъ надъ равниною, гдѣ стоялъ храмъ Юпитеровъ. Съ благодарностью принялъ я сіе предзнаменованіе.

Съ Нѣм. Н. Розенлейеръ:

(*) *Мурритъ*, Пріоръ монастыря Св. Бернарда, открылъ сію гору. Авторъ подробно говоритъ объ немъ въ любопытной статьѣ своей, подъ заглавіемъ: *Восемь дней съ Альпахъ.*

Прим. Перев.

*

ЧЕЛОВѢКОНЕНАВИСТНИКЪ.

Аллегорическая повѣсть.

Тамъ, гдѣ хребень Таврическихъ горъ возноситъ главу свою превыше бурныхъ шучь; гдѣ любопытный взоръ спранника встрѣчаешь одни нависшіе ушесы, низвергающіяся рѣки и ужасы дикой природы, шамъ заключилъ себя Аземъ, возненавидѣвшій родъ человѣческій и опказавшійся опъ свѣша.

Аземъ провелъ юность свою въ сообществѣ съ людьми, принималъ участіе въ ихъ радостяхъ и пламенно любилъ себѣ подобныхъ. Просьба несчастнаго всегда доходила до сердца его и съ заботливостію была имъ исполняема: упомянутый пушникъ находилъ въ его домѣ успокоеніе, спрадаецъ опраду въ горестяхъ и вспомошествованіе; но благородная склонность его облегчашъ участъ бѣдныхъ, не руководимая умѣренностію, вскорѣ лишила его всего имѣнія.

Сдѣлавшись самъ бѣденъ, онъ обратился съ просьбою къ шѣмъ, копорымъ прежде оказывалъ вспоможеніе, и съ полною довѣренностію ожидалъ опъ нихъ благодарности. Но жестокіе люди, имъ облагодѣшельствованные, досадовали на его докучливостъ; соспрандіе еспъ скоропребодящее чувство! Сей опытъ научилъ его разсмапривашъ людей совсѣмъ съ другой споронъ: онъ опкрылъ въ нихъ тысячу пороковъ, о копорыхъ до сего времени даже подозрѣніа не было въ душѣ его. Куда ни обращался онъ, вездѣ находилъ неблагодарностъ, припворство, измѣну; съ каждымъ днемъ увеличивалось опвращеніе его къ людямъ. Наконецъ онъ рѣшилъ опшавишь свѣшъ, копорымъ онъ гнушался, и гдѣ на справедливое его негодование опшвѣчали презрѣніемъ. Аземъ удалился въ сію бесплодную спрану, гдѣ среди ужасовъ природы онъ надѣялся забышь свои огорченія и ввѣришья одному щолько искреннему своему сердцу.

Пещера служила ему единспвеннымъ убѣжищемъ опъ буръ и непогодъ; плоды, съ величайшимъ шрудомъ собираемые около горъ, были его пищею, а пишіе съ опасностію

жизни доспавалъ онъ изъ быстрой, свирѣпой рѣки. Такимъ образомъ влачилъ онъ жизнь свою въ уединеніи, предавался размышленіямъ и иногда радовался, что нашель для жительствова уголокъ, безвѣспный людамъ.

У подошвы горъ волновалось обширное озеро, въ кошорое смопрѣлись навислые утесы. Часто восходилъ онъ на сіи каменисшыя громады, любовался зеркальною поверхностью озера и блуждалъ взорами по долинь, простирающейся на прошивулежащемъ берегу. „Сколь величественна природа, говорилъ онъ, и въ самой дикости! Какая удивительная прошивуположность той прелестной долины съ сими ужасными скалами! Но красапа сія ничто въ сравненіи съ шюю пользою, какую приносятъ множество рѣкъ, исходящихъ изъ озера! Онъ пропекая различныя спраны, оплодотворяють землю и очищаютъ воздухъ. Каждая часпъ мірозданія прекрасна, удивительна и совершенна: одинъ только человекъ, коварный человекъ естъ несовершенство въ природѣ, чудовище міра. Непогоды и ужасные вихри имѣють свою пользу; но злой, неблаго-

дѣрный человѣкъ есть постыдное пятно во всеобщей красотѣ созданія. Для чего произошелъ я опъ сего нечестиваго рода, котораго пороки могутъ служить единственнѣмъ нареканіемъ мудрости Создателя? Если бы люди не причастны были порокамъ, тогда царствовало бы вездѣ согласіе и порядокъ. Совершенство нравственнаго міра было бы швореніемъ существа разумнаго. Для чего жъ это не такъ? О Алла! уже ли я долженъ оспашься въ неизвѣстности и опчаяніи?“...

Произнеся сіе, Аземъ въ изступленія горъ уже былъ низринутъ въ шумяція волны; вдругъ взору его представилось небесное существо, приближавшееся къ нему по поверхности озера.

„Смертный! сказалъ ему духъ, удержишь опъ дерзкаго своего предпріятія. Опець правовѣрныхъ внялъ швоимъ жалобамъ и послалъ меня утѣшить тебя и успокоить. Подай мнѣ руку и слѣдуй за мною безъ боязни. Познай во мнѣ Ангела, которому великій Пророкъ поручаетъ возвращать къ правовѣрію шѣхъ, которые соврашились съ души истины не по шщеславію, а изъ про-

сподушія. Слѣдуй за мною, чтобы научишься мудрости.“

Аземъ спустился съ утѣса; небесный пусеводитель повелъ его на средину озера, гдѣ оба они начали понушь. Уже опустились они на нѣскольکو сажень, и въ то время, какъ Аземъ ожидалъ съ шрепешомъ неизбѣжной смерти, вдругъ увидѣлъ онъ себя съ своимъ сопушникомъ на берегу рѣки, котораго нога смершнаго никогда не касалась. Удивленіе его было неизьяснимо, когда замѣшилъ онъ поже солнце, которое свѣшилъ надъ землею, поже ясное небо и цвѣшущую зелень.

„Я вижу швое изумленіе произнесъ Ангель; но будь спокоенъ. Сей новый міръ сошворилъ Алла по убѣжденію нашего великаго Пророка и поручилъ оный его надзору. Душа его, подобно швоей, исполнена была нѣкогда шѣхъ же заблужденій, кошорья шебя обуреваюшь, и ошъ послѣдствія коихъ шы спасень мною. Разумныя существа сего міра сошворены согласно съ швоимъ желаніемъ: они совершенно непричастны порокамъ. Въ нѣкошоромъ ошношеніи земля сія подобна оставленной шобою, но

различіе состоиптъ въ томъ, что здѣшнимъ обитателямъ зло неизвѣстно. Если міръ сей покажется тебѣ совершеннѣе и пріятнѣе видѣннаго побою прежде, то имѣешь полную свободу провести здѣсь остатокъ дней своихъ; позволь мнѣ однакожь на время оспаться съ побою, чтобы вывести тебя изъ перваго заблужденія и ознакомить съ новыми твоими соземцами.“

— Міръ безъ пороковъ! Разумныя существа съ чистою нравственностью! вскричалъ Аземъ въ восторгѣ. Благодарю тебя, о Алла, что ты наконецъ услышала мое; здѣсь найду я неисчерпаемый источникъ блаженства и радостей! Здѣсь неизвѣстны обманъ, неблагодарность, несправедливость, насиліе и тысяча другихъ преступленій, которые дѣлають людей несчастными и жалкими!

„Прерви свои восклицанія, отвѣчалъ Ангель; обрати взоры вокругъ себя, разсмотри каждый предметъ, каждое дѣйствіе и сообщи мнѣ заключенія, какія ты извлечешь изъ своихъ наблюдений. Иди и познавай; я буду твоимъ вожааемъ.“ — Аземъ и пушеводилъ его пощди далѣе; первый на каж-

донъ шлгу перялся въ изумленіи, замѣчая, что поверхность земли сей совершенно подобна шой, копорую онъ оставилъ, съ шѣмъ различіемъ, что сей подземный міръ, казалось, еще болѣе имѣлъ первобышной дикости.

Здѣсь, продолжалъ Аземъ, вижу я хищныхъ звѣрей и другихъ, копорые единствен-но служатъ въ пищу первымъ: въ прежнемъ мірѣ тоже самое. Когда бы дозволено мнѣ было сообщить мысли свои великому Пророку, я бы отвращилъ сіе зло и не сошворилъ бы плошюдныхъ живошныхъ, копорыя перзакупъ другихъ для удовлетворенія своего голода.

„Соболъзнованіе швое о слабыхъ живошныхъ справедливо, улыбаясь говорилъ Ангелъ; въ разсужденіи другихъ шварей сей міръ совершеннѣе шого, въ копоромъ шы до сего былъ, и конечно по очевиднымъ причинамъ. На сей землѣ живошныя различной породы весьма бы размножились, если бы не истребляли другъ друга. Но поспѣшимъ въ обитаемую часть сей шраны, для дальнѣйшихъ наблюдений.“

Вскорѣ достигли они конца лѣса и всшудили въ шрану, гдѣ обшшали люди безъ по-

роковъ. Аземъ живо ощущалъ уже то удовольствіе, копорымъ думалъ наслаждаться въ кругу невиннаго обществѣ. Едва оспавили они лѣсъ, какъ встрѣшили одного изъ жишелей, поспѣшно и съ ужасомъ удаляющагося отъ множества бѣлокъ, копорыя его преслѣдовали. О Небо! вскричалъ Аземъ для чего онъ бѣжитъ? Какое зло могутъ причинить ему невинныя сіи творенія? — Лишь только онъ произнесъ сіи слова, какъ увидѣлъ двухъ собакъ, гнавшихъ за другимъ человѣкомъ. Это удивительно, сказалъ Аземъ своему соупнику, я не понимаю сему причины. — „Всякаго рода звѣри, отпѣспивовалъ Ангель, съ нѣкошораго времени здѣсь чрезвычайно размножились; жишели почтиаюпъ величайшею несправедливоспью испребляпъ ихъ, и пошому число ихъ пакъ увеличилось, что самое спокойспвіе обипапелей весьма часто отъ нихъ нарушается.“ — Однакожъ должно бы испребляпъ ихъ, возразилъ Аземъ; ты самъ видишь вредныя послѣдствія сего нерадѣнія о собственной безопасности. — „Гдѣ же по соболѣзнованіе, сказалъ Ангель, копорое ты за нѣсколько минутъ предъ симъ изъявлялъ о беззащипныхъ шваряхъ? Ты,

кажешся, ошступилъ ошъ справедливости.“— Я сознаюсь въ заблужденіи; продолжалъ Аземъ и увѣренъ, что если мы хошимъ бышь спокойны и безопасны, то должны поступать со звѣрями вопреки справедливости. Но почему далѣе изслѣдывать обязанности чело-вѣка къ безсловеснымъ живопнымъ; займем-ся лучше опношеніями людей между собою.—

Чѣмъ далѣе шли они, тѣмъ болѣе удив-лялся Аземъ, не находя ни одного красива-го спроенія. Вожакай его объяснилъ ему, что обипашели сего новаго свѣша совер-шенно счастливы по проспощѣ нравовъ сво-ихъ, что каждый изъ нихъ имѣеть свое жи-лище, которое хошя бѣдно и не велико, однакожь доспашочно для помѣщенія одно-го семейства. Они не созидаютъ огромныхъ домовъ для удовольстворенія своему щцесла-вію, но спроятъ хижины единственно для защиты ошъ зноя и непогодъ. „По край-ней мѣрѣ, я увѣренъ, сказалъ Аземъ, что между ними есть искусные Архитекшоры, Живописцы, Ваятели. Между тѣмъ, я про-шу, пока ты еще не распался со мною, внеси меня въ собраніе людей, занимаю-щихся науками; обращеніе съ учеными есть

мое единственное удовольствіе; Философія—
 моя богиня!“ — Философія! ошвѣщспвоваль
 Вожапай, здѣсь не знаютъ ее; попому что
 не видяшь въ пей сущеспвенной пользы.
 Испинная Философія еспть полько позна-
 ніе нашихъ обязанностей въ ошноеніи къ
 самимъ себѣ и къ другимъ: къ чемузь бы
 служила здѣсь такая Философія? Каждый
 здѣсь дѣлаешъ полько то, что кажешся
 ему справедливымъ, и ожидаешъ того же и
 ошъ другихъ. Если шы подь названіемъ Фи-
 лософіи разумѣешъ щщепное любовѣденіе
 и не удовлеспворительное изслѣдование все-
 го, то мы не знаемъ сего удовольспвія, ко-
 порого начало еспть щщеславіе, роскошь и
 чеспюлюбіе; по тойже причинѣ и излщныя
 искусствва здѣсь неизвѣспны. — „Все эшо
 можешъ бышъ и справедливо, сказалъ Аземъ,
 но мнѣ кажешся, что здѣшніе жипели лю-
 бяшъ мрачное уединеніе; всякое семейспво
 какъ будшо заключено въ своемъ домѣ и жи-
 вешъ ошдѣльно ошъ другаго безъ всякихъ
 общеспвенныхъ связей.“ — Здѣсь нѣшъ об-
 разованнаго общеспва, возразилъ Ангель, да
 и бышъ не можешъ; всѣ общеспва учреж-
 дены спрахомъ или дружбою; а люди, окру-

жающіе насъ, не имѣютъ ни малѣйшей причины бояшья другъ друга или входяшь въ пріяшельскія связи: здѣсь каждый и безъ того старается быть полезнымъ другому.— „Я согласенъ съ побою, опвѣчалъ Аземъ; но если должно мнѣ провести здѣсь остатокъ жизни, отказавшись отъ искусствъ, Философіи и дружбы, то по крайней мѣрѣ, найдется ли здѣсь человекъ, которому бы я могъ свободно сообщать мысли свои и приобрести его взаимную довѣренность?“ — Можно ли тебѣ и помышлять о томъ, сказала Ангель, когда причины всякаго разговора — ласкабельство и любопытство суть постыдныя склонности и совсѣмъ здѣсь неперпимы.

„При всемъ томъ однакожь, продолжалъ Аземъ, здѣшніе жители должны быть счастливы; каждый изъ нихъ доволенъ тѣмъ, что имѣетъ и ничего не ищетъ кромѣ самаго необходимаго для жизни: изъ сего происходитъ удобность помогать другъ другу.“ — Едва произнесъ онъ сіи слова, какъ услышалъ жалобы одного бѣднаго, который сидя на распутии ввѣрять мимоидущимъ свои несчастія. Аземъ приближась къ нему, на-

шелъ его въ крайнемъ изнуреніи. „Удивительно, вскричалъ онъ, что люди непричастные порокамъ спокойно могутъ взирать на бѣдность!“ — Не удивляйся, отвѣчалъ нищій умирающимъ голосомъ: не было ли бы тогда большей несправедливости, когда бы люди сіи, которые кромѣ необходимѣйшаго въ жизни ничего не имѣютъ, отказались бы сами отъ пошребной для нихъ пищи, потому только, что я ее не имѣю? Нѣтъ ни малѣйшаго излишества въ запасѣ ихъ; а гдѣ ничего не остается, тамъ нѣчего и раздѣлять съ другимъ. —

„Должно бы обитателей сего міра надѣлилъ гораздо болѣе потребностями жизни, а не такъ какъ они ограничены самою необходимостью, продолжалъ Аземъ; но не пропивурьчу ли я первому своему мнѣнію?..... Все здѣсь неимоверно и повсюду однѣ только догадки! Самая благодарность не считается добродѣтелію; потому, что нѣтъ случаевъ изъяснить ее. Развѣ любовь къ отечеству считается здѣсь за первую добродѣтель?“ — Нѣтъ, отвѣщивалъ Ангелъ, неограниченнаго самолюбія, заставляющее собственныя пользы предпочитать по-

стороннимъ, и которое всего чаще научаешь для собственной же пользы превозносить опечесвленную спрану предъ прочими, это самолюбие, называемое любовью къ опечесству, здѣсь неизвѣстно. Но желаніе общесвеннаго благосостоянія, желаніе чуждое малѣйшаго пристрастія, есть первѣйшая добродѣтель, которая здѣсь и существуетъ.

„Все видѣнное и слышанное мною кажется для меня спраннымъ, произнесъ Аземъ; непоспужимъ для меня сей міръ; здѣсь нѣтъ видимой добродѣтели, кою бы люди опечесствовали; нѣтъ ни одного удовольствія, кою бы они наслаждались; храбрость, щедрость, дружба, Философія и любовь къ опечесству здѣсь вовсе неизвѣстны; а это поже самое, что удаляясь, опечесствованъ и не знаешь добродѣтели. И пакъ, умоляю себя, мудрый пушеводитель мой, возврати меня въ міръ, доселѣ мною презираемый; міръ, сотворенный благоспущію Аллы совершеннѣе созданнаго по начертанію Магомета. Теперь спожнѣ буду взирать на неблагодарность, презрѣніе и злобу: можетъ бытъ, я ихъ

заслуживалъ. По одному только невѣжеству своему порицалъ я мудрое Провидѣніе; впредь клянусь себѣ чуждаться пороковъ и сожалѣшь о шѣхъ, кшо зараженъ ими.“—

Лишь только Аземъ произнесъ сіе, вдругъ небесный свѣтъ озарилъ улыбающееся лице его вожакая, и онъ исчезъ. Аземъ, исполненный изумленія и ужаса, обратилъ взоры свои вокругъ и увидѣлъ себя на шомъ же мѣстѣ, гдѣ онъ за нѣсколько минутъ предъ симъ ропсалъ на Провидѣніе; правая нога его оставалась еще въ шомъ же положеніи, когда онъ гошовъ былъ низринуться въ бездну. Аземъ, примирясь такимъ образомъ съ жизнью и ощутивъ въ душѣ своей совершенное спокойствіе, оставилъ дикое жилище свое и возвратился въ опечеснво. Тамъ занялся онъ спругимъ исполненіемъ своихъ обязанностей, къ копорымъ судьба его предназначила; шрудолубивая и воздержная жизнь въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, снова надѣлила его прежнимъ богатствомъ, и наконецъ бѣдствія и спраданія его юности вознаграждены были мирною и счастливою старостью.

Съ Нѣм. Андрей Дуронъ.

Часть VI. Кн. VI.

20

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ ЛИЦИНІЮ.

ПОДРАЖАНІЕ ГОРАЦІЮ.

Rectius vives, Licini, neque altum
Semper urgendo etc. . . .

Lib. II. od. VII.

Лициній! счастьемъ ны будешь наслаждаться
И суешь мірской избавишься оковъ,
Коль моря грознаго не спанешь въ даль пу-
скашься,
Или спрашася бурь, держась береговъ.

Кто дорого цѣнитъ посредственность златую,
Тотъ безопасностью свой жребій оградитъ;
За счастьемъ не пойдетъ ни въ хижину пре-
спую,
Ни въ пышномъ аданіи себя не заключитъ.

Высокіе дубы ажра чаше погирасаетъ;
 Чершогъ, величествомъ, красой пльнявшій зоръ,
 Подъ пляжкою рукой Сатурна упадаешъ,
 И молнія скорый разить вершины горъ!

Благоразумный мужъ времянь спрашнцся аъ
 счастьеъ

И утѣшаетея надеждою въ бѣдахъ;
 За яснымъ, тихимъ днемъ приходитъ вдруга
 ненастье:

У Зевса мощнаго, Лициній, все въ рукахъ.

Сегодня шучи бѣды собралъ мадою тобою;
 Но завтра пролетитъ: утѣшися, милый другъ!
 Пифона поразивъ могущею рукою,
 На лиръ Фебъ звучна, осмыая грозный лукъ.

Будь мужественъ душой, будь пвердъ въ судъ-
 бѣ превратной;

Въ несчастьяхъ не ропщи, мой другъ, на небеса;
 Старайся мудрымъ бытъ, и въ вѣтръ благопрі-
 ятнкой

Поспѣшно орускай надушы паруса!

А. Н.

МЫСЛИ

О ЖИЗНИ И СМЕРТИ.

1.

Жизнь смертныхъ одно лишь мгновенье,
 Мгновенно подобенъ нашъ вѣкъ!
 Мы въ жизни надъ бездною ходимъ
 Всечасно по тонкому льду,
 И ходимъ невидимо смерть,
 Ошь самаго дѣлства, за нами.
 О други! кто можешь продашь
 Дни жизни одной хощь минушой?
 Кто можешь могилѣ сказать:
 „Закройся! изъ полной я чаши
 Блаженства не допилъ еще!“
 Нѣтъ, смерть не спрашится ничьей
 Ни власти, ни силы въ семь мѣрѣ,
 И мощной рукою своею
 И пастырей, въ бѣдныхъ одеждахъ,
 И гордыхъ Монарховъ въ вѣнцахъ,
 Всѣхъ въ общу обипель — въ могилу
 Сражал, низводитъ равно!...

Но вьме один пусть пренецунъ,
 Какъ смерти заблещеть коса,
 Въ могила нѣтъ страха для добрыхъ:
 Дверь гроба—къ безсмертнѣю дверь!

2.

Къ прямому счастью, для истины и свѣта
 Родится человекъ;

Сынъ праха! въ небесахъ пвоя блестяща мечта:
 Къ ней, къ ней, сквозь вихрь спрасшей, спремись ты весь свой вѣкъ!

И съ бодростью идя, чрезъ пропасти и горы,
 Сквозь гроба мракъ, впередъ къ лучамъ безсмертнѣя взоры!...

Блаженъ кто сердцемъ правъ и чистъ:

Онъ бодро горе сноситъ,

И не дрожитъ, какъ въ бурѣ листъ,

Какъ косу смерть заноситъ!—

Нѣтъ! смерть не естъ души безсмертнѣюй не-
 пребленье:

Облагородивъ насъ, она ведеть въ неплѣнье!

Ө. Глинка.

М И Н В А Н А.

Надъ Морвенскою спраною
Тьма простерла свой покровъ,
И объятыхъ пишиною,
Сколкнуль ревъ морскихъ валовъ.
Мохъ прибрежный окропила
Ночи хладная роса;
Бафды съвера свѣткла
И въ пумавахъ небеса!

Гдѣ Героевъ грозны клики
Заглушали бипвы громъ,
Спишь, склонясь на камень дикій,
Звѣроловець пишимъ сномъ.
Со скалы крупой Минвана
Въ мрачной горесни глядишь
На равнину Океана,
И со вздохомъ говоришь:

„Тамъ, за сяними волнами,
Не памвентъ ли милай мой?”

Иль проотивными въпрами
 Замечень на брегъ чужой?
 Пронесись, шуманъ печальной!
 Возсіяй, луна, свѣплъй!
 Дай взглянуть, въ пучинѣ дальной
 Не видашь ли кораблей?

„Нѣтъ! повсюду мракъ безмолвный,
 И неслышешь гласъ пловцовъ:
 Лишь дробятся съ шумомъ волны
 Вкругъ пустынныхъ береговъ.
 Ихъ унылое плесканье
 Обольщаетъ жадный слухъ;
 Но напрасно ожиданье:
 Не спѣшишь ко мнѣ мой другъ!“

„Для чего въ странѣ далекой
 Медлишь ты, любезный мой?
 Ужь давно пора, жестокой,
 Возвратиться въ край родной!
 Ты довольно жилъ для славы:
 Вспомни о моей любви,
 И оставя мечъ кровавый,
 Для меня теперь живи!“

„Въ цѣломъ мірѣ, какъ въ чужбинѣ,
 Я одна съ поскою своею!
 Гдѣ же милый? . . . знаешь, въ пучинѣ
 Онъ погибъ во цвѣтѣ дней!“

Не парить подъ облаками
 Твнъ Героя моего:
 Въсперъ бурный межъ волнами
 Носить блѣдный шрупъ его!

„Другъ мой! Въ сладкомъ сновидѣнн
 Ты предстань моимъ очамъ;
 Хоть однажды, въ опдаленн,
 Пронесись по небесамъ!
 Подъ завѣсою тумана
 Дай мнѣ образъ милый зрѣть:
 Ждешь тебя пвоя Минвана,
 Чшобъ съ шобою умереть!“

И печальный взоръ склонила
 Дѣва къ сумрачнымъ водамъ.
 Вдругъ шумишь вблизи въприла;
 Волны плещуть къ берегамъ;
 Раздается стонъ пучины,
 Скрытъ снастей въ шуманной мглѣ,
 И пекутъ, какъ исполины,
 Корабли пристапъ къ землѣ.

Вотъ Герой при кликахъ славы
 Сходишь на берегъ родной,
 Зришь знакомыя дубравы —
 И Минвану предъ собой!
 Дѣва шлемъ сняла пернапый
 Съ милаго рукой своей,

И звучать Героя лапы
Тихо на груди у ней!

Позабыта грустьъ разлуки!
Тучи бѣдствій пронеслись!
И веселья шумны звуки
Въ мракъ ночи раздались!
Преклонясь на копья сѣли
Чада брани вокругъ огней;
Барды славу ихъ воспѣли
И Героевъ прежнихъ дней.

А. Крыловъ.

П Ъ С Н Ъ Ш В Е Й Ц А Р Ц А

КЪ ЕГО ВООРУЖЕННОЙ ЛЮБОВНИЦѢ. (*)

Тебя ль я вижу, Ангель мой,
 Въ одеждѣ Бога брани?
 На юной дѣвѣ шлемъ спальной,
 И тяжкій щипъ во длани!

Рядъ длинныхъ, золотыхъ кудрей
 Зефиры развѣвають,
 И въ перьяхъ на главѣ швоей
 Запущавшись, играютъ.

Прелестна грудь и тонкій станъ
 Подъ Марсовымъ уборомъ.
 Увы! все скрыла густой туманъ
 Предъ любопытнымъ взоромъ!

Но вижу ногъ красу своихъ,
 Какъ вихорь окриленныхъ,

(*) Когда Императоръ Албрехтъ осадилъ Цюрихъ, то жени и дочери гражданъ нарядились въ панцири и съ оружіемъ въ рукахъ вышались въ толпы воиновъ. Императоръ, усмращенный многочисленною арміею, отступилъ отъ города.

Доселъ опъ бчей моихъ
Одеждой сокровенныхъ.

Какъ передъ раемъ Херувимъ,
Ты мечь свой обнажаешь;
Ужасно въ гнѣвѣ блещешь имъ,
И молніи бросаешь!

Онъ грозень былъ передъ врагомъ,
Но правымъ не ужасень;
И ты грозишь врагу мечомъ,
А мнѣ — швей взоръ опасень!

Да мимо острый мечь врага
Сверкая пронесется;
Одна Амурова стрѣла
Пусть милой прикоснется!

Бердниковъ.

У В Ъ Щ А Н І Е.

Что ты, Лиза, другъ мой милый,
 Все возводишь взоръ унылый
 Къ небу съ горькою слезой:
 Что же спало, другъ, съ тобой?

Знашь на сердцѣ есть кручина;
 Знашь угрюмая судьбина
 И шебѣ велишь спрадашь,
 Въ жизни счастья не видашь.

Не грусти, мой другъ любезный!
 Не ропщи на вѣкъ желѣзный!
 Участь намъ одна съ тобой:
 Горевать и жить шоской!

Я и горю радъ душою,
 Коль дѣлать могу съ тобою
 Все, другъ милый, пополамъ:
 Наше сердце — радость намъ!

Пусть ужасный рокъ, суровый
 Все сулишь намъ бѣдства новы;
 Не спрашись ихъ, Ангель мой!
 Не одна ты, я съ тобой!

Я съ побой — и все забыло;
Сердце къ радостямъ открыто;
Въ самый люпый скорби часъ
Вдругъ забьешся страшно въ насъ.

Взоръ пвой, грустью омраченный,
Вспрѣшпшь друга взоръ смущенный
И прочтешъ въ душѣ моей:
„Будемъ ждашь счастливыхъ дней!“

Грудь подымешся высоко,
И птяжелый вздохъ, глубокой
Вмѣстѣ съ горемъ улешпшь;
Лучъ блаженства вновь блешпшь!

Я въ воспоргѣ, въ упоеньѣ,
Позабуду огорченье,
Позабуду, что спрадалъ,
Горьки слезы проливалъ!

И тогда счастливѣй впрое
Солнце встрѣчу золотое
Я на птверди голубой,
Въ полной радости съ побой.

Не грусти же, другъ безцѣнный;
Мы съ побой еще блаженны!
На Судьбу ропшашъ намъ грѣхъ:
Въ насъ есть сердце для упѣхъ!

Ал. Дуронѣ.

П Ъ В Е Ц Ъ .

Р О М А Н С Ъ .

„Опъ смертныхъ лепяшь,
 Какъ призракъ шуманный, таби наомажденья;
 Съ собою умчашъ
 Всъ радости сердца, мечты, обольщенья!

„Какъ тяжкѣй свинець,
 Такъ горестъ на бѣдноє сердце наляжешъ.
 Унылый Пѣвецъ!
 Ахъ! кто тебѣ друга въ семь мѣръ покажешъ?

„Кто нынѣ опрешъ
 Несчастнаго слезы рукой соспраданья?
 Чей гласъ призовешъ
 Протекшя быстро восторги, мечпанья?

„Ахъ долголь неспи
 Печальныя жизни тяжелое бремя? ...
 Мѣръ хладнѣй, прости!
 Проспи и маашое весны моеи время!

Родныя древа!
 Въ зной лѣтній Пѣвца вы подъ шѣнь принимали,

И скорби слова

Вы, дикія горы, вокруг повшоряли.

„Проспите на вѣкъ!

Сей вздохъ, сіи слезы я вамъ посвящаю.

Мигъ жизни прошекъ —

И смерти я голодъ призывный внимаю!

„На быспрыхъ крылахъ,

Съ весельемъ занесусь я въ опчизну свящую.

Бросаю во прахъ

Предъ гробомъ опверзшимъ и лиру златую.

„Единственнй другъ!

Всегда ты печали мои услаждала,

И скорбный мой духъ

Оспрадной надеждой безсмертья питала.

„А ты, кѣмъ дышала

Я въ горестной жизни, младая Эльфира!

Я счастья не знала:

Да будешь съ побѣю все радости міра!“...

Умолкъ; тихій звукъ

Дубрава уныло еще дошпорила,

И тихо во кругъ;

Лука чухъ изъ облакъ шуманныхъ свѣшила!

Ө. Бальдауфъ.

КУКУШКА и КРЕСТЬЯНИНЪ.

Басня.

Кукушка крикнула одиножды: куку,
И замолчала.

Крестьянинъ, слыша шо, впалъ въ горе и шоску;
Онъ думалъ, что ему годъ жизни прорекала,
А болѣе ни дня.

Хопъ каждый по пуспу хлопочеть,
Никшо здѣсь умирашь не хочеть.

„Такъ, бѣлый свѣпъ не для меня!“

Мужикъ полкуеть:

„Кукушка даромъ не кукуеть.

Пускай же возитса мной

Съ сохой и бороной!

Коль урожая не дождашься,

Какая нужда мнѣ посѣвомъ занимаешься?“ —

Мужикъ шакъ разсуждалъ,

Работашъ переспалъ

И смерти ждалъ.

Опнесъ пожипки всѣ на рынокъ,

И даже не сберегъ цыпленка для поминокъ!

Все съѣлъ. Проходипъ годъ —

Нѣшь смерти у ворошь.

Проходящъ два: мужикъ не пашеть и не ко-
силь,

Таскается съ сумой и милостыни просить;
А живъ!—Когда прошло пятнадцать ровно лѣтъ,
Крестьянинъ закричалъ: „шаковъ спалъ нынѣ
свѣшь:

Въ кукушкахъ правды нѣтъ!“

Графъ Хвостовъ.

РАЗУМЪ и СЕРДЦЕ.

Твердяшь: пусть разумъ въ насъ слѣпое сердце
водишь.

Какъ часно за слѣпцомъ вожакшай эптошь бро-
дишь!

Соловб.

ЭПИТАФІЯ САМОМУ СЕБѢ.

Не зная счастья, въ безопасности моей
Я прожилъ цѣлый вѣкъ, и вошь моя могила!
Диковинка, что смерть меня не позабыла:
Божусь, что никогда не думалъ я объ ней!

N.

(Помѣщенный въ V книжкѣ Шаррады зна-
чать: первая *вино—градъ*, а вторая: *сол—на*.)

С М Ъ С Ъ.

О Т Е А Т Р Ъ. (*)

Многіе изъ Иностранныхъ и нашихъ Журналовъ занимающся, между прочими къ Словесности принадлежащими предметами, подробнымъ разсмотрѣніемъ Театрального искусства: какимъ образомъ, съ большимъ или меньшимъ просвѣщеніемъ народовъ, оно приближается къ совершенству, или отдаляется отъ степени изящнаго. Не лѣзя опровергать вообще признаннаго достоинства большей части нашихъ Журналовъ, которые, такъ сказать, мадеринскимъ попеченіемъ сохраняющъ плоды Литературы, дабы показать потомкамъ нашимъ періодическій ходъ просвѣщенія, показать какую судьбою науки проникли сквозь туманъ нерадѣнія и невѣжества и взошли на степень уваженія и извѣстности. По сей при-

(*) Прислако изъ Луганскаго Литейнаго завода (въ Екатеринославской Губерніи.)

чѣмъ мы обязаны полною благодарностію Изда-
телямъ Журналовъ за благородное ихъ намѣре-
ніе распространить очищенный вкусъ и по-
ощрить подающихъ надежду Авторовъ къ даль-
нѣйшимъ успѣхамъ на поприщѣ славы. Жур-
налы заслуживаютъ еще нашу признательность
тѣмъ, что занимаясь крипикою театраль-
ныхъ представлений они предохраняютъ имена
Гаррика, Тальмы, Яковлева отъ забвенія. Дре-
внѣе не пренебрегали сего предмета. Даже сла-
вные мужи: Платонъ, Цицеронъ и Авль Геллій
въ своихъ твореніяхъ сохранили для насъ сла-
ву Греческаго Трагика Полуса, Римскаго Росція
и другихъ Актеровъ, отличившихся въ древно-
сти на народныхъ зрѣлищахъ.

Сей предметъ гораздо важнѣе, нежели какъ
воображаютъ о немъ многіе Писатели: крипи-
ческое сужденіе о театрѣ пребудетъ величайша-
го вниманія и справедливости; оно должно ос-
новываться на правилахъ искусства и вкуса;
оно должно имѣть въ виду впечатлѣніе, произ-
водимое представленіемъ въ сердцахъ зрителей,
и Крипику не надобно забывать, какое невы-
годное мнѣніе можетъ заслужить незрѣлое и
скорое сужденіе о достоинствѣ піесы или игрѣ
Актеровъ. Ежели изслѣдуемъ со вниманіемъ
причину, которая побуждала древнихъ Грековъ
и Римлянъ столь много уважать театральное
искусство и стараться о усовершенствованіи
его съ такою заботливостію, что по словамъ

Аристошеля, Правительство взяло оное на собственное попечение; по найдемъ причину сей похвальной бдительности въ неоспоримой истинѣ, что *театръ есть школа нравственности всѣхъ народовъ*. Угнѣшеніе и вмѣстѣ поржество добродѣтели, раскаяніе порока, наказаніе коварства, награда вѣрности, и другіе, частію изъ природы, частію изъ воображенія взятые предметы и удачно на сценѣ представленные, извлекають слезы изъ глазъ нашихъ и наполняютъ сердце сладостнымъ чувствомъ. Всякой изъ зрительей совершенно предавшись представленію, участвуешь душевно въ ономъ, какъ будто бы самъ былъ дѣйствующимъ лицомъ; каждый изъ насъ возвышается чувствами съ Ариспидомъ или Сціпіономъ, и кто не пренецетъ при видѣ Медеи или Калигулы?

Такимъ образомъ вліяніе важнѣйшихъ произведеній искусства на чувства наши основано на свойствѣ человеческого сердца. Мы принимаемъ часто близкое участіе въ радости или злопелучіи другихъ, не только при представленіяхъ, но также и при всякомъ повѣствованіи; гдѣ только дѣйствующія лица находятся въ занимательномъ положеніи. Спрастїи наши возбуждаются не смотря на то, что предметъ часто бываетъ вымышленный или весьма отдаленный отъ насъ. Изображеніе Пріама, Филоклетта, въ Илліадѣ или Софокловой трагедіи извлекаетъ наши слезы. Тацитъ повѣствуетъ о

жестокости нѣкоторыхъ Римскихъ Императоровъ, возбуждаетъ наше негодованіе, не смотря на то, что дѣйствіе ихъ звѣрства произошло почти за двѣ тысячи лѣтъ. Мы ожидаемъ съ нетерпѣніемъ смерти пирана, какъ будто сами поражены злоупотребленіемъ его власти.

Такое участіе зависитъ отъ большаго или меньшаго вниманія, обращаемого нами на представляемый предметъ. Чѣмъ оно сильнѣе, тѣмъ легче мы забываемся и предаемся возбуждаемому впечатлѣнію. Здѣсь являешся въ полномъ блескѣ Геній Акшера! Ему предоставлено право надъ сердцами зришель; онъ долженъ оковать вниманіе наше силою натуральной игры и легкостію декламаціи, избѣгая малѣйшей ошибки, которая можетъ разрушить наше очарованіе.

Весьма понятно, почему Платонъ требуетъ не только отъ Спихотворцевъ, но даже отъ Ритористовъ, следовательно и отъ Акшеровъ, чтобы они были иногда объяты божественнымъ огнемъ (*). Въ самомъ дѣлѣ, посредственный Спихотворецъ, котораго Гораций почитаетъ несноснымъ, гораздо еще терпимѣе можетъ быть нежели посредственный Акшеръ. Объ немъ можно употребить слова Квинтилиана: „Когда онъ не прогаешъ, то бываетъ несмысленъ; ибо лицо, голосъ и вся наружность жалкаго чело-

(*) Plato, in Junone.

вѣка, еспьли она не прогаешъ, производить па-смѣшку. Здѣсь нѣтъ средины: или плачемъ съ нимъ вмѣстѣ, или надъ нимъ смѣемся (*).

Извѣстное мнѣніе Демосеена объ особливои важности въ движеніяхъ и словесномъ произношеніи въ краснорѣчіи, служить преимущественнымъ доказательствомъ въ пользу Актера: ибо что у Орапора главнѣйшее достоинство, то у Актера только часть онаго; почему и самъ Цицеронъ учился декламации у Актера Росція. По сей причинѣ смѣло можно сказать, что должно быть весьма облагодѣшествовану природою и упражнянся неупомимо, однимъ словомъ: надобно родиться Геніемъ для Театра, равно какъ и для Стихопворства (**).

Нѣтъ сомнѣнія, что свойство языка много способствуетъ прогашельности, которой ожидаемъ отъ декламации. Такъ напримѣръ Рускій языкъ въ семъ отношеніи имѣетъ особенное преимущество предъ Французскимъ, гдѣ въ стихахъ выговариваются окончательные слоги и произношеніе больше дѣлается въ носъ;

(*) *Nam et vultus et vox, et illa excitati rei facies Iudibrii etiam plerumque sunt hominibus, quos non permoverunt. Nihil habet ista res medium, sed aut lacrymas meretur aut risum.*

Quintil. Inst. L. VI. c. I.

(**) *Et annos complures sedentes declamitant (говорить Цицеронъ объ Актерахъ своего вѣка) et quotidie, antequam pronuncient vocem cubantes sensim excitant, tandemque cum egerant sedentes, ab acutissimo sono ad gravissimum recipiunt et quasi quondam modo colligunt. Cic. de Orat. lib. 1.*

ошъ чего кажется выговоръ ненаатуральнымъ, а всего ненаатуральнаго должно избѣгать въ представленіяхъ натуральнаго приключенія, и мнѣ кажется, что языкъ *Озерова* или *Хераскова* гораздо поразительнѣе въ дѣйствіи, нежели языкъ *Корнелля* и *Расина*. Италіанскій слишкомъ нѣженъ для трагедіи, и сколько бы *Метастазій* ни старался въ сильныхъ сценахъ загладить недостатокъ крѣпкихъ выраженій мягкими звуками чувствительности, онъ никогда не увѣритъ ослышнаго уха въ огромности Италіанской декламаціи. Нѣмецкій языкъ имѣетъ сію огромность въ наизрешивѣ въ сравненіи съ Италіанскимъ; множество безгласныхъ буквъ и твердыхъ словъ, особливо необходимость членовъ, которые бывають почти непрерывно слышны, дѣлають его весьма неудобнымъ для нѣжныхъ сценъ, и хотя онъ въ повелительныхъ, жестокихъ или Героическихъ выраженіяхъ показывается въ полной красотѣ, но можетъ только возбудить слезы сожалѣнія при представленіи угнѣщенной добродѣтели; напрошаніе любви, или другаго нѣжнаго чувства, въ немъ едвали удачно можетъ быть выражено. Въ Англійскомъ языкѣ, *Шекспиръ* въ своихъ трагедіяхъ недостатковъ нѣжности прикрылъ ужасомъ. *Шиллеръ* подражалъ ему очень удачно. Въ *Гамлетѣ*, *Макбетѣ*, *Валленштейнѣ*, *Донъ Карлосѣ*, выключая нѣкоторыхъ мѣстъ, которыхъ стихотворцы для общей связи піесы не-

могли оставить, находимъ богатый и прелестный языкъ. *Шекспиръ* взываетъ духовъ изъ царства мертвыхъ; *Фурія* и волшебники являющіяся. *Шиллеръ* украшаетъ свои трагедіи военнымъ шумомъ, внезапностію и ужасомъ; зритель блѣднѣетъ и страхъ наполняетъ его душу.

Нѣкоторыя недоспадки языка могутъ иногда быть поправлены искусствомъ модуляціи, то есть гибкимъ произношеніемъ голоса Актера: почему пребудетъся, чѣмъ Актеръ самъ чувствовалъ, или лучше сказать вникалъ бы какъ участвующій, а не представляющій. Авль-Геллій (*) рассказываетъ намъ любопытное приключеніе о Греческомъ Трагикѣ *Полусѣ*. *Полусъ* (*Polus*) долженъ былъ представлять роль *Электры*, оплакивающей смерть своего брата надъ урною, въ которой находился прахъ умершаго. Актеръ незадолго до того потерялъ любимаго сына, и чѣмъ бы возбудишь въ себѣ истинную печаль, поставилъ на сценѣ урну, заключавшую прахъ его. Онъ разыгралъ сію сцену съ такимъ успѣхомъ, что всѣ присутствующіе были сильно пронуты. Разумѣется, чѣмъ такая жертва для искусства не всегда бываетъ прилична, и не вездѣ можетъ быть употребительна; однако она доказываетъ, съ какою проницательностію судили Греки

(*) *Polus lugubri habitu Electrae indutus, urnane sepulcro tulit, filii, et quasi Oristis amplexus, opplevit omnia non simulacris, neque imita mentis, sed luctu atque lamentis veris.*

Aul. Gell. Noct. Attic. L. VII. c. 5.

объ игрѣ Актера, и сколько надобно было познаній и способностей чтобы явисься съ успѣхомъ на поприщѣ Тади.

Изъ сего заключить должно, съ какими трудами и препяпствіями бореться Актеръ, для избѣжанія невыгоднаго сужденія публики, и съ какою опять осторожностію Журналистъ, если не хочеть нарушить справедливости, долженъ предлагать свои сужденія о подобныхъ предметахъ. *Боало* говоритъ: *La critique est aisée, mais l'art est difficile.*

Вопъ примѣръ: Въ *Украинскомъ Вѣстникѣ*, любопытномъ и занимательномъ журналѣ, въ первомъ номерѣ 1819 года, подъ статьёю: *Театръ* помѣщены крипическія замѣчанія, въ коихъ не вездѣ соблюдена истина. Нѣкоторыя ошибки, вкрались, кажется, по недосмотрѣнію Типографщика, и не должны бытъ приписаны Сочинителю; чтожь касается до другихъ выраженій, употребленіе которыхъ хотя и примяно, но не дѣлаеть чести нашему вкусу, то я намѣренъ предложить о нихъ мои сомнѣнія. Напр. въ сей статьѣ сказано: „Изъ Полтавы къ Крещенской ярмонкѣ прибыла сюда труппа, на которой Актеровъ.“ и проч. и проч. Не знаю, употребительно ли еще слово *труппа* на Россійскомъ языкѣ? Французы говорятъ, *un troupe* или *un troupeau de bétailles*, Италіанцы: *una truppa di ladroni*; но съ того времени, какъ суевѣріе и предрасудки исчезли и Актеры поль-

зуются преимуществами и уваженіемъ наравнѣ съ прочими артистами, слово *troupe* (стадо, толпа, шайка), какъ низкое и для сыновъ Талии оскорбительное, совершенно выкинуто изъ употребленія. Нѣмецъ не скажетъ: *Eine Troupe Komedianten*, хотя сіе выраженіе въ журналахъ, изданныхъ въ началѣ и срединѣ прошлаго столѣтія, нерѣдко встрѣчается; нынѣ говорятъ: *Eine Schauspieler Gesellschaft*. Когда нѣсколько собравшихся шутовъ и негодяевъ, подѣ предводительствомъ Паяцо, опличавшагося разноцвѣтными лахмощьями, съ деревяннымъ мечемъ, шатались по малымъ городкамъ и украшали рынки лубошными шалашами, въ то время слово: *труппа* было очень ксшати; Французскій Сатирикъ Скарронъ забавно описалъ подобную труппу; но съ того времени, какъ театръ сдѣлался общимъ увеселеніемъ благороднаго Общества и Актеры не принадлежатъ болѣе къ числу кочующихъ шарлатановъ, (поселику искусство Драматургіи опличается всѣми красотоми изящныхъ искусствъ) то въ Парижѣ говорятъ: *une société théâtrale*, а въ Италіи: *una compagnia di attori*.

Почему бы и намъ не оставили низкаго иностраннаго выраженія: *труппа* и не замѣнили его Рускимъ словомъ: *общество*? По крайней мѣрѣ нѣтъ труппы Ораторовъ, Стихотворцевъ, Живописцевъ, но есть собраніе, сословіе, общество; а у музыкантовъ оркестръ.

Дальше, въ сѣнѣхъ о театрѣ, желаетъ Сочинитель, чтобы зрители не возглашали *форо*. Это справедливо! Я незнаю, что выражаетъ *форо*. Правда, въ Римѣ или Венеціи часто слышишь восклицанія: *фора* (*fuoga!* или *fuogi!* то есть: выйди на сцену) что однако не означаетъ, какъ Г. Сочинитель полагаетъ повторенія наилучшихъ арій, а напрошивъ: употребляется уже по окончаніи пьесы Италіанскимъ Жонъ Буллою, чтобы *вызвать* оплотившагося въ игрѣ Актера; а для повторенія хорошей аріи употребляется продолжительное рукоплесканіе, или партнеръ кричитъ: *Да саро*. Когда же пѣвица по капризамъ, что не рѣдко случается, или упомленная трудностію пассажей, не смотря на пребываніе публики, удаляется со сцены, въ такомъ случаѣ обиженная публика кричитъ: *фора!* (но все не *форо!*) и тогда гордая пѣвица принуждена бываетъ явиться снова и повторять пьесу. Такъ бываетъ это въ Италіи, колыбели нынѣшняго театра, Франціи и Германіи, а въ Харьковѣ — иначе. — *Что городъ, то король!*

Въ сѣнѣхъ о театрѣ между прочимъ сказано: *Актеры должны быть учениками публики*. Не спорю, что Актеръ долженъ иногда нѣсколько ошойши отъ строгихъ правилъ искусства и соглашать игру свою со вкусомъ публики; но спрашиваю: можетъ ли какая публика взять на себя рѣшительно опредѣлить общій вкусъ? Въ Абдерахъ былъ вкусъ, въ Аеинахъ

другой. Актеры суть ученики природы, кою-рой они должны слѣдовать неизмѣнно во всѣхъ отношеніяхъ; рукоплесканіе райка или свиспокъ паршера еще не можешь соспавить или уни-зить славы искуснаго Акшера. Для лучшаго усмопрѣнія бросимъ взглядъ на происхожденіе и цѣль псапра, и Г. Сочинитель вышесказанной спапши, надѣюсь, согласится со мною.

Человѣкъ почувствовалъ пошребность изящ-ныхъ искусствъ съ первымъ шагомъ при пере-ходѣ изъ дикаго состоянія къ общежитію — и музыка, поэзія, живопись и краснорѣчіе про-цвѣшали поспепенно. Люди отъ природы любо-пытны: какъ охотно собирается толпа наро-да вездѣ, гдѣ только есть случай увидѣть что-нибудь необыкновенное! Сначала зрителя при-водитъ одно любопытство, но онъ всегда берешъ живое участіе при видѣ радости или пе-чали. Изящность употребила сіе любопытство къ сооруженію новаго искусства. Нашлися люди бывшіе въ сраженіяхъ свидѣтелями храброспи, подвиговъ и смерпи своихъ Полководцевъ; воз-вращаясь они воспоминали о прошедшемъ и въ кругу своего семейства, или и цѣлаго селенія, иногда рассказывали изустно, иногда же предста-вляли пѣлодвиженіями, видѣнными ими произше-ствія. Одни сочиняли пѣсни въ похвалу Героевъ, другіе ихъ пѣли, а претъи представляли панто-минами то, что видѣли, спараясь недоспапокъ историческихъ свидѣтельствъ дополнишь во-

ображеніемъ. Тогда еще всѣ при сіи искусства: музыка, поэзія и паншомима, были нераздѣльны, и дѣйствовали вмѣстѣ; но въ продолженіи времени люди достигая совершенства, занимались каждый какою нибудь одною частію предочпительно: тогда составили правила, и изящныя искусства явились въ полномъ блескѣ; къ Мимикѣ присовокупилося Краснорѣчіе, и вопгь начало Драмашургіи.

Чѣмъ болѣе распросшранялись общества, тѣмъ болѣе увеличивались ихъ дѣятельность и кругъ ихъ дѣйствій, тѣмъ болѣе воспламенялся духъ челоѡвка спрасптію вникашь въ предметы; бездѣйствіе ума ему было прошивно, какъ свойство челоѡвка въ дикомъ состояніи. Когда же челоѡкъ, знакомясь съ нравственностію и изящнымъ, привыкъ быть постоянно занятымъ, тогда онъ спарался образовашь внутрення свои способности. Это возвышало его разумъ и чувство, увеличивало силу воображенія и такимъ образомъ умножало предметы его занятій и способы. — Чашо случается, что люди воспитанные въ уединеніи получаютъ наклонность къ безпечности, шупоумію и нерадѣнію, и даже дѣлаются нелюдимы; шоже произходишь и съ цѣлыми народами, если они остаются въ состояніи недѣятельности. Пищу дѣятельности могутъ доставлять только два средства: первое — *работа*, второе *забава*. Къ работѣ челоѡкъ склоняется нуждою; но

упомненный прудами онъ ищетъ разсвѣнія въ кругу своего семейства, или по склонности къ разнообразію въ большемъ собраніи себѣ подобныхъ. Тамъ встрѣчаются скупецъ, чудакъ, дерзкій, мрачный и другіе необыкновенные характеры. Весельчакъ въ ихъ описаніи, а иногда и въ присутствіи для исправленія шутя ихъ передразнивалъ; зрители это занимало; нѣкоторые прислаивали къ забавнику и вмѣстѣ съ нимъ представляли какое нибудь смѣшное приключеніе. Такимъ образомъ родилась комедія, а съ пѣмъ вмѣстѣ явились люди, которые старались усовершенствоваться въ такихъ представленіяхъ для снисканія себѣ симъ средствомъ пропитанія. Но какія бы ни были представлены приключенія, онѣ всегда должны быть почерпнуты изъ природы, или сходствовати съ нею, ежели сотворены воображеніемъ: поелику невѣроятное не можешь дѣйствовать на человеческое сердце. Обычай, нравы, черты добродѣтели или порока, иногда нѣкоторые лица, какъ по: Паспухъ, Герой, Тиранъ, украшенные Мифологіей,—вопть предметы представленія, которые бывъ въ соединеніи съ правилами изящности и приличія, составили искусство Драматургіи.

Вскорѣ такія упражненія сдѣлались всеобщими и употреблялись при всякомъ торжественномъ случаѣ. Народопривителіи видя сильное вліяніе представленій на душу зрителей, сочи-

ихъ удобными къ исправленію нравовъ и возбужденію благородныхъ чувствованій. Они спарались придашь имъ болѣе блеску и важности. Греческія республики соревновали между собою въ совершенствѣ театральныхъ увеселеній. Явились Есхиль, Софокль, Еврипидъ, Аристофанъ, и сомнѣніе, споспѣшествовала ли Театръ къ образованію просвѣщенныхъ Грековъ, исчезло. Римляне подражали Грекамъ: Теренцій, Плавтъ и Сенека были идолы своего времени, и мы еще по нынѣ читаемъ съ уваженіемъ оспатки древней Драматургіи. Вотъ начало, ходъ и цѣль Театрального искусства.

Я слишкомъ распространился въ моемъ замѣчаніи, но могъ бы еще много сказать въ доказательство того, что публика мало способна быть учителемъ Актеровъ; тѣмъ больше, что она сама является въ Театрѣ, дабы жертвовать своею чувствительностію, и следовательно не даетъ, а принимаетъ нравоученіе. Театръ есть, или былъ по крайней мѣрѣ во время цвѣтущей Греціи, зеркаломъ, гдѣ всякой могъ узнать свои пороки; почему главнѣйшій онаго предметъ былъ извѣстное: *познай самого себя*.

Разумѣется, что Правительство строго должно наблюдать, дабы двусмысленные или дурные піесы не являлись на сцену, ибо человѣкъ переимчивый къ впечатлѣнію добродѣтели, легко привыкаетъ также заимствовать примѣры порока. *Зулцеръ* говоритъ, что явные и пре-

зрительные пороки представляемы были же неосторожности на театрѣ подѣ видомъ веселости, такъ что нѣкоторые изъ зрителей вмѣсто чувства негодованія, заманивались въ сѣни мерзостей. Въ Лондонѣ давали часто Комическую оперу *The Beddares* гдѣ характеръ и родъ жизни распущнѣйшихъ разбойниковъ весьма забавно были представлены: многіе изъ зрителей плѣняясь симъ образомъ жизни прямо изъ театра присоединялись къ шайкѣ разбойниковъ; жестокство несчастныхъ кончало свою жизнь на висѣлицѣ, которые въ допросахъ показывали, что Опера *The Beddares* служила главнѣйшимъ побужденіемъ къ ихъ преступленію; а потому пѣса сія, какъ вредная для нравственности, строго была запрещена Парламентскимъ актомъ.

Въ другомъ мѣстѣ разсматриваемой мною статьи о театрѣ, помѣщены объ оперѣ слѣдующія слова: „можноли на примѣръ видѣвши „сто разъ *Рѣдкую вещь*, не пойми во сто первой послушать неподражаемой музыки Херубини? Здѣсь играли также и *Водовоза*. Но Херубини, кажется, истощился надъ *Рѣдкую вещь*, или учился только музыкѣ надъ *Водовозомъ*.“

Ne sutor ultra crepidam. Какое странное и несправедливое сужденіе! Для безошибочнаго сужденія объ оперѣ нужно не только знаніе правилъ Драматургій, но должно, если небыть самому музыкантомъ, по крайней мѣрѣ имѣти ясное понятіе о музыкѣ и обязанностяхъ му-

выкальныхъ сочинителей. Какъ не все золото, что блеснишь, такъ и не всякая музыка хороша, пошому только, что неопытное ухо ее одобряетъ. Большая часть публики слушая оперу, весьма мало заботится о правильности сочиненія; Авторъ смѣло можешь погрѣшать: предъ знакокомъ только ошибки не скрывающся. Начинается пріятная арія; прекрасная актриса поетъ ее, и сердца слушателей въ лжахъ, въ партерѣ — шають отъ удовольствія; рукоплесканія пребують повторенія аріи, вездѣ слышишь: прекрасно! превосходно! форусъ! фора! форумъ! Сія слова дѣлаются для піэсы грамотою на достоинство; всякой возвращается домой, восхищаясь слышанною арією; въ короткомъ времени путешествуешь она изъ дому въ домъ, переложенная на фортепiano; молодой щеголь жузжитъ ее безпрестанно на улицѣ и въ обществѣ, и такимъ образомъ одна удачная арія помѣщаетъ иногда цѣлую оперу въ число лучшихъ сочиненій, какъ бы дурно она ни была расположена: голосъ знапока умолкаетъ при общемъ шумѣ легковѣрія. Тоже почти можно сказать о *Рѣдкой вещи*, копорую, незнаю какую судьбою, Г. Сочинитель снахъи о пеатрѣ приписываетъ Херубини. Еще Херубини не было на свѣтѣ, какъ уже сія опера спранспновала по Италіанскимъ и Нѣмецкимъ Театрамъ. *Cosa rara* или *Рѣдкал вещь* одолжена своимъ бытіемъ извѣстному и еще въ половинѣ 18

сподѣшя жившему Священнику Винценту Мар-
 шини, извѣстному въ Ипадіи подѣ именемъ *Ra-
 dre Martini*, который въ погдашнее время про-
 славился своими сочиненіями, и справедливо за-
 служиваетъ признательность любителей музы-
 ки за спараніе возвысить оперу. Лучшимъ до-
 казательствомъ древности сей оперы можетъ
 служить то, что въ Пармшурѣ Валдгорны
 написаны еще въ дискантовомъ ключѣ, но сіе
 по неудобству давно уже вышло изъ употре-
 бленія, и Капельмейстеръ Кайшанелло въ Падуѣ
 положилъ ихъ на скрипичный ключъ. *Рѣдкая
 вещь* въ свое время была точно рѣдкою, въ
 сравненіи съ упоминательными піесами, которы-
 ми погда щеголяли театры Ипаліанскіе; но
 нынѣ она вещь весьма *обыкновенная*. Она стоить
 на равнѣ съ операми: *Gl'inganni felici, il Perser,*
Apollo geloso, gli amici, и другими сочиненіями
*Петра Албергата, Карла Колтеллини, Жювана
 Данпугнани* и прочихъ. Содержаніе ея весьма
 обыкновенное и свойственное погдашнему Ипа-
 ліанскому вкусу. Увершюръ, въ которомъ му-
 зыкальному сочинителю представляется об-
 ширное поле къ показанію своего искусства, есть
 легкая симфонія: Авшоръ въ ней далѣе квин-
 тпнаго перехода не отваживается пускаться;
 она во всѣхъ отношеніяхъ носитъ на себѣ
 печать первоначальнаго спаранія опойши опъ
 посредственнаго, недостигая однакожь до совер-
 твенства нынѣшней музыки, рачительнаго произ-

*

веденія геніевъ, послѣ родившихся, которые трудились надъ ея улучшеніемъ цѣлыя полустолѣтія. Ни одинъ знаменитый хоръ или речитативъ не отличаетъ сію оперету. Удачный дуэтъ, и первый хоръ, которые ее споль прославили; суть изрядные и пріятные піесы, но немогутъ еще дать полного достоинства всей оперетѣ. Безпрерывныя повторенія, кадансъ за кадансомъ, неукрашенные никакими неожиданными переходами, которые на знапока споль сильно дѣйствуютъ; впрочемъ музыка пріятна — въ легкомъ, шупливомъ слогѣ, со спрогимъ наблюденіемъ правилъ композиціи: вопъ характеръ *Рѣдкой вещи!* Однако взявъ въ соображеніе, что таковъ былъ тогдашній вкусъ, что музыка начинала сполько возвышаться на ту спепень, на которой нынѣ находишься. *Cosa rara* заслуживаетъ вниманіе и ее можно всегда слышать съ удовольствіемъ, сполько не возлѣ *Водопада*, ибо тамъ она будеть занимать мѣсто, какое занималъ бы пріятный ландшафтъ Диприха подлѣ огромной Афинской школы Рафаеля.

И Херубини истощился надъ Рѣдкою вещию! Херубини — сей великій мужъ, сей соревнователь Паизиелла, Чимароза, Моцарта, Глука и Пера, сей творецъ Лодонски, Фаняски, Меден и другихъ неподражаемыхъ оперъ, который споль удачно соединилъ Италіанскую пріятность и Французскую ловкость съ Нѣмецкимъ искусствомъ, сей Геній, котораго споль цѣнитъ Па-

рижъ, Лондонъ, Вѣна, Петербургъ, Херубини
испоцился надъ Марпиновой Рѣдкою вещью!
И гдѣ же? въ Харьковѣ! *Risum tenetis amici.*

Водовозъ (Les deux Journées) есть классическое произведение неупомимаго воображенія Херубини: оно не есть, подобно Рѣдкой вещи, *opéra buffa*, но музыкальная драма, которую Итальянцы называютъ *Mezz carattere*; поелику она содержитъ середину между *opéra buffa* и *opéra seria*, какъ на примѣръ *Донъ Жуанъ*, *Моцарта*. Самое содержаніе, благородное, занимательное и кляющееся къ нравственной цѣли, заслуживало бытъ украшеннымъ звуками музыки Херубини. Я слышалъ сію оперу въ разныхъ столицахъ и въ С. Петербургѣ въ 1816 году, и всегда съ новымъ восхищеніемъ открывалъ въ ней новыя красоты. Просвѣщенная публика вездѣ приняла сіе удачное твореніе музыкальной драматургіи съ справедливою похвалою. Въ столицахъ я нѣсколько разъ слышалъ отъ лучшихъ знашковыхъ, что Херубини *исчерпалъ искусство* — но увы! въ Харьковѣ онъ испоцился надъ рѣдкою вещью!!! И точно должно пому вѣришь, ибо въ Харьковѣ намѣсто прекраснѣйшаго увертюра *Водовоза* при представленіи сей піесы играли Моцартовъ увертюрь изъ *Волшебной Флейты*, который хотя въ своемъ родѣ единственныи, но совѣтъ другаго характера, нежели увертюрь Херубини, равно какъ и самая опера; потому подозреваю, *не испоцился ли оркестръ на Е дурномъ шонѣ*,

который разумеется гораздо шверже и труднѣе нежели *Es durr* въ волшебной флейшѣ, или можетъ быть не нащли ли прошивнымъ вкусу высокое пареніе сего увертюра, въ коемъ пакъ удачно превосходишь Херубини своихъ соперниковъ? Какъ бы по нибыло, Оркестръ не удостоилъ сей увертюры своего вниманія, вѣроятно потому, что онъ не *рѣдка*, а *трудная* вещь.

! Кто имѣеть хотя малѣйшее понятіе объ искусствѣ музыки, тотъ сознается, что *Водовозъ* стоитъ на одной линіи съ лучшими операми, какъ то: *Армидою*, *Орфеемъ*, *Гораціями* и *Курраціями* и т. п. Всякой эпизодъ составляетъ образецъ красноты; все цѣлое и каждая часть опидѣльно, равно превосходны; всегда съ равною силою, какъ Горацій говоришь о Пиндаровой одѣ, изобиліе искусства отъ начала до конца струится; тамъ нѣтъ посредственности: Арии, дуэты, терцеты и хоры блестятъ одно предъ другимъ; военный маршъ на заспавъ ни съ чѣмъ не можетъ быть сравненъ, модуляція въ разныхъ тонахъ, новые переходы со всѣми правилами нѣжности мелодіи и полноты гармоніи, строжайшее соблюденіе хорактеровъ (какъ на примѣръ кларнетное *solo*, гдѣ крестьянка плачетъ, что неможетъ быть на брашнинной свадьбѣ) однимъ словомъ, все, что принадлежитъ къ совершенству оперы, находится въ *Водовозѣ*. Весьма желательна, чтобы Херу-

бини или другіе, ему подобные музыкальные писатели, почаще такимъ образомъ испощали искусство свое и обучались музыкѣ: тогда можно будетъ обойтись безъ *Рядкой вещи*, и восхищаться превосходнѣйшими произведеніями изящной музыки нынѣшнихъ времянь.

де Кальсе.

Н Ъ Ч Т О О Л А Р И В Ъ .

Извѣстный Актеръ Ларивъ, который на сценѣ Французской Мельпомены наследовалъ роли и славу Лекеня, въ спарости своей издалъ *Курсъ Декламации*, книгу полезную не для однихъ пишомцевъ и любителей Театра, но достойную быть въ рукахъ каждаго Лишерапора. Въ изложеніи качествъ, Актеру необходимыхъ, онъ истинный Арписишь; на счетъ нравственности, строгъ къ самому себѣ и другимъ, а въ требованіи дарованій и трудовъ отъ вступающаго на сцену посредственности имъ не пернима. Въ Драмаическомъ искусствѣ успѣхи зависяшъ отъ близкаго подражанія Природѣ: безъ познанія человеческого сердца нельзя быть Драмаическимъ Авторомъ; нельзя и цѣнишь и понимать образцовыхъ произведеній сего рода. На семъ познаніи Ларивъ основалъ свое образованіе, свои успѣхи, свою славу. Въ книгѣ его, на каждой страницѣ видѣнь опытный мудрецъ, который съ проницательностію разсматриваетъ человѣка во всѣхъ отношеніяхъ, его чувства, способности, слабости, страсти и

различныя движенія духа. Родъ жизни и искусство Ларива преобладали дѣятельности, и онъ не губилъ времени въ хаосѣ системъ и фоліантовъ; школою служилъ ему свѣтъ, собственное сердце и опытъ. Поэтому его описанія блестящія сильными чертами и живостию красокъ, оплеченными признаками картинъ, писанными съ природы.

Для подкрѣпленія предлагаемыхъ мыслей и правилъ, онъ часто приводитъ примѣры, почерпнушыя большею частію изъ собственной его жизни. Мы помещаемъ здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ для удовольствія читателей. Начнемъ анекдотомъ, въ которомъ Авторъ показываетъ силу ужаса, и какимъ образомъ воспоминанія способствуютъ Актеру выражать различныя чувства.

I.

„Въ молодости моей — (считаю должнымъ предупредить васъ, Милостивые Государи, что для сохраненія истины, я принужденъ большую часть примѣровъ заимствовать изъ собственной жизни и по неволѣ говорить о самомъ себѣ; надѣюсь, что для подобной цѣли вы меня въ помѣ извините) — въ молодости моей случилось мнѣ ѣхать обратнымъ путемъ изъ Рошели въ Парижъ. Карета попала въ ступоръ, шажала и препрысая: мы шажались съ ноги на ногу. Наскучивъ непрерывнымъ качаньемъ и полчками, я рѣшился идти пѣшкомъ. Къ ночи до

шелъ я въ Орлеанской лѣсѣ, оставя экипажъ съ мною назади. Миѣ пришли на умъ всѣ ужасы, которые рассказываютъ о разбойникахъ сего лѣса; воображеніе мое воспламенилось, и я ожидалъ что меня постигнешь непременно какая нибудь бѣда. Страхъ мой достигъ того, что я съ напряженіемъ простиралъ взоры по дорогѣ такъ далеко, какъ только возможно при лучахъ мѣсяца, покрышаго облаками: вдругъ вправо показался миѣ человекъ съ ружьемъ, который прямо въ меня прицѣлывался; я остано- вился, обнажилъ шпагу и закричавъ разбойнику, чпобы онъ не мѣшалъ миѣ идти, бросился на него—и споткнулся на груду камней, которыхъ прежде не замѣтилъ. Шпага переломилась, я упалъ; холодной потъ выступилъ на лицѣ моемъ. Пришедъ въ чувство, я всталъ и оглядѣвшись кругомъ, ничего не нашелъ, кромѣ гнилаго пня, на которомъ остался одинъ только старый сукъ: онъ-то показался миѣ ружьемъ. Испугъ былъ такъ силенъ, что опыскавъ свою шляпу и надѣвая на голову, почувствовалъ я довольно сильную боль; изъ чего я узналъ, что волосы могутъ подниматься дыбомъ. Одной минутой мой цѣлый составъ былъ распроеенъ такъ, что нѣсколько времени я терпѣлъ во всѣхъ членахъ боль и едва могъ продолжать путь. Сей урокъ ужаса не былъ для меня поперянь и часно съ успѣхомъ я переносилъ его на сцену. Думаю, что безъ шаго произшествія, я бы не

умѣлъ выражать страха съ должнымъ правдоподобіемъ.“

2.

„Назадъ тому лѣтъ пятнадцать, и мѣсяць спуся послѣ игранный мною роли Орозмана, объѣзжалъ я въ Новый годъ по обыкновенію съ визитами. Слѣдуя въ одеждѣ погдашнему вкусу, вздумалъ я купить себѣ спальную цѣпочку. Я увидѣлъ богатую подобными вещами лавку и велѣлъ предъ нею оспановиться. Вхожу и спрашиваю у бывшей тамъ женщины часовыхъ цѣпочекъ. Слушая меня, она удивляется, обращается ко мнѣ и не отвѣчая ни слова, смотритъ на меня изумленными глазами. Я гораздо громче повторилъ ей свой вопросъ: нѣтъ отвѣта! Я потерялъ терпѣніе и гошовъ уже былъ осердился, какъ она прервала молчаніе. „Ахъ, Боже мой! Какъ это удивительно!“— Чшо такое? что я у васъ спрашиваю цѣпочекъ, которыми вы торгуете!— „Ахъ, сударь! извините; но у васъ такой необыкновенной голосъ, что я не въ силахъ скрыть моего изумленія.“— По чести, сударыня, если кто изъ насъ въ правѣ удивляться, то кажется я: въ голосѣ моемъ нѣтъ ничего необыкновеннаго, и опъ васъ первыхъ слышу я шакое странное привѣтствіе.— „Государь мой! ради Бога, скажите мнѣ, кто вы шакovy, и все, что у меня въ лавкѣ, къ вашимъ услугамъ.“ Не желая угождать ея нескромному любопытству, я хотѣлъ выдти, но

она удержала меня за руку и продолжала свои просьбы такъ убѣдительно, что я не могъ долѣе проповитаться. „Меня зовушь Ларивомъ: я играю въ прагедінкь.“ Едва я ей сказала мое имя, какъ она обхватила мнѣ обѣими руками голову, вскричавъ: „Несчастный, такъ ты убилъ Заиру!“ Судите о моемъ изумленіи; я не знала, сердиться ли мнѣ или благодарить ее. Въ этомъ сомнѣніи я опъ нее вырвался и спѣшилъ въ свою карету. И опшуда еще я слышала, какъ она съ поднятыми руками повсоряла: „Боже, Боже мой! Кто бы это подумалъ?“

М. Се—нъ.

ЗАПИСКИ ОБЩЕСТВА.

1.

Сего Іюня въ 16 день Общество имѣло, согласно съ § 99 первой части Устава своего, *Полугодичное* Собраніе, въ которомъ читанъ былъ Отчетъ за первую половину текущаго года о всѣхъ дѣйствіяхъ, ученыхъ занятіяхъ и о суммахъ сего Сословія, воступившихъ отъ преномераторъ и пожертвованныхъ на благошвореніе.

2.

Въ семь Засѣданій, на основаніи § 46 первой части Устава, избраны по большинству баловъ на вторую половину сего года Гг. Дѣйствительные Члены въ слѣдующія должностіи по Обществу:

Предсѣдателемъ **Ф. Н. Глинка.**

Помощникомъ Предсѣдателя **А. Е. Ирмайловъ.**

Цензорами:

Прозы **О. О. Папковичъ.**

Повзѣи **А. А. Крыловъ.**

Вибліографіи **А. П. Гевличъ.**

Секретаремъ Общества **А. А. Никишинъ.**

Секретаремъ Цензуры и Членомъ Цензурнаго

Комитета **М. М. Сонинъ.**

Вибліотекаремъ **И. Д. Боровковъ.**

Казначеемъ **И. И. Ильинъ.**

Исполнителемъ **Ал. К. Дуропъ.**

Членами Цензурнаго Комитета:

Ал. К. Дуропъ.

Н. И. Розенмейеръ.

Графъ Д. И. Хвостовъ.

3.

Общество разсмотрѣвъ изданную **Г. Членомъ** Сопрудникомъ **Я. О. Пожарскимъ** книгу, подъ названіемъ: *Слово о полку Игоря Святославича, удѣльнаго Князя Новгорода Сѣверскаго*, и найдя въ переложеніи семь сохраненными слова подлинника и ихъ порядокъ, а въ примѣчаніяхъ къ сему переложенію внимательное изслѣдованіе и на опытности основанныя сужденія, въ воздаяніе ревности его къ чести сего Сословія и заслугъ опечествленному слову, доказанныхъ имъ **Г. Пожарскимъ** изданіемъ сей полезной книги, — Опредѣлило произвестъ его на основаніи §. §. 26 и 37 первой части Устава въ Дѣйствиельные Члены свои.

Общество, сообразно съ §. 22 второй части Устава, изъявляетъ благодарность за пожертвованіе, для благошворной цѣли поступившее при подпискѣ на журналъ ошъ Его Высокоблагородія Павла Григорьевича Щепочкина 20 руб.

Сверхъ того прислано излишнихъ ошъ Славеносербскаго Уѣзднаго Предводителя дворянства Г. Подполковника Вуича при подпискѣ на журналъ 3 руб.

Деньги сіи причислены къ суммѣ, опредѣленной на благошворенія и упошребляющіяся вмѣстѣ съ другими приношеніями, согласно съ цѣлію Общества, на вспоможеніе немущимъ ученымъ и семействамъ ихъ.

5.

Изъ пожертвованныхъ на благошвореніе суммъ, Общество, на основаніи §. 15 второй части Устава, сдѣлало пособія нижеслѣдующимъ лицамъ:

1. Извѣстному Писателю Г. Типулярному Совѣтнику А. К. М. у — 150 руб.
Въ Сибирскѣ.

2. Г. Типулярному Совѣтнику, Гравѣру М. Ф. у 50 руб. *сторично.* (смотри въ книжку сего журнала.)

По существу §. 105 первой части Устава одинъ мѣсяць назначается для отдохновенія; почему Засѣданія Общества опложены до 21 Июля, съ котораго времени начнутся оныя во вновь нанятомъ снмъ Сословіемъ домѣ подъ № 254, сеспомощемъ 3 Адмиралтейской части, въ 4 кварталѣ на Вознесенской улицѣ.

ИМЕНА МЪСТЪ и ОСОБЪ,

благоволившихъ подписаться на сей журналъ.

Въ С. Петербургѣ:

Совѣтъ Путьей Сообщенія 2 экз.

Адмиралшейскій Департаментъ.

Департаментъ Министерства Полиціи.

Его Высокопреосвященство Антоній, Архіепископъ Ярославскій и Ростовскій.

Ихъ Сіятельствва:

Графъ Николай Петровичъ Румянцовъ.

Князь Павелъ Гавриловичъ Гагаринъ.

Графъ Туринъ.

Ихъ Превосходительства:

Никиша Васильевичъ Арсеньевъ.

. Ададуровъ.

. Вельяшевъ.

. Демидовъ.

Ихъ Высокоблагородія:

Александръ Дмитріевичъ Чершковъ.

. Солодовниковъ.

Алексѣй Ивановичъ Яковлевъ.

Ихъ Благородія:

Николай Емельяновичъ Чоблоковъ.

. Майевъ.

Купцы:

Смолинъ.

Сизовъ.

Пономаревъ.

Въ Москвѣ:

Газетная Экспедиція.

Английскій Клубъ.

Его Сіятельству Графъ Сергій Михайловичъ Каменскій.

Его Превосходительство К. Я. Булгаковъ.

Купецъ О. Л. Свѣшниковъ.

Въ Калугѣ:

Аптекарь Петръ Андреевичъ Рудольфъ.

Купцы:

Яковъ Билибинъ.

Василій Торубаевъ.

Алексѣй Лебедевъ. на полгода.

Въ Твери:

Его Сіятельству Князь П. П. Лопухинъ.

Въ Смоленскѣ:

Его Высокоблагородіе Темировъ.

Его Благородіе Андрей Андреевичъ Ивановскій.

Въ Петрозаводскѣ:

Его Высокородіе Степанъ Александръ Башинскій.

Въ Одессѣ:

Ришельёвскій Лицей.

*Въ Витебскѣ:*Его Королевское Высочество Герцогъ Александръ
Виршембергскій.*Ихъ Превосходительства:*

. Чорба.

. Заварикинъ.

Ихъ Высокоблагородіа:

Карль Ивановичъ фонъ Гибенпаль.

. Шубинь.

Въ Перми:

Его Высокородіе Федоръ Христофоровичъ Граль.

Ихъ Высокоблагородіа:

Петръ Михайловичъ Васильевъ.

Семень Ивановичъ Барановъ.

Ихъ Благородіа:

Павель Гавриловичъ Свѣдомской.

Гаврило Ивановичъ Сорокинъ.

Алексѣй Федоровичъ Кузнецовъ.

Левъ Ивановичъ Ослоповскій.

Повѣренныя:

Я. Г. Волеговъ.

. . . Ежовъ.

. . . Насѣдкинъ.

Въ Иркутскѣ:

Его Высокоблагородіе Волошиновъ.

Въ Екатеринославль:

Ихъ Высокоблагородіа:

. Вуичъ.

. Чернявской.

Его Благородіе И. И. Пеперсонъ.

Въ Вяткѣ:

Его Превосходительснво Павель Михайловичъ
Добринскій.

Его Высокоблагородіе Жмакинъ.

Спаскаго Собора Священно-церковно служители.

Въ Псковѣ :

Его Высокоблагородіе Горожанской.

Въ Архангельскѣ:

Губернская Гимназія.

Его Благородіе Шшуцеръ.

Въ Харьковѣ:

Тамошній Университетъ.

Губернская Гимназія.

Въ Казани:

Его Высокоблагородіе Пешрь Сергеевичъ Кондыревъ.

Его Благородіе Пешрь Андреевичъ Сыромятниковъ.

Газетная Экспедиція на полгода.

Въ Пензѣ.

Его Превосходительство Михайло Михайловичъ Сперанскій.

Въ Курскѣ:

Газетная Экспедиція. одинъ год. и одинъ полугод.

Въ Черниговѣ:

Газетная Экспедиція 14 экземпль.

Въ Херсонѣ:

Его Сіяшество Графъ Сент-При.

Въ Могилевѣ:

Его Высокопревосходительство Баронъ Сакенъ.

Въ Сызрани:

Ея Превосходительство Марья Ивановна Амбранцова.

Въ Новомиргородѣ:

Его Превосходительство Алексѣй Петровичъ Орловъ.

Въ Маладышѣ:

Его Высокоблагородіе Николай Семеновичъ Афанасьевъ.

Въ Старой Русѣ:

Ихъ Высокоблагородія:

В. А. Акчечевъ.

П. И. Бороздинъ.

Въ Александріи:

Ея Благородіе Бржеская.

Въ Арзамасѣ:

Ея Благородіе Бушорлина.

Въ Кинешмѣ:

Д. Бологовской.

Въ Можайскѣ:

Его Благородіе Озеровъ.

Въ Дмитровскѣ:

Его Благородіе Каминскій.

Въ Торопцѣ:

Его Высокоблагородіе П. П. Карауловъ.

Въ Тифлисѣ:

Полевая Провіантская Коммиссія отдѣленнаго Грузинскаго корпуса.

Въ Барнаулѣ:

Заводская Кантора.

Въ Золотоншѣ.

Ея Высочество С. . С. . . . Краснокутская.

Въ Бѣлолѣ.

Его Высокоблагородіе Воеводской.

*Въ Новоржевѣ:*Ея Высшкоблагородіе Ксенія Кипріяновна Ви-
скованова,Ея Благородіе Кашерина Александровна Ви-
скованова.*Во Ржевѣ.*

Ея Высокоблагородіе О. . . Н. . . Воейкова,

Въ Черкасскѣ.

Его Превосходительство Власовъ.

Его Высокоблагородіе А. Машлыкинъ,

Въ Дмитріевѣ.

Его Высокоблагородіе В. Викторовъ,

Въ Гадячѣ.

Его Высокородіе Воиновъ.

Въ Переяславлѣ.

Его Благородіе Пепръ Ивановичъ Степановъ.

Въ Болховѣ.

Ея Превосходительство Т. В. Грохольская.

Въ Бугульмѣ.

Его Высокоблагородіе Глазовъ.

Въ Верхнеудинскѣ.

Ихъ Высокоблагородія:

. Гедершпромъ.

. Красильниковъ.

. Сахаровъ.

Его Благородіе Липвиновъ.

Въ Ельнѣ.

Его Высоблагородіе Иванъ Михайловичъ Гедеоновъ.

Въ Николаевѣ.

Черноморское Депо-Карпъ.

Въ Вознесенскѣ.

П. . . . Ф. Домбровский.

Въ Острогожскѣ.

Его Превосходительство Ершовъ.

Въ Симферополѣ.

Его Превосходительство Жегулинъ.

Въ Гжатскѣ.

Коммерціи Совѣтникъ Иванъ Федоровичъ Цере-
випиновъ.

Купецъ Иванъ Козмичъ Жуковъ.

Въ Щиграхъ.

Его Высокородіе Александръ Ивановичъ Рикардъ.

Его Высокоблагородіе Степанъ Александровичъ
Исаковъ.

Въ Старомъ Осколѣ.

Ея Превосходительство Каперина Михайловна
Исакова.

Въ Пошхонѣ.

Его Превосходительство Я. И. Лихачовъ.

Въ Звенигородѣ.

Ихъ Высокоблагородіа:

Иванъ Григорьевичъ Морозовъ.

Василій Пропоповъ.

Александръ Скальковской;

Тимофей Суходубовской;

Анастасья Морозова.

Въ Тульчинѣ.

Его Благородіе Михаловскій.

Въ Таганрогъ.

Городовой Магистратъ 2 экз.

Ихъ Высокоблагородія :

. Македонской.

. Соляниковъ.

Въ Новгородъ Сѣверскомъ.

Его Благородіе К. А. Моисѣевъ.

*Въ Нерехтѣ.*Его Высокоблагородіе Александръ Андреевичъ
Нечаевъ.*Въ Лебедячѣ.*

Ихъ Высокоблагородія :

Петръ Ивановичъ Миклашевской.

. Самойловъ.

Его Благородіе Николай Степановичъ Романовъ.

Въ Ладейномъ Полѣ.

Его Высокоблагородіе Н. Н. Нордшпейнъ.

Въ Мценскѣ.

Его Высокоблагородіе Нельде.

Въ Елисаветградѣ.

Его Высокоблагородіе Нотгельферъ.

Въ Липовцѣ.

Его Благородіе Павловъ.

Въ Шуѣ.

Его Высокоблагородіе Пошемкинъ.

Въ Екатеринбургѣ.

Его Благородіе Селянинъ.

Въ Тетюшѣ.

Тамошнее Уѣздное Училище.

Въ Мосальскѣ.

Его Превосходительство М. А. Хлюстинъ.

Въ Рязскѣ.

Его Высокоблагородіе Баронъ Павелъ Исаевичъ
Шафировъ.

Въ Константиноградѣ.

Его Высокоблагородіе Владиміръ Ивановичъ Чер-
новъ.

Въ Юхновѣ.

Его Высокоблагородіе Павелъ Григорьевичъ Ще-
почкинъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

ШЕСТОЙ ЧАСТИ.

ПРОЗА:	Стр.
Зиновій Богданъ Хмельницкій, или освобожденная Мадороссія	1. 237.
О священныхъ пѣсняхъ или гимнахъ (изъ Томаса)	27.
Нѣкоторыя мысли о сущности Басни	35.
Отрывокъ изъ сочиненій Гумбольдта о физономіи растѣній	49.
Объ Арабской литературы и о языкѣ	59.
Письмо Наслѣднаго Принца Шведскаго къ Барону Зедергельму	123.
Извлеченіе изъ путешествія въ южную Африку Дж. Кемпбеля	135.
Тассъ. Историческое извѣстіе	165.
Кавишу и Тунгильби. Тунгузская повѣсть	189.
Замѣчанія о нравахъ и обычаяхъ вѣка Осодосія Великаго и сына его Аркадія	267.
Гора Св. Бернарда. (изъ Матиссона)	277.
Человѣконенавистникъ. Аллегорическая повѣсть	288.
СТИХОТВОРЕНІЯ:	
Ода Горація къ Ав усту	78.
Вызовъ пѣночки	81.
Задумчивость	87.
Посланіе къ К. у	90.
Старые гусары. Пѣсня	94.
Соловей въ клѣпкѣ. Басня	96.

Два шаррады	98.
Урокъ Хлоѣ	199.
Три розы въ пущынь	202.
Весна несчастнаго	205.
Разбогатѣвшій Тирсисъ. Сказка	208.
Два ласпочки. Басня	210.
Два шаррады.	212.
Къ Лицинію. Подражаніе Горацію	302.
Мысли о жизни и смерти	304.
Минвана	306.
Пѣснь Швейцарца къ его вооруженной лю- бовницѣ	310.
Увѣщаніе	312.
Пѣвецъ. Романсъ	314.
Кукушка и Крестьянинъ. Басня	316.
Разумъ и сердце	318.
Элипафія самому себѣ	—
С М Ъ С Ъ:	
Письмо Лейбница къ Пепру Великому, съ приложеніемъ нѣкоторыхъ къ оному до- полненій	99.
Иностранная Словесность	115.
Извѣщеніе	121.
Шестое Воскресенье въ Переславль - За- лѣскомъ	213.
Анекдотъ о Сумароковѣ	220.
Примѣръ сходства древняго Богемскаго нарѣчія съ древнимъ Рускимъ нарѣчіемъ	223.
Разныя извѣстія и выписки изъ Ино- спранныхъ Журналовъ	226.

Записки Общества	234.	345.
О театрѣ		319.
Нѣчто о Ларивѣ	:	340.
Имена мѣстъ и особъ, благоволившихъ под- писаться на сей Журналъ		349.

О П Е Ч А Т К И

ВЪ ШЕСТОЙ ЧАСТИ.

спран. стр.	Италитано:	Читай.
3. — 4.	приобретеним	приобрѣтеним.
— — 20.	гнездахъ	гнѣздахъ.
7. — 2.	вулкановъ	волкановъ.
14. — 7.	взыграли	взыградо.
— — 10.	обрету	обрѣту
— — 12.	Кезлову	Козлову.
15. — 23.	Агласимъ	Аглаимъ.
16. — 20.	Агласимомъ	Аглаимомъ.
25. — 17.	половину	половинѣ
28. — 25.	присудствіе	присутствіе.
29. — 12.	Восхваляла	Восхваляли
33. — 15.	не обращайшь	ни обращайшь.
38. — 6.	Драмы	Драмы
39. — 22.	его	его?
42. — 23.	Emblème	emblème
— — 14.	а гдѣ же башюшка же- нихъ.	а гдѣ же, башюшка, же- нихъ?
44. — 3.	есть	суть.
52. — 1.	зародышъ	зародышь
54. — 24.	вулкана, мгновенно . . взрывающаго	волканъ, мгновенно взры- нающій
62. — 10.	приспирасны	приспирасны
63. — 14.	лисабона	Лисабона
64. — 26.	Аббадшовъ	Аббасидовъ.
66.	Первыя пяшь спрокъ должны бышь совсѣмъ вы- пущены.	
66. — 26.	Медицина	Медицина.
74. — 2.	Эллегіамъ	Элегіамъ.
— — 25.	Импровизаторамъ . . .	Импровизаторамъ.
78. — 12.	свѣшлей и радоснѣй . .	свѣшлѣй и радоснѣй

81. — 17. тебя : : : тебѣ.
84. — 13. Если молніи палящи Если молніи палящи,
И шумящіе дожди, Ту- Тучи черныя дробящи
чи черныя дробящи И шумящіе дожди.
91. — 26. мирной лирной
92. — 4. безпечной безпечной,
95. — 13. вчеркомъ вчеркомъ
97. — 3. щелкашь щелкашь
— — 5. чей сей
99. — 20. переписки и шого вре- перепискѣ и шому вре-
мени мени.
106. — 24. которые которые
— — 26. можно имъ научишься можно научишься
— — 29. о предпріяшїа предпрїашїа
108. — 29. сданїа здашїа
109. — 11. при бышь семь при семь бышь
113. — 12. несомнѣиень несомнѣиелень
113. — 6. Решскому нысу къ Решскому нысу.
117. — 14. Баронамъ Баронамъ.
267. — 14. писалъ описалъ
— — 16. многїа другїа предметы многїе другїе предметы
268. — 18. плашье плашье,